ВВ27Н
Э689

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЭМИШЕН

ДОКТРИНА КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1928

Colonel OEHMICHEN

ESSAI SUR LA DOCTRINE DE GUERRE DES COALITIONS

LA DIRECTION DE LA GUERRE
(NOVEMBRE 1914 — MARS 1917)

BERGER-LEVRAULT, ÉDITEURS
NANCY — PARIS — STRASBOURG
1 9 2 8

БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛК. ЭМИШЕН

ДОКТРИНА КОАЛИЦИОННОЙ ВОЙНЫ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

НОЯБРЬ 1914 г.—МАРТ 1917 г.

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
С. А. ЛОСЕВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. И. ЩОЛОКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТДЕЛ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

К.
П 1986
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008

Этот труд захватывает интересный вопрос организации коалиционной войны. Вопросы организации коалиции освещаются с точки зрения интересов страны, претендующей на гегемона, вместе с тем снижающего политическое и экономическое значение союзника; другими словами, победа над соперником при помощи союзников с одновременным их пожираним гегемоном. Это *новый этап империализма.*

С другой стороны, не меньший интерес представляет собою то течение буржуазной мысли, которое мыслит борьбу с СССР путем создания коалиции, причем уже сейчас обрабатывается в этом направлении (у автора замаскировано) общественное мнение.

ВВ271
Э689 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)
983
18
223678 У

Главлит № А—14511 В—30/Гиз. № 26527 Тираж 3000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий". Москва, Пименовская., д. 16.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
От редакции	7
Предисловие	19
Первое исследование	
Общее руководство военными операциями коалиции 1916 г.	20
Общая идея	22
Подготовка	28
Выполнение. — Ведение генерального сражения (июль—декабрь 1916 г.)	45
Подготовка зимней кампании 1916 г. и кампании 1917 г.	67
Заключение	70
Второе исследование	
Начало военных действий коалиции на Востоке (1914—1916 гг.)	72
Дарданельский вопрос	73
Начало действий коалиции на балканском Востоке	80
Приведение в боевую готовность восточных армий	90
Переход к активным действиям восточных армий	106
Заключение	114
Третье исследование	
Могла ли коалиция победить в 1917 г.	117
Идея кампании 1917 г.	120
Подготовка плана кампании с августа по ноябрь 1916 г.	126
Решения коалиций (ноябрь 1916 г.)	137
Крушение плана коалиции	144
Выводы	165

ОТ РЕДАКЦИИ.

Война 1914—1918 гг. была «войной коалиций».

Коалиционный характер этой войны и трудность согласования усилий союзных армий, особенно на стороне Антанты [1], где во главе коалиции стояло несколько крупных и могущественных государств (Франция, Англия и Россия) при условии вооруженной борьбы на нескольких, разделенных и отдаленных друг от друга фронтах,—с течением войны все более и более настоятельно выдвигали вопрос о необходимости объединения действий против общего врага.

Стремление к объединению действий и согласованию общих усилий мы можем проследить во всех документах, касающихся сношений между союзными правительствами и главными квартирами армий. И чем шире развертываются события, чем сложнее становится обстановка в смысле расширения и увеличения числа театров военных действий и чем глубже захватывает война интересы каждого члена коалиции, тем все серьезнее становится вопрос о необходимости строгой согласованности действий как в области военно-политической, так и экономической.

Автор труда «Доктрина коалиционной войны», разбирая условия, в которых протекало общее руководство операциями Антанты, останавливает свое внимание главным образом на 1916 г., когда восторжествовала французская точка зрения и объединение действий союзников начало уже налаживаться. В первые же месяцы войны различие во взглядах главнейших членов коалиции (Франции, Англии и России) в вопросе об-

[1] На стороне центральных империй вопрос объединения действий членов коалиции разрешался проще, так как в этой коалиции преобладающее значение принадлежало могущественной Германии, которая с первых же дней войны явилась фактической руководительницей совместных усилий коалиции центральных держав.

щего плана войны выступало в очень резкой форме. Это можно видеть из тех проектов планов, которые были предложены отдельными членами коалиции на конференции 5 декабря 1915 г.

Английское верховное командование полагало, что «невозможно помешать развитию успехов германской политики на Востоке» и что следовало бы «ограничиться принятием мер по защите британских владений, преследуя *основную цель—сосредоточение сил на главных театрах (франко-британском и русском), где*, собственно, и должно последовать решение».

Русское верховное командование, наоборот, считало, что *следовало отказаться от попыток добиться крупных стратегических успехов на французском и русском фронтах*, где противник собрал значительные силы и развернул могущественные технические средства борьбы. Здесь союзники могли рассчитывать лишь на тактические успехи и притом дорого оплачиваемые. По его мнению, надо было *оставить на главных фронтах лишь необходимые силы* для защиты территории и *главный удар наносить «там, где противник был наименее к тому приготовлен»*, применяя план концентрического наступления на Венгрию двумя массами: одна, в составе не менее 10 корпусов франко-английской армии, сосредоточенной на Балканах, получила бы задачу отбросить австро-германские армии к северу от Дуная и, базируясь на Сербию, развить наступление в направлении на Будапешт; другая масса, в составе 10 корпусов русской армии, дебушируя из Буковины, должна была наступать в направлении Мармарош Сигет—Колошвар «на соединение с союзниками». Этот маневр облегчил бы положение итальянской армии и позволил бы ей развить наступление на Вену. В этой операции сербская армия прикрывала бы тылы союзников со стороны Болгарии.

Французское верховное командование этим проектам противопоставило свой план действий, который гласил: «*Решение войны может быть достигнуто только на главных театрах*, т. е. на тех театрах, где противник сосредоточил главную массу своих сил (фронты: русский, франко-английский, итальянский). Этого ре-

шения надлежит достичь *согласованными наступательными операциями, производимыми на всех фронтах одновременно* или, по крайней мере, с достаточно короткими промежутками одна за другой, чтобы противник не был в состоянии перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой». «Совместные действия должны быть предприняты возможно скорее. Что касается второстепенных театров, то на них необходимо иметь только достаточный минимум сил». Кроме того— произвести немедленную эвакуацию полуострова Галлиполи, защищать Египет, организовать оборону Салоник.

В результате конференции в Шантильи [1] был принят французский проект, и, таким образом, французская точка зрения восторжествовала. С этого момента начинается, поскольку это можно было осуществить, координированное ведение коалиционной войны, устанавливается постоянная связь как между командованиями союзных армий, так и между союзными правительствами.

Таким образом в основу плана кампании 1916 г. была положена идея достичь решения войны путем «*согласованных наступательных операций, производимых на всех фронтах одновременно*».

Достигнуть единства взглядов в этом вопросе было нелегко. Но еще труднее было в духе основной идеи кампании 1916 г. подготовить и провести эту кампанию, несмотря на то, что в некотором роде высшее верховное командование, при полном единодушии союзников [2], было доверено французскому главнокомандующему, генералу Жоффру.

Эти трудности, по мнению автора труда «Доктрина коалиционной войны», проистекали главным образом вследствие:

[1] Этой конференции предшествовала конференция министров иностранных дел Англии и Франции в Париже 9 декабря 1915 г., на которой было достигнуто соглашение между этими двумя правительствами по вопросу об оставлении в Салониках союзных войск.

[2] Дискуссия между генералами Жоффром и Алексеевым закончилась тем, что последний 25 декабря 1915 г. заявил французскому представителю при русской главной квартире: „*Пусть один командует*, я буду сообразоваться с указаниями генерала Жоффра".

а) разности интересов союзников;
б) различия в формах их правительств;
в) отсутствия централизующей усилия союзников высшей власти;
г) совершенной неподготовленности государств к войне группой вооруженных наций (т. е. к коалиционной войне).

Те же причины действовали и при решении вопроса о «выступлении коалиции на Востоке» (на Балканском театре военных действий), которое также долгое время никак не могло наладиться вследствие существенных разногласий по этому вопросу между союзниками[1].

Наконец в третьем своем исследовании автор рассматривает идею и план кампании коалиции в 1917 г., противопоставляя ее кампании 1916 г. На поставленный вопрос: могла ли коалиция победить в 1917 г.?— автор на основании анализа событий дает положительный ответ. Почему же она не победила? Потому, отвечает автор, что «коалиция *отклонилась от основных положений, присущих характеру войны группой вооруженных наций*», и прежде всего потому, что она *принцип согласованности усилий подменила «свободной импровизацией этих усилий»*, т. е. игрой, в которой одни рисковали своим благополучием, между тем как другие, занятые собственными делами и безучастные к общим интересам, ограничивались критикой.

В результате трех своих исследований автор выводит следующие положения как синтез предыдущего анализа фактов и событий войны 1914—1918 гг.:

1. Сила коалиции основывается на *моральной дисциплине* членов коалиции.

2. Каждая *коалиция должна иметь своего вождя*, которому должна строго повиноваться.

3. Каждая, входящая в состав коалиции нация обязана сражаться (вести войну) *в рамках, установленных общим планом* совместных действий; отдельные *инициативные выступления воспрещаются.*

4. *Национальные интересы должны уступать общим интересам.*

[1] Второе исследование.

5. Каждая нация, входящая в состав коалиции, должна строго *соблюдать правила чести* (очевидно, кивок в сторону России, вышедшей из коалиции в 1917 г.).

Такова сущность затронутого вопроса и основные выводы автора.

Проблема коалиционной войны в современных условиях—вопрос весьма интересный и имеющий значение не только для империалистических стран Западной Европы, но и для нас, так как возможность выступления коалиции империалистических держав против СССР далеко не исключена и в настоящий момент носит более или менее реальный характер. Нам надо всесторонне изучить своего возможного противника.

Империалистические войны по природе своей—войны коалиций и будут вестись, как говорит полковник Эмишен, «группами вооруженных наций». Ядро коалиций, подобно тому как это было в войну 1914—1918 гг., и в будущем составит одна или несколько (две-три) крупных империалистических стран [1], наиболее сильных в военном отношении и могущественных экономически.

Объединение усилий и согласованность совместных операций в этих условиях сопряжены с целым рядом подчас непреодолимых трудностей. Как сильные, так и более слабые страны, входящие в состав коалиции, обычно преследуют свои собственные политические и экономические цели; каждый член коалиции стремится удовлетворить в первую очередь свои аппетиты, каждый стремится использовать создающуюся в процессе ведения войны обстановку в своих интересах, перед которыми отступают на задний план общие интересы коалиции, хотя бы и признанные взаимным соглашением. Весьма часто политические и экономические цели, преследуемые отдельными членами коалиции, прямо противоположны политическим и экономическим целям других членов коалиции.

Таким образом основная сущность коалиции империалистических стран заключается во внутреннем про-

[1] В войну 1914—1918 гг. на стороне коалиции центральных держав главную роль играла Германия, а на стороне Антанты—Франция, Англия и Россия.

тиворечии их интересов, что и создает те трудности, которые становятся на пути к достижению столь необходимого объединения усилий отдельных членов коалиции при ведении коалиционной войны. Стремление подчинить частные интересы общим интересам, выражающееся в создании централизующей власти, в той или другой форме, наталкивается на центробежные силы, заложенные внутри самой коалиции и действующие как раз в противоположном направлении объединяющим центростремительным усилиям.

К этой основной причине необходимо добавить и другие причины, осложняющие обстановку ведения коалиционной войны.

В коалиции принимают участие государства различной военной и экономической мощности. Определить коэффициент напряжения, которое можно потребовать, при такой неравноценности отдельных членов коалиции, очень трудно, а обстоятельства иногда могут принудить потребовать от некоторых слабых членов коалиции напряжения, несоразмерного с их силами и средствами.

Отдаленность театров военных действий, часто не ограничивающихся одной частью света, естественно, также затрудняет объединение действий союзников: затрудняется взаимодействие между отдельными и разделенными друг от друга фронтами, затрудняется поддержка за счет свободных сил на других фронтах.

В таких условиях управление действиями коалиции—дело в высокой степени трудное и в полной мере, в идеале, неосуществимое.

И тем не менее, как бы сложна ни была обстановка коалиционной войны, единственное решение вопроса управления и ведения такой войны заключается в объединении усилий союзников. Принцип: «единый фронт (политический, военный и экономический) и единое управление и руководство»—должен быть положен в основу, только применение этого принципа может позволить рассчитывать на какой-либо успех.

Выше было указано, что только сильное государство может оказаться в роли гегемона коалиции, и это вполне естественно; если же принять во внимание, что каж-

дый член коалиции не может не стремиться прежде всего соблюсти свои интересы, то легко понятно, что гегемону коалиции эти интересы, конечно, оберегать легче, прикрываясь, однако, общими интересами коалиции.

Полковник Эмишен, требуя в заключительной части своего труда от членов коалиции моральной дисциплины, подчинения частных интересов общим интересам, соблюдения в операциях рамок, установленных общим планом войны, очевидно, предполагает, что этим правилам члены коалиции должны строго следовать при всяких обстоятельствах, и не допускает, повидимому, мысли, что при некоторых, особо тяжелых условиях абсолютное применение их для отдельных членов коалиции неприемлемо. Так, он вместе с генералом Жоффром обвиняет Россию, что она противодействовала и не соглашалась на выступление Румынии в 1916 г. По мнению французского главнокомандующего, это выступление по времени и по месту в Мировой войне представлялось событием, которое должно было бы решить победу Антанты, ибо в нужный момент и и в наиболее чувствительном месте вводились свежие силы (но какие силы? Слабая, не испытанная в боях румынская армия), вмешательство которых в августе 1916 г. могло повлечь за собой, учитывая успехи армий Брусилова в Галиции и Буковине, крушение австро-германского восточного фронта. Однако на крушение австро-германского фронта вряд ли можно было рассчитывать, если принять во внимание, что сражение на Сомме и продолжающиеся бои под Верденом хотя и потребовали от немцев напряжения, но они не могли привязать к западному фронту все их свободные силы. Доказательством может служить подсчет, приводимый в статье А. Х. Базаревского (сборник статей «Кто должник?»), где указывается, что за август, сентябрь, октябрь и ноябрь 1916 г. число германских дивизий на русско-румынском фронте увеличилось с 45 до 75 дивизий, т. е. возросло почти на 70% по сравнению с тем, что было на русском фронте до выступления Румынии.

Таким образом, выступление Румынии оттянуло от

французского фронта значительные силы немцев, что привело Гинденбурга к необходимости отдать приказ о прекращении атак под Верденом, а это в большой степени облегчило положение на французском фронте, с которого за четыре месяца было снято 30 дивизий. Между тем выступление Румынии тяжелым бременем легло на плечи России.

О том, что выступление Румынии было в высокой мере выгодно для Франции и Англии, ибо новый союзник вводился именно на восточном фронте, и, следовательно, давление на западном фронте должно было ослабнуть, полковник Эмишен, так же как и генерал Жоффр, не говорит ни слова: первый—в своем труде, а второй—в своих соображениях о плане совместных действий. Вместо этого они ссылаются на незыблемые принципы стратегии (ввод в решительный момент и на решительном участке или в чувствительной для противника точке свежих сил) и приравнивают роль румынской армии в кампании 1916 г. к роли, которую сыграли отряд генерала Дезе в сражении при Маренго и корпус Блюхера—при Ватерлоо.

Но мы знаем, что сохранение нейтралитета Румынией для России было гораздо выгоднее, чем ее военное выступление, которое влекло за собой:

а) удлинение на 450 *км* ее и без того растянутого на 1 300 *км* фронта и необеспеченность левого фланга русского фронта, который до этого момента прочно обеспечивался нейтралитетом Румынии; при такой растяжке фронта на 1 750 *км*, в условиях слабой пропускной и провозной способности весьма жидкой железнодорожной сети в районе румынского фронта, маневрирование резервами становилось весьма затруднительным;

б) выделение значительных сил и средств для вооруженной поддержки Румынии[1] и ослабление себя на важнейших операционных направлениях (Петербург, Москва, Киев);

в) предоставление части русского транспорта, и без того недостаточного, для перевозок по снабжению ру-

[1] Эта поддержка *вначале* определялась генералом Жоффром в виде русской армии численностью в 250 000.

мынской армии имуществом, идущим из Франции и Англии через Архангельск и Владивосток.

Эти доводы, приводившиеся русским верховным командованием[1], достаточны, чтобы опровергнуть мнение, что Россия якобы не понимала своих собственных интересов, не понимала общей обстановки, как о том говорится в труде полковника Эмишена[2]. И тем не менее Россия постепенно должна была уступить общим интересам коалиции (?), и в результате «Румыния поглотила для своей защиты 23% общего числа русских пехотных и 37% кавалерийских дивизий из общего числа 156 и 58 соответственно, находившихся на фронте, не считая Кавказа»[3]. Она должна была выполнить,—правда, под давлением тогдашнего гегемона коалиции, Франции,—пункт 4-й поучения, которое дает, в виде основных положений ведения коалиционной войны, полковник Эмишен в своем заключении.

Таким образом могущественный член коалиции, отлично сознавая и втайне преследуя свои частные интересы, прикрываясь проблематическими, общими для всей коалиции интересами (ведь крушение австро-германского фронта было весьма сомнительно), понудил более слабого союзника поступиться своими весьма существенными интересами, что привело только к ослаблению этого союзника, а стало быть, и к ослаблению коалиции, что вряд ли было в интересах последней. Совершенно правильный принцип подчинения частных интересов союзников общим интересам всей коалиции явно нарушался и, повидимому, и в будущем будет нарушаться прежде всего сильными империалистическими странами, особенно если судьба поставит их во главе коалиции.

В этом-то и заключается вся трудность коалиционной войны.

И тем не менее, как об этом сказано выше, путь один для достижения победы в коалиционной войне—

[1] „Я не имею права доложить верховному главнокомандующему о необходимости принятия такого плана и присоединиться *к такой авантюре*“,—писал генерал Алексеев в марте 1916 г. министру иностранных дел Сазонову.

[2] Смотри главу „Распадение плана“, стр. 109.

[3] „Кто должник?“, сборник статей, стр. 285.

это объединение усилий союзников, поскольку это возможно в условиях империалистических войн.

Как же практически должно проводиться в жизнь столь необходимое объединение усилий союзников? В чем же должно выражаться управление действиями коалиции в вооруженной борьбе? Каковы задачи управления, задачи по руководству этой вооруженной борьбой?

Когда вопрос о главе коалиции решен, необходим какой-то аппарат прежде всего для верховного политического руководства войной; этим аппаратом, конечно, явится орган, руководящий государственной политикой страны, становящейся во главе коалиции; если же гегемонию в коалиции одновременно осуществляют несколько стран, то, пожалуй, лучшее решение было бы не в периодических конференциях, а в образовании постоянного совета премьеров этих стран, как это мы наблюдали в 1917 г., когда был создан Верховный военный совет Антанты в составе премьеров Англии, Франции и Италии. Что касается военного руководства, то оно для своего осуществления требует также какого-то аппарата непосредственно при том главнокомандующем, на которого будет возложено руководство военными действиями коалиции. Необходимо добиваться единого командования, хотя этот вопрос, когда в коалиции несколько крупных держав, как показывает опыт Мировой войны, на стороне Антанты, не может быть разрешен безболезненно.

Руководство вооруженной борьбой выразится:

а) в установлении единой, общей для всех союзников линии поведения;

б) в составлении оперативного плана на известный продолжительный период в соответствии с общей целью, поставленной на этот период;

в) в руководстве действиями союзников на различных фронтах, придерживаясь строго принятого и одобренного всеми союзниками оперативного плана.

Средствами руководства являются:

1. *Политическое воздействие.* Так, в Мировую войну Германия, в целях удержать в состоянии нейтралитета Италию и Румынию, требовала от Австрии отдать Ита-

лии область Трентино и сделать территориальные уступки Румынии; Антанта принуждала Россию отказаться от проливов, чтобы привлечь на свою сторону Болгарию, а Сербию уговаривала отдать Македонию Болгарии. К политическим же средствам относится обработка общественного мнения в союзных странах, что мы наблюдали на обеих враждующих сторонах.

2. *Экономическое воздействие* как по отношению к своим союзникам, так и по отношению к нейтральным странам. Примерами такого воздействия пестрит вся история взаимоотношений между союзниками и той и другой коалиции как в период подготовки к войне, так и втечение самой войны особенно. Приводить этих примеров мы не будем.

3. *Вооруженная помощь и прямое вооруженное давление.* Лучшим примером такого воздействия является выступление Румынии, о чем говорилось выше, и давление на Грецию со стороны Антанты. Применение этого средства позволяет непосредственно влиять на ход войны.

220678

Вот в общих чертах, кратко, те мысли, на которые наталкивает изучение истории Мировой войны с точки зрения проблемы коалиционной войны, и в частности работа полковника Эмишена. Все ведение Мировой войны с самого ее начала представляет собой постепенное развитие идеи объединенных усилий и согласованных действий союзников и осуществление ее в более совершенных формах. К сожалению, автор затронул этот вопрос узко с военной точки зрения, не осветив совершенно политического руководства, которое всегда доминирует во всех соображениях по руководству военными операциями в масштабе коалиции. Вместе с тем автор благоразумно умолчал об империалистическом характере коалиционных войн. При таких условиях работа автора не дает необходимой полноты исследования. К тому же она носит несколько тенденциозный характер в своем стремлении доказать, что одно лишь французское правительство и его верховное командование правильно оценивали обстановку, что они первые осознали и проводили принцип единого фронта, единства усилий и командования в условиях подчас

Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

умышленного противодействия со стороны большинства своих союзников и что единственным человеком, который мог привести коалицию к победе в кратчайший срок, был генерал Жоффр, но его, к сожалению, не во-время убрали. Однако, несмотря на эти недостатки и специфические особенности, эта книга может быть рекомендована, как первая, хотя и неполно охваченная попытка поставить проблему коалиционной войны и на основе анализа исторических событий дать ее решение в форме нескольких общих положений, соблюдение коих необходимо для успешного ведения такой войны, неизбежной и в будущем.

Работа полковника Эмишена может послужить хорошим дополнением к стратегическому очерку Мировой войны, но требует чтения ее при обязательном пользовании картой театра военных действий.

И. Щолоков.

22—XI—1927.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Три исследования, объединенные в настоящем труде, хотя и представлены каждое в отдельности, тесно связаны между собой и образуют как бы опыт исследования доктрины коалиционной войны.

Мы поставили себе задачей почерпнуть в истории первых трех лет войны (ноябрь 1914 г. по март 1917 г.) урок ведения войны в масштабе «группы вооруженных наций». Это нам удалось путем изучения фактов, которые со стороны Антанты рисуют за этот период деятельность ее военных руководителей.

Роль, сыгранная французским верховным командованием без специальной подготовки в области столько же обширной, сколько и мало исследованной, заслуживает подробного выяснения хотя бы в интересах истории.

Но кто сможет утверждать, с другой стороны, что мир никогда больше не увидит коалиционной войны и что исследование неизменных принципов, управляющих подобной войной, относится к области чистого умозрения?

ПЕРВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

ОБЩЕЕ РУКОВОДСТВО ВОЕННЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ КОАЛИЦИИ В 1916 г.

Остановив натиск немцев на берегах Марны и на Изере, французская армия достигла мирового престижа, а ее главнокомандующий приобрел высокий моральный авторитет, который впродолжение первого года войны заставил прислушиваться к его голосу союзные военные советы.

Но непостоянное и исключительно официальное воздействие этого авторитета не могло сообщить военным операциям коалиции, направленным против центральных империй, необходимые согласованность и единство. На деле, несмотря на ожесточенные, но обычно разрозненные усилия, армии Антанты втечение 1915 г. постоянно подчинялись воле противника и противопоставляли его быстрой и отважной инициативе одни лишь запоздалые, бесплодные и дорого стоившие попытки отражения удара.

В конце 1915 г. неудача дарданелльской экспедиции и тяжелые условия, при которых было начато салоникское дело, с очевидностью показали, что союзники никогда не достигнут важных результатов, если им не удастся согласовать своих усилий и осуществить организацию единого фронта против общего врага. Согласованные и умело направленные операции на этом фронте могли бы помешать австро-германцам использовать свое центральное положение, дававшее им возможность последовательно, по стратегическим соображениям, перебрасывать свои главные силы то против одного, то против другого своего противника.

Единое командование всеми боевыми силами союзников безусловно обеспечило бы возможность вполне реализовать этот мудрый принцип ведения коалиционной

войны; но в ту эпоху умы были еще совершенно не подготовлены к такому решению, которое, надо согласиться, представляло значительные трудности как ввиду удаленности друг от друга различных театров военных действий, так и в силу глубоких различий в строении объединившихся для ведения войны государств.

Приходилось, следовательно, удовлетвориться возможно более тесным соглашением между главнокомандующими, используя приэтом тот существенный факт, что генерал Жоффр приобрел неоспоримый авторитет в союзных военных советах и мог осуществить что-то вроде общего руководства совокупностью военных операций—руководства, которое уже приняли и признали главнокомандующие других армий.

Однако, прежде чем претендовать даже в самой скромной форме на общее руководство силами коалиции, французский главнокомандующий должен был получить власть над всеми французскими армиями, действующими на этом предполагаемом едином фронте. Не говоря уже о самих операциях, для проведения которых эта мера представляла совершенно очевидное значение, главнокомандующий приобрел бы таким образом более широкий и прочный авторитет и мог бы выступать действительно от имени Франции по всем вопросам, по которым оказалось бы необходимым соглашение союзных властей.

С этой целью декретом от 2 декабря 1915 г. генерал Жоффр получил «верховное командование всеми французскими армиями». Спустя несколько дней он предоставил главнокомандующим или их представителям, собранным в его главной квартире, оперативный план, предлагавшийся от имени Франции коалиции, и добился принятия его в основных чертах (Вторая конференция в Шантильи 6, 7 и 8 декабря 1915 г.).

Таким образом в первый раз с начала войны был намечен план общих действий всех сил коалиции. Выполнение этого плана, расширенного впоследствии благодаря вступлению в коалицию нового союзника и проводимого применительно к обстоятельствам и невзирая на противодействие неприятеля, составляет кам-

панию 1916 г., которая привела нашего могущественного противника к преддверию поражения.

На последующих страницах мы попытаемся показать, какую роль сыграло французское верховное командование в зарождении, подготовке и проведении этой славной кампании, которая, начиная с июня 1916 г. разыгралась в форме генерального сражения, данного общими силами коалиции на едином, обложившем центральные империи, фронте.

ОБЩАЯ ИДЕЯ.

В области высшей стратегии идея, положенная в основание плана кампании, всегда чрезвычайно проста и покоится почти исключительно на соображениях здравого смысла. Вопрос осложняется только с момента перехода к выполнению плана. Когда дело идет об управлении и успешном проведении операций целой «группы вооруженных наций», возникают неисчислимые затруднения, повседневное преодоление которых требует огромной работы и напряжения высших способностей человеческого ума и воли.

Основная идея плана кампании 1916 г. вполне подтверждает своей простотой это общее правило.

Установив, что втечение первого года войны главный противник неизменно пользовался полной свободой действий в смысле возможности устремлять с постоянным успехом свои главные силы попеременно на Францию, Россию и Сербию, верховное французское командование считает необходимым лишить его в будущем этой возможности; в этих видах оно решает атаковать противника концентрически и одновременно на всех его фронтах, с тем чтобы связать его резервы и помешать ему пользоваться своими внутренними линиями, т. е. в конечном результате отнять у него выгоды его центрального положения и вырвать из его рук инициативу действий.

Это основное положение определяет все содержание плана, который с момента принятия этого положения логически из него вытекает.

1. Чтобы достигнуть поставленной цели, намеченные

общим соглашением операции на главнейших фронтах должны быть проведены с возможно большею интенсивностью, и, следовательно, каждая армия должна употребить максимум имеющихся в ее распоряжении средств личного состава и материальной части. В случае, если в какой-либо из армий оказался бы недостаток в том или другом отношении, надо от соответствующей страны требовать дополнительного напряжения как по укомплектованию армии, так и по поднятию производительности в военной промышленности; в случае же невозможности такого усилия,—заимствовать необходимые средства из общего коалиционного фонда.

2. Чтобы неприятель не мог помешать выполнению плана, каждая армия должна быть в состоянии остановить всякие наступательные диверсии, на которые он может решиться; уверенность в этом отношении возможна лишь при наличии полной солидарности между союзниками.

3. Чтобы комбинированные атаки союзников действительно могли бы связать главного противника и поставить его в неуверенное и трудное положение, следует эти атаки вести концентрически на всех фронтах войны; следует также стремиться завершить кольцевое окружение противника.

4. Чтобы не рассеивать усилий, необходимо действовать с величайшей экономией сил на второстепенных театрах войны, на которых военные действия были открыты под влиянием каких-либо политических, экономических или военных причин.

Прилагая изложенные выше принципы к положению дел в конце 1915 г., совершенно естественно было притти к идее нового плана кампании на 1916 г., который и был предложен в Шантильи верховным французским командованием.

Ввиду предполагаемого общего наступления на всех фронтах, прежде всего надлежало привести армии в боевую готовность. С этой точки зрения создавшееся положение рисовалось в следующем виде.

Русские армии, терпевшие летом 1915 г. постоянные поражения, понесли значительные потери в своей ма-

териальной части за время долгого и дорого стоившего отступления и не были в состоянии возобновить наступление без предварительной полной реорганизации.

Вследствие продолжительного боевого напряжения, имевшего целью облегчить положение русских союзников, франко-британские армии точно так же нуждались в определенном времени для отдыха и восстановления.

Итальянская армия, вступившая в бой только в середине года, понесла относительно незначительные потери, но должна была довершить свою еще не законченную организацию.

Сербскую армию, отступавшую через албанские горы, надо было сначала собрать, а затем полностью перестроить.

Восточная армия, отошедшая на Салоники, могла сыграть роль только в будущем.

Таким образом в отношении одних лишь главных армий, не говоря уже о других, оказывалась необходимость интенсивной подготовки, которая по времени должна была, впрочем, совпасть с периодом, исключавшим возможность наступательных операций в больших размерах на русском и итальянском фронтах по климатическим условиям.

Но, с другой стороны, этому подготовительному периоду можно было уделить лишь строго необходимое минимальное время, так как одновременно надо было быть готовым дать серьезный, могущественный отпор противнику при условии полного взаимодействия между фронтами, ибо в противном случае противник, захватив инициативу в свои руки, легко мог бы вновь помешать планам Антанты.

Одновременно следовало подготовить активное выступление наших восточных сил,[1] занимавших выгодное положение на фланге неприятеля. Это выступление могло бы видоизменить в нашу пользу положение на Балканах, так как дало бы возможность в определенный момент завершить кольцевое окружение центральных империй, давшее широкую трещину с того времени, как Болгария приняла участие в войне.

[1] Салоникский отряд.

Наконец оставалось провести решительную экономию на всех второстепенных или не имеющих будущего театрах военных действий, как, например: в Месопотамии, где британские силы только что потерпели серьезные неудачи, в Армении, в которую русская кавказская армия вторглась без всякой определенной цели; в Египте, находившемся под весьма проблематичной угрозой, и в особенности в Дарданеллах, где экспедиционный корпус не имел никаких шансов выйти из того безнадежного положения, в котором он продолжал держаться с апреля месяца при огромном напряжении энергии и ценою чрезвычайных потерь.

Предложения, основную сущность которых мы изложили, заслужили единодушное одобрение всех главнокомандующих, за исключением, впрочем, пункта о предполагаемой позиции на Востоке. Находясь под влиянием неудачи, постигшей союзные начинания в Дарданеллах, британское верховное командование формулировало ряд возражений против своевременности развития военных операций на этом театре войны; пришлось временно ограничиться полученным от него согласием на «сохранение нашего положения в Салониках».

Как бы то ни было, участники конференции в Шантильи выработали в форме заключительных решений конференции план действий, который, получив одобрение заинтересованных правительств, составил «хартию коалиции» на зиму 1915/16 г., или, говоря точнее, на время кампании 1916 г.; далее мы приводим этот важный документ:

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ КОНФЕРЕНЦИИ.

I. Главные театры военных действий.

Представители союзных армий единогласно признают, что окончательное решение войны может быть достигнуто лишь на главнейших театрах военных действий, т. е. на тех, на которых противник держит большую часть своих сил (русский фронт, англо-французский фронт, итальянский фронт).

Решения следует добиваться согласованными наступательными действиями на этих фронтах. Все усилия коалиции должны быть направлены на то, чтобы придать своим наступательным действиям максимальное могущество как в отношении численного состава, так и в отношении материальных средств.

Решительные результаты могут быть достигнуты только в том случае, если наступательные действия коалиционных армий будут предприняты одновременно или по крайней мере с настолько незначительными промежутками времени, чтобы неприятель не мог свободно перебрасывать свои резервы с одного фронта на другой [1].

Общее наступление должно начаться возможно скорей.

Союзные армии должны, следовательно, позаботиться о скорейшем увеличении своего численного состава и материальных средств, чтобы получить возможность в ближайшем будущем проявить максимум напряжения.

Весьма желательно, чтобы это максимальное усилие могло быть реализовано в начале будущего марта.

Для установления окончательных сроков предстоящих наступательных действий будут приняты во внимание:

1) условия климатические;

2) положение неприятеля и политические обстоятельства, которые могут принудить коалицию к преждевременному наступлению, даже если бы к тому моменту не удалось создать всех благоприятных условий для наступательных действий.

Для противодействия всем попыткам неприятеля воспрепятствовать осуществлению этого плана надлежит принять следующие меры:

а) каждая из союзных держав должна быть готова своими собственными средствами противодействовать на своем фронте всякому наступлению неприятеля;

б) в случае неприятельской атаки против одной из

[1] Произведенные в настоящее время исследования показывают, что необходим приблизительно месячный срок для переброски значительных сил с одного фронта на другой.

держав Антанты все остальные державы должны оказать ей всяческую поддержку.

Немедленно надо принять интенсивные меры к истощению неприятеля путем частичных и местных наступлений, в особенности державам, располагающим богатым запасом людей [1].

II. Второстепенные театры военных действий.

Участники конференции единогласно признают, что на второстепенных театрах войны следует держать по возможности минимальное количество сил и что общее количество войск, находящихся на Востоке, является достаточным для удовлетворения местных потребностей.

1. *Салоникский район.* Члены конференции, за исключением представителей Британской армии, полагают, что экспедиционный англо-французский корпус должен быть оставлен в Салоникском районе.

Маршал сэр Джон Френч воздерживается от выражения своего мнения по этому вопросу, так как он недостаточно ознакомлен с местными условиями и положением войск.

Во всяком случае, каково бы ни было решение отдельных правительств, члены конференции единогласно признают, что к организации обороны Салоник должно быть приступлено в самом срочном порядке.

2. Что касается *Галлипольского полуострова*, то члены конференции единогласно постановляют потребовать немедленной и полной его эвакуации.

3. В отношении *Египта*, значение которого для дальнейшего течения войны оспаривать не приходится, участники конференции единогласно признают, что его оборона должна быть обеспечена при всех обстоятельствах, но с возможно меньшей затратой сил.

Изучение обстановки и произведенные подсчеты показывают, что атака Египта возможна только до апреля месяца и могла бы быть произведена максимально 8 турецкими дивизиями в силу всевозможных трудностей, связанных с такой экспедицией.

[1] Конечно, имеется в виду Россия. Ред.

ПОДГОТОВКА.

I. ПОДГОТОВКА ДО СРАЖЕНИЯ У ВЕРДЕНА.

(Декабрь 1915 г.— февраль 1916 г.)

После выработки и установления общего плана действий надлежало, не теряя времени, приступить к подготовке намеченных операций.

С этого момента роль французского главнокомандующего заключалась в следующем: следить, в общих интересах, чтобы каждый союзник направлял, поддерживал и развивал свои усилия в границах, намеченных конференцией, принимать необходимые меры к постоянной взаимопомощи и устранять затруднения, которые часто возникают в коалиционной войне при столкновении национальных интересов.

Эта роль согласования и примирения, по единодушному соглашению всех главнокомандующих, была доверена генералу Жоффру. Правительства союзных держав ратифицировали это удачное решение, прикомандировав непосредственно к генералу Жоффру начальников военных миссий; эти лица образовали при ставке французского главнокомандующего своего рода междусоюзный генеральный штаб. Кроме того декрет от 2 декабря дал возможность организовать непосредственно при главнокомандующем необходимые органы для общего управления операциями. Тогда же был учрежден штаб главнокомандующего всеми французскими армиями, который должен был ведать всеми вопросами, касающимися внешних театров военных действий (Т. О. Е.), и при помощи которого генерал Жоффр с тех пор мог оказывать свое воздействие на общее ведение войны.

Одновременно установилось необходимое сотрудничество между правительством и верховным командованием на основе абсолютного взаимного доверия, что было проверено на опыте целого года войны.

Отныне весь аппарат управления был окончательно сорганизован, и его неизменно улучшающаяся работа достигла большого совершенства к моменту, когда события понудили генерала Жоффра воздействовать на

общий ход сражения, завязавшегося на различных фронтах.

Но в рассматриваемый нами период задача сводилась только к тому, чтобы регулировать подготовку намеченных наступательных действий и в первую очередь привести в боевую готовность армии, которые должны были принять в них участие.

На этом последнем вопросе и сосредоточилось все внимание генерала Жоффра втечение подготовительного периода, предшествовавшего Верденскому сражению, т. е. впродолжение нескольких месяцев относительного затишья, которым коалиция пользовалась зимою 1915/16 г.

Задача *Британской армии* заключалась в отправке на французский фронт максимального количества боевых единиц. Не подлежит сомнению, что генерал Робертсон, исполнявший с 24 декабря 1915 г. должность имперского начальника штаба, держался по этому вопросу одинаковых с генералом Жоффром взглядов, но ему приходилось считаться, с одной стороны, с английским общественным мнением, всегда очень падким на усмотрение всевозможных угроз своей территориальной безопасности, с другой стороны—с постоянной тенденцией к развитию колониальных операций, тенденцией, которая получила свое первоначальное выражение в Военном комитете под влиянием известных идей лорда Китченера. Фактически ко 2 декабря 1915 г. из 70 английских дивизий, которые к этому времени были сформированы и приведены в боевую готовность, во Франции находилась только половина (34 дивизии); остальные либо были задержаны в самой Англии, либо переправлены на второстепенные театры военных действий, а именно в Египет, которому, однако, повидимому, не угрожала никакая серьезная опасность.

Путем постоянного контакта с британским верховным командованием и беспрестанного посредничества генерал Жоффр добился, однако, преобладания своего взгляда в этом важном вопросе. 7 марта Британская армия во Франции насчитывала 42 дивизии, к середине апреля она должна была состоять из 47 дивизий и к концу июня—из 54.

Реорганизация *Русской армии* являлась более трудной задачей. Начиная с ноября месяца главнокомандующий обращал внимание правительства на состояние материального обнищания, в котором находилась эта армия к концу своего продолжительного отступления, и просил для нее немедленной помощи. Когда впоследствии выяснилась вся серьезность создавшегося положения, генерал Жоффр отказался в пользу Русской армии от тех материальных запасов, в которых не испытывал прямой нужды, и принял все меры, чтобы обеспечить русским своевременную отправку недостающей им материальной части (винтовок, артиллерии, авиационного имущества). К несчастью, неудовлетворительная организация транспорта и закрытие Белого моря льдами помешали всем усилиям, сделанным в этом направлении Францией, Англией и Италией. Затруднения дипломатического порядка и загроможденность Сибирской дороги не дали возможности наладить подвоз снабжения через Канаду и Дальний Восток, и Россия в конечном результате получила впродолжение зимы лишь самую незначительную часть материальной части, уступленной ей союзниками; и только после открытия северных портов транспорт принял несколько более регулярный характер.

Итальянская армия, стремившаяся увеличить число своих боевых единиц, точно так же получила, по предложению главнокомандующего, помощь от союзников. Франция в особенности обеспечила ей доставку значительного запаса материальной части, потребной для организации новых батарей тяжелой артиллерии.

В то же время необходимо было решить неотложную задачу спасения *Сербской армии*, которая после трагического отступления через албанские горы достигла в первых числах декабря побережья Адриатики, образовав там две неорганизованные, лишенные всех запасов, умирающие с голоду группы, которым угрожали продвигавшиеся вперед через Черногорию австрийские силы. Поручив 15 декабря генералу Пиаррон-де-Мондезиру снабжение и приведение в порядок этих жалких остатков, генерал Жоффр лично позаботился об их эвакуации на остров Корфу. Благодаря его энергичным

хлопотам перед итальянским верховным командованием сербы могли погрузиться в Валлоне под защитой итальянского флота, а наиболее истощенные части, не имевшие сил добраться до этого порта,—в Дураццо и в С.-Жан-де-Медуа [1].

19 февраля Сербская армия, сохранившаяся в количестве приблизительно 160 000 человек, собралась полностью на острове Корфу, и генералу Мондезиру было поручено реорганизовать эти остатки и создать из них новую армию, использование которой на салоникском фронте было уже предусмотрено.

Оставалась еще *Восточная армия*, приведение которой в хорошее состояние должно было, повидимому, натолкнуться на всевозможные затруднения с трех сторон: военной, политической и междусоюзной.

С военной—поскольку таким отвлечением значительного количества сил от «главных» театров военных действий в пользу одного «второстепенного» нарушался общий принцип, установленный с самого начала.

С политической—вследствие сначала нерешительной, а затем прямо враждебной позиции Греции.

С междусоюзной—так как не было достигнуто соглашения между Францией и Англией по вопросу о целесообразности сохранения наших сил на Востоке.

И все же, обсуждая вопрос с этих трех точек зрения, здравый смысл подсказывал оставление нашей армии в Салониках.

В военном отношении мы обеспечивали бы за собой весьма выгодное исходное стратегическое положение, которое в один прекрасный день могло дать нам возможность повернуть в нашу пользу общее положение на Балканах и замкнуть охватывающее центральные империи кольцо.

В политическом отношении мы сохранили бы за собой возможность заставить Грецию выполнять свои

[1] Эта эвакуация наиболее истощенных частей Сербской армии, чрезвычайно опасная вследствие близости австрийской морской базы в Каттаро, была выполнена французскими и итальянскими моряками с отвагой и самоотвержением, память о которых должна сохраниться в истории.

обязательства, а при случае могли бы получить и использовать помощь Румынии.

С точки зрения междусоюзной мы сохранили бы союз с Сербией и возможность применить ее восстановленную армию для достижения единственно доступной ей цели—обратного завоевания ее национальной территорий.

Наконец с моральной точки зрения наше присутствие в Салониках маскировало неудачу в Дарданеллах и давало нам возможность спасти наш престиж.

Проникнутый всеми этими соображениями, генерал Жоффр начал подготовлять Восточную армию к предназначенной ей роли. Получив согласие британского правительства на временное оставление английских войск, высаженных в Салониках, он предписал заняться укреплением салоникского плацдарма, отправил в Салоники начальника штаба французских армий, генерала де-Кастельно, чтобы составить точный отчет о нуждах Восточной армии, и на основании доклада по этому обследованию отдал распоряжение принять все необходимые меры по обеспечению Восточной французской армии материальной частью и личным составом как путем отправки из метрополии, так и переводом отдельных частей с полуострова Галлиполи, эвакуация которого находилась в полном разгаре. К 12 февраля французская армия, которая только что получила последнюю дивизию, переведенную из Дарданелл, состояла из 4 дивизий, снабженных тяжелой артиллерией и обеспеченных всем аппаратом управления; британская армия с своей стороны насчитывала 6 дивизий, и кроме того было решено при первой возможности направить в Салоники сербские войска, находившиеся в периоде реорганизации (6 дивизий). По объединении всех этих сил союзная Восточная армия достигла бы цифры в 320 000 человек, вполне достаточной для выполнения всех задач, которые могли быть ей поручены. В данный момент она насчитывала только около 150 000 человек, но участники конференции в Шантильи и генерал де-Кастельно признали эти силы достаточными для обороны укрепленного района, а главнокомандующий, озабоченный сохранением восточных сил в строго опреде-

ленных рамках, отвечал формальным отказом на ряд последовательных просьб о подкреплении, которые ему посылал генерал Сарайль. (Согласие на назначение генерала Сарайля главнокомандующим франко-британскими силами английское правительство дало 31 декабря.)

Таковы были общие условия, в которых приводилась в боевую готовность Восточная союзная армия, рассматриваемая как «могущественный рычаг», на который смогут в дальнейшем опереться действия коалиции на Востоке. События не давали еще возможности установить точно форму, в которую эти действия выльются, но в данный момент союзники занимали выжидательную позицию, позволявшую им воспользоваться либо улучшением наших отношений с Грецией, либо благоприятным решением Румынии.

В отношении первой из этих держав генералу Сарайлю предписывалось действовать крайне осторожно и мягко, насколько то было совместимо с безопасностью его собственных войск, имея в виду, что «правительство находило сотрудничество Греции весьма желательным и возможным».

В отношении второй оставалась еще полная неопределенность, хотя вследствие некоторых угроз со стороны Германии Румыния уже начала с 16 января 1916 г. военные переговоры с Россией, впродолжение которых генерал Жоффр пытался занять роль посредника, необходимого ввиду разногласия во взглядах, обнаружившегося с самого начала между обоими генеральными штабами.

II. ПОДГОТОВКА И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕПРИЯТЕЛЯ.

(Февраль—июнь 1916 г.)

Подготовка наступательной кампании 1916 г., постепенное развитие которой мы только что изложили, с 21 февраля была поставлена в опасное положение вследствие внезапного перехода в наступление армии кронпринца. По силе, которую обнаружило с самого начала наступление на Верден, верховное французское командование сейчас же поняло, что германский генеральный штаб, догадываясь о намерениях союзников, пытался

своим внезапным наступлением свести эти намерения на-нет. Расчет его был таков: либо французская армия, подаваясь под могущественным ударом, призовет на помощь своих союзников, и они вступят в дело при тяжелых условиях, не закончив своих приготовлений и в неблагоприятное время; либо она устоит под защитой крепости, но в таком случае прекрасно подготовленное в материальном отношении могущественное наступление до такой степени истощит и поглотит имеющиеся в ее распоряжении силы, что она станет неспособна принять участие в общем наступлении, которое с этого момента будет обречено на бессилие.

Перед этой-то страшной дилеммой оказался генерал Жоффр на последней неделе февраля, в момент, когда взятие форта Дуамон выявило размеры германского усилия и трудность его отражения, а также то моральное впечатление, которое могло бы произвести возможное взятие Вердена. Хотя подготовленные меры обороны могли быть пущены в ход с достаточной быстротой и энергией, и было полное основание надеяться, что резервной армии генерала Петена удастся остановить германский натиск, главнокомандующий, чтобы быть готовым ко всяким случайностям, сделал соответствующие распоряжения для приведения в действие статьи о взаимной поддержке, внесенной в договор, подписанный в Шантильи, и предложил союзным армиям держаться наготове, чтобы начать наступление, даже без достаточной подготовки, в случае если положение под Верденом настоятельно этого потребует.

К счастью, с первых же дней марта положение резко изменилось к лучшему. Наши войска, несколько расстроенные силою первого натиска, вернули себе утраченный порядок, и оборона, получив подкрепление, методически сорганизовалась. В то же время британская армия, великодушно уступая просьбе генерала Жоффра, сменила целую нашу армию, продолжив свой собственный фронт, и дала нам таким образом необходимые средства для питания сражения.

С этого момента преждевременное начало общего наступления стало́ излишним, и, когда 12 марта в Шантильи съехались представители главнокомандующих, ге-

нерал Жоффр ограничился просьбой о местных диверсиях русской и итальянской армий с целью приковать к себе неприятельские резервы. Вместе с тем он решительно настаивал, чтобы подготовка к наступлению проводилась с максимальной энергией, ибо было существенно важно сократить время, втечение которого французская армия истощала бы свои силы в единоборстве с немецкой армией, играя, таким образом, в общих интересах как бы роль «оборонительного щита коалиции», под прикрытием которого союзники были бы в состоянии закончить свою подготовку.

Через семь лет после окончания войны решение, принятое французским верховным командованием 12 марта 1916 г., представляется чрезвычайно простым и естественным. Но чтобы вполне оценить его значение, надо мысленно перенестись в обстановку той критической эпохи, вспомнить нервозность общественного мнения [1] и тревожное настроение в правительственной, парламентской и даже военной среде под впечатлением первых немецких успехов, того упорства, с которым поддерживалось наступление, и быстрого истощения сил обороны.

Возлагая на себя эту огромную ответственность, принимая решение, которое представляется теперь таким естественным и логичным, и в основном не отступая от него при всех превратностях войны, главнокомандующий должен был напрячь всю энергию своей воли и проявить свойства духа, характеризующие великого полководца: веру в себя, хладнокровие, методичность и разумный оптимизм.

Получив уверенность, что немцы будут остановлены перед Верденом, генерал Жоффр вернулся к своему первоначальному плану и с непоколебимой твердостью направлял усилия союзников в целях предполагаемого общего наступления, которое должно было начаться

1 Насколько общественное мнение было тогда встревожено, можно видеть из того, что в апреле, когда прибыла первая русская бригада во Францию, пожилые люди и мальчишки останавливали на вокзалах русских офицеров и обращались к ним с просьбой: „Sauvez la patrie“ („Спасите отечество“). Ред.

одновременно на всех фронтах в установленное время и с максимальным использованием сил и средств.

Первой его заботой было, конечно, получить одобрение своему решению от всех союзных главнокомандующих. Мы уже указали, в какой форме было представлено дело 12 марта в Шантильи. Единогласно приняв предложенное решение, конференция постановила, что, так как русские атаки могут быть предприняты около 15 мая, франко-британские армии перейдут в наступление около 1 июня, и что русская и итальянская армии будут производить частичные наступления, чтобы приковывать к себе неприятельские резервы втечение всего времени опасного единоборства французской армии с немецкой, вплоть до окончания общей подготовки. Установить общий план военных действий и единую линию поведения на Востоке оказалось гораздо труднее. Ввиду того, что британское верховное командование еще не присоединилось к идее наступления восточных армий, пришлось ограничиться решением перевезти сербскую армию в Салоники сейчас же после ее реорганизации и добиться согласия всех союзников, чтобы высаженные войска были соответственно организованы и снабжены для наступательных действий в гористой и трудно проходимой местности.

Установленная 12 марта программа действий получила через несколько дней (конференция в Париже 27 марта) одобрение правительств и с этого времени составила хартию, на основе которой, несмотря на противодействие неприятеля, должна была проводиться подготовка к наступательной кампании 1916 г.

В намеченных таким образом рамках французское верховное командование направляло с тех пор свою работу по согласованию действий союзников и по довершению начатой подготовки. В этот период его деятельность преследовала *в первую очередь и преимущественно* осуществление следующих трех задач:

1) французская армия должна незыблемо обеспечивать ось междусоюзного маневра, не истощая приэтом, однако, чрезмерно своих сил;

2) британская армия должна дополнительно сосредоточить во Франции все возможные силы и средства,

чтобы заменить в подготавливаемом на Сомме франко-британском наступлении французские войска, отвлеченные борьбой под Верденом;

3) подготовка к общему наступлению должна проводиться с таким расчетом, чтобы оно могло быть произведено в самом непродолжительном времени, причем должны учитываться климатические условия и тот факт, что России необходим значительный срок для окончания своей далеко еще неполной подготовки.

В добавление к этим трем пунктам французское верховное командование нашло необходимым:

4) добиться от союзников единодушного признания французской точки зрения в отношении операций на Востоке, в том смысле, что общее наступление франко-британской, русской и итальянской армий по возможности должно сопровождаться наступлением и восточных армий;

5) внимательно следить за эволюцией положения на Балканах, чтобы использовать всякий благоприятный случай, который мог явиться в результате событий.

1. Подготовка французского наступления.

Мы лишены возможности подробно описать все затруднения, которые пришлось преодолеть, чтобы обеспечить, несмотря на Верденское сражение, участие французской армии в наступлении на Сомме. Мы ограничимся указанием на то, что вследствие длительности германского натиска, его упорства и ожесточенности главнокомандующий вынужден был пустить в дело все ресурсы нашей военной организации и использовать до крайних пределов удивительный дух самопожертвования своих войск, чтобы, с одной стороны, сдержать напор армий кронпринца и, с другой стороны—сохранить достаточное количество хорошо подготовленных к наступлению крупных войсковых соединений.

Несмотря на все усилия, главнокомандующий не мог, однако, воспрепятствовать прогрессирующему уменьшению имевшихся в его распоряжении средств и должен был поэтому сократить в несколько приемов число дивизий, предоставленных в распоряжение генерала Фоша

для операций на Сомме. В конце апреля 42 французские дивизии находились в тяжелых боях под Верденом, и силы, предназначенные для операций на Сомме, должны были быть уменьшены с 40 до 30 дивизий; к концу июня было введено уже 65 дивизий, и генерал Фош получил уведомление, что может рассчитывать максимум на 26 французских дивизий.

Можно себе представить, насколько эти обстоятельства затруднили подготовку наступления на Сомме и какая упорная настойчивость была необходима, чтобы согласовать потребности оборонительного сражения, пожиравшего наши дивизии, с нуждами подготовки к предстоящему наступлению. Эта подготовка постоянно осложнялась неопределенностью в отношении количества тех сил, которые могли бы быть предназначены для наступательных операций.

2. Подготовка британского наступления.

Чтобы при всех этих условиях, франко-британское наступление на Сомме, в полном соответствии с первоначальным замыслом, могло быть произведено с необходимой силою, английской армии следовало настолько повысить степень своего напряжения, насколько французская армия была вынуждена под давлением неприятеля сократить степень своего напряжения.

Мы уже отметили, что по этому вопросу главнокомандующий легко пришел к соглашению с британским верховным командованием, которое отдавало себе полный отчет в реальных потребностях момента. Не вдаваясь в детали переговоров, которые велись по этому поводу, укажем только, что деятельность главнокомандующего, постоянно поддерживаемая правительством, увенчалась успехом, так как в конце июня армия сэра Дугласа Хега во Франции была увеличена втечение шести месяцев на 18 дивизий, прибывших из Англии и Египта, и насчитывала всего 54 дивизии, из которых 26 (вместо 17, предусмотренных вначале) должны были принять участие в сражении на Сомме.

Большую роль сыграли также хлопоты главнокомандующего перед британским верховным командованием

с целью добиться усиления рекрутского набора в Великобритании. Несмотря на свою наследственную антипатию к системе общей воинской повинности, наши британские союзники все же решились перейти в мае 1917 г. к этой системе комплектования армии, каковое мероприятие в конечном результате явилось одним из главных факторов победы и своим осуществлением частично обязано усилиям главнокомандующего, доказавшего необходимость его начальнику имперского генерального штаба.[1].

3. Подготовка русской армии и назначение сроков общего наступления

Как мы уже указывали выше, подготовка русского наступления была значительно задержана вследствие плохой организации транспорта военных материалов осенью 1915 г. Эта причина в связи с соображением о невозможности каких-либо операций в России в период оттепели понудила членов конференции 12 марта установить срок русского наступления 15 мая. Чтобы обеспечить согласованность всех атак коалиции, итальянское наступление, тесно связанное с русским, должно было начаться в то же время, между тем как франко-британское наступление оттягивалось на пятнадцать дней, с тем, чтобы воспользоваться ожидаемым уменьшением сосредоточенных неприятелем на западном фронте сил.

В результате сроки наступления оказались обусловленными моментом окончания русской подготовки, причем для успеха плана коалиции являлось чрезвычайно важным, чтобы генерал Алексеев не был вынужден ввести свои войска в дело до окончательной их реорганизации. Это последнее обстоятельство явилось главной причиной того, что генерал Жоффр отказался от идеи мартовского наступления русской армии и удовлетворился частной операцией, предпринятой без осо-

1 Подтверждением может служить письмо от 3 апреля главнокомандующего французскому военному атташе в Лондоне, в котором полностью обрисована проблема британского сотрудничества (Исторический архив Военного министерства).

бога, впрочем, успеха, 20 марта в районе озера Нароча.

В начале мая потребовалась дальнейшая отсрочка русского наступления до 15 июня ввиду недостаточной подготовленности русской армии. Это обстоятельство требовало новых усилий от французской армии, так как франко-британское наступление в связи с положением на русском фронте, естественно, отсрочивалось уже до 1 июля, и главнокомандующий решил, ради общих интересов, согласиться и на это дополнительное напряжение.

Но итти дальше в том же направлении было невозможно, не рискуя вконец ослабить наступательную силу французской армии. Главнокомандующий неоднократно представлял это соображение британскому верховному командованию, охотно допускавшему в интересах своей собственной подготовки отсрочку еще на один лишний месяц начала общего наступления, и только 26 мая, во время свидания в Бокезне с генералами Робертсоном и Хегом главнокомандующему удалось окончательно отстоять свою точку зрения в этом важном вопросе.

Но уже и в этот период времени возникали новые затруднения в связи с большим наступлением, предпринятым 14 мая австрийской армией против трентинского фронта. Атакованная массой в 18 дивизий в районе Адижа, Альт-пиани и Брента итальянская армия принуждена была отступить на фронте в 60 *км*, и генерал Кадорна, озабоченный сохранением коммуникационных линий своих армий, действующих в районе Венеции, просил генерала Жоффра настоять на немедленном переходе русских армий в наступление.

Но эту просьбу нельзя было выполнить без серьезных затруднений, так как, с одной стороны, русская армия не закончила еще своей подготовки и ее преждевременное наступление могло не достигнуть цели; с другой стороны, подвергалась опасности общая согласованность союзных усилий, так как франко-британскую подготовку к наступлению на Сомме предполагалось закончить лишь к концу июня месяца.

И все же необходимо было оказать поддержку итальянской армии, в случае если бы ей, несмотря на все

усилия, не удалось остановить продвижение австрийцев в горном районе.

Разрешению этих двух противоположных задач главнокомандующий посвящает все свои мысли. Генералу Алексееву он выставляет преимущества, связанные с переходом русских армий в наступление за несколько дней до назначенного срока, т. е. до 15 июня, при непременном впрочем условии, чтобы этому ускорению соответствовала подготовленность русской армии. Генерала Кадорна он просит использовать численное превосходство его армий и благоприятные условия местности, чтобы дать генералу Алексееву необходимое время для «окончания сосредоточения сил и подвоза боевых припасов». Он напоминает обоим, что согласованность общего наступления является основанием принятого союзниками по общему согласию плана, что с февраля месяца французская армия без счета расходует свои силы, чтобы обеспечить своевременное выполнение этого плана, и что несвоевременная поспешность может сделать бесполезными все уже понесенные жертвы.

В Италии и России значение этих соображений было, к счастью, понято: итальянская армия шаг за шагом оспаривала угрожаемую территорию, и ей удалось существенно задержать продвижение австрийцев; левофланговые русские армии под командой генерала Брусилова 4 июля начали победоносное наступление в Галиции, первым следствием которого явилась полная остановка наступления австрийцев на Италию.

4. Подготовка на Востоке.

Трудности, связанные с подготовкой на Востоке, о которых мы упоминали выше, естественно, возросли ввиду напряженности военного положения на западном фронте. Наши британские союзники, к которым главнокомандующий обратился с просьбой напрячь свои усилия во Франции, не отдавали себе ясного отчета в наших восточных намерениях, так как решительный акт войны должен был, по их мнению, разыграться под Верденом и на обоих берегах Соммы.

Они предполагали, что Румыния никогда не решится выступить, не рассчитывая получить помощь от Греции, и, опасаясь осложнений, которые могло вызвать правительство короля Константина в тылу салоникской армии, приходили к заключению, что все восточное предприятие обречено на неудачу, что находящиеся на Востоке силы потеряны для коалиции и притом в тот момент, когда франко-британская армия нуждалась в использовании всех своих сил и средств для решительной схватки с главным противником.

Мы уже приводили соображения, в силу которых французское правительство и верховное командование не могли разделять британскую точку зрения. К этим соображениям, основанным на высших соображениях общей политики и на возможных в дальнейшем перспективах междусоюзной стратегии, можно было присоединить еще практическую невозможность во-время перебросить восточную армию во Францию, а также то неблагоприятное впечатление несогласованности и растерянности в действиях коалиции, которое произвела бы на весь мир, и в особенности на неприятеля, такая перемена в наших намерениях.

Мы рассмотрим в дальнейшем (второе исследование) переговоры, к которым привел этот щекотливый вопрос. В настоящее время достаточно указать, что благодаря усилиям французского правительства и верховного командования подготовка на Востоке все же могла продолжаться. Сначала восточная армия была оставлена в Салониках в выжидательном положении, потом ее продвинули до греческой границы, где она произвела несколько демонстративных наступлений с целью потревожить находившиеся перед нею германо-болгарские силы (конец марта); затем она была подкреплена сербской армией, восстановленной к тому времени до 7 дивизий (май—июнь). Между тем французские дивизии были перестроены по типу альпийских, и генералу Сарайлю было предложено выработать план наступления, с тем чтобы использовать в надлежащий момент все его силы «для атаки неприятельских армий на греческой границе и, в случае успеха, для преследования их в общем направлении на Софию».

В конце июня соглашение с британским правительством не было еще достигнуто, и приведение в исполнение последнего решения представлялось сомнительным; французское командование уже предусматривало возможность того, что в наступлении примут участие только французские и сербские войска. К счастью, румынские события содействовали устранению этих затруднений, склонив британское правительство к точке зрения, которой неотступно держалась Франция.

5. Действия на Балканах.

Оставление наших сил на Востоке, на чем настаивали французское правительство и большинство союзников, сыграло с одной лишь военной точки зрения двойную роль в отношении еще нейтральных балканских государств.

Прежде всего надлежало обеспечить эти силы от всякой опасности со стороны Греции, а затем чрезвычайно важно было использовать их присутствие для приобретения новых союзников, без которых сражение на восточном фронте не имело бы ни силы, ни необходимой связности.

Роль главнокомандующего в этом вопросе могла заключаться только в том, чтобы предложить правительству меры, которые он считал полезным принять, и те меры, на своевременности которых настаивал генерал Сарайль. Кроме того, он мог воздействовать на русское и румынское верховное командование через посредство генерала Жанэна, начальника французской военной миссии при русской главной квартире, и полковника Депре, военного атташе в Бухаресте, с целью устранить технические затруднения, постоянно возникавшие втечение русско-румынских военных переговоров, которые велись без перерыва с самого начала года, несмотря на сильное еще колебание румынского правительства.

Впродолжение рассматриваемого нами периода положение в отношении Греции не проявляло никаких симптомов улучшения. Наоборот, вследствие предпринятой кампании в виде манифестаций, подстрекательства

и клеветы, поощряемой более или менее открыто кабинетом Скулудиса, наша восточная армия была окружена все более сгущающейся враждебной атмосферой, которая ежедневно тревожила ее регулярную жизнь и даже угрожала ее безопасности. Напомним хотя бы те меры, которые приходилось применять для временного устранения этой опасной угрозы (объявление осадного положения в Салониках, задержка греческих судов, подготовка военной и морской демонстрации, ультиматум королю). Эти меры, применение которых требовало трудно достижимого согласия между союзниками, предпринимались не всегда с достаточной решимостью и энергией. Кроме того, они принадлежали почти исключительно к области политики, и генерал Жоффр мог только подавать мысль о них или обеспечить их выполнение. Несмотря на свои недостатки, эти меры все же обеспечивали нашим восточным силам минимум безопасности, необходимой для выполнения ими своего назначения.

В отношении Румынии положение представлялось в более благоприятном виде. Хотя с весны 1916 г. уже намечалась благоприятная эволюция в отношениях Румынии к Антанте, но оставалось еще много препятствий, которые надо было преодолеть для получения от Румынии военной помощи. Выше мы указывали стратегические причины, придававшие особую ценность этой помощи и оправдывавшие то упорство, с которым французское верховное командование ее добивалось.

Отчасти своими настойчивыми представлениями правительству, отчасти своим непосредственным влиянием на русский и румынский штабы генерал Жоффр в сильной степени содействовал развитию дела в направлении, соответствовавшем, в его представлении, высшим интересам коалиции.

В то время как в политической области французская и русская дипломатия стремилась отыскать общую почву для соглашения с правительством Братиану, чего они в конце концов и добились, главнокомандующий стремился осуществить военные условия, в зависимость от которых генерал Илиеско ставил введение в действие румынской армии. Так, в марте месяце, с со-

гласия генерала Алексеева, он принципиально добился снабжения Румынии французскими боевыми припасами через русскую территорию, как только Архангельский порт откроется для навигации. Во время русско-румынских переговоров по вопросу о плане возможной кампании он пытался сблизить точки зрения обеих заинтересованных сторон и получил от генерала Алексеева обещание действительной помощи румынским операциям, по крайней мере в смысле обеспечения безопасности южной границы королевства.

В конце июня, когда эти постепенно возникавшие затруднения были почти совсем устранены, блестящий успех наступления Брусилова прекратил последние колебания Румынии, и активное выступление этой державы было окончательно решено. Такой исход дела явился крупным успехом военной политики Антанты, и она вправе была ожидать самых успешных результатов от румынской интервенции, позволявшей, повидимому, замкнуть смертоносное кольцо, которое окружало центральные империи.

ВЫПОЛНЕНИЕ. ВЕДЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СРАЖЕНИЯ.

(Июль—декабрь 1916 г.)

Начиная с 4 июня, т. е. с момента перехода в наступление армий генерала Брусилова генеральное сражение развертывается на всех фронтах: в то время как левое крыло русских армий глубоко проникает в Галицию, занимает всю Буковину и достигает Карпат, франко-британские армии атакуют по обоим берегам Соммы. Наступление это, начатое 1 июля, проводится с особой интенсивностью, которая поддерживается втечение всего лета и дополняется осенью победоносным контрнаступлением под Верденом.

Итальянская армия со своей стороны, отбросив австрийцев к Тренту (25 июня), с 5 августа сама переходит в наступление на фронте Изонцо.

Румынская армия открывает военные действия 27 ав-

густа на левом крыле победоносных русских армий, между тем как восточная армия, задержанная предупредительной болгарской атакой, с середины сентября в свою очередь переходит в наступление.

Несомненно, полной согласованности действий, какая была желательна участникам конференции в Шантильи, достигнуто не было, и мы впоследствии покажем, что это отсутствие должной согласованности операций во времени имело неприятные последствия. Тем не менее мы знаем теперь из свидетельств самого противника, в какое критическое положение он был поставлен этими концентрическими атаками, из кольца которых ему удалось ускользнуть в конце концов только благодаря своей энергии и тем недочетам, кои все же проявились в деле ведения комбинированных операций союзников.

За все время этой грозной борьбы, продолжавшейся в разных вариациях до последних месяцев года на всех фронтах войны, французское командование не забывало о взятой на себя задаче согласовывать действия союзников. Это сражение было задумано французским командованием, которое и подготовило его с хорошо известной нам настойчивостью. Теперь оно руководило им, и его роль в каждый данный момент заключалась в том, чтобы постоянно напоминать главнокомандующим о главной цели общего наступления и добиваться от них непрерывного напряжения и комбинирования усилий.

Мы предполагаем рассмотреть здесь те условия, в которых проходила работа французского верховного командования во время генерального сражения:

по согласованию наступлений союзников на главных театрах военных действий;

по приспособлению к общему плану усилий румынской армии и по оказанию необходимой поддержки ей после поражения;

по регулированию, в соответствии с требованиями момента, операций восточных союзных армий.

I. НАСТУПЛЕНИЕ НА ГЛАВНЫХ ТЕАТРАХ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

1. Англо-французский фронт.

В рамки настоящего очерка не входит детальное рассмотрение развития комбинированных операций, проведенных во Франции, начиная с июля, англо-французскими армиями. Мы ограничимся указаниями, что втечение этих операций французское командование заботилось столько же о реализации усилий своих собственных войск, сколько о мощности и продолжительности усилий английских армий, требуя той или иной степени напряжения деятельности войск соответственно с наступлением на других фронтах и в рамках общего плана совместных действий коалиции.

Первые июльские атаки на Сомме самым тесным образом связаны с русским наступлением начала июня, а возобновленное в конце августа с новой силой сражение на Сомме—с моментом выступления Румынии и успехами итальянской армии по ту сторону Изонцо.

Подобным же образом блестящие операции в октябре и ноябре, возвратившие нам форты Дуамон и Во, равнозначащие в глазах всего мира поражению немцев под Верденом, были тесно связаны с русско-румынскими операциями в Добрудже и Трансильвании.

Можно определенно утверждать, что франко-британские армии, отвлекая более двух, и притом лучших, третей германских войск и причиняя им еще небывалый материальный и моральный ущерб, совершили многое сверх принятых на себя обязательств и оказали важные услуги коалиции.

2. Итальянский фронт.

Наступление русских в Галиции и Буковине привело очень быстро к полному крушению австрийского фронта на этом театре войны. Чтобы спасти положение, неприятель должен был наскоро стянуть все имевшиеся в его распоряжении средства и вследствие этого почти тотчас же ослабить свой натиск в Трентине.

В этих новых условиях, очевидно, было важно, чтобы итальянская армия либо общей контратакой в Трен-

тино, либо немедленным переходом в намеченное заранее наступление на фронте Изонцо, либо наконец какой-нибудь комбинацией этих двух операций отплатила русской армии за ее услугу, воспрепятствовав неприятелю действовать по внутренним операционным линиям и перебросить в Галицию свои силы, собранные для операций в Трентино.

Если бы итальянскому верховному командованию удалось с достаточной решительностью и быстротой перегруппировать свои силы в соответствии с создавшейся обстановкой, то австрийская армия, повидимому, не смогла бы восстановить свой галицийский фронт и остановить русское наступление. Можно было даже надеяться, при условии достаточно быстрого пополнения и восстановления армий генерала Кадорны и немедленного перехода их в общее наступление, что глубоко расшатанная австрийская армия не смогла бы воспользоваться своевременно поддержкой немецких сил и, будучи подвергнута в этом тяжелом положении концентрическим совместным атакам русских и итальянских армий, понесла бы полное поражение, способное окончательно вывести ее из строя.

Таково было в представлении французского верховного командования стратегическое положение на этой части европейского театра войны во второй половине 1916 г. Сущность задачи заключалась в том, чтобы, воспользовавшись представившимся счастливым случаем, сокрушить австрийскую армию, и казалось, что тесное объединение русских и итальянских операций даст возможность достигнуть в данный момент этой цели со всеми ее неисчислимыми последствиями.

Эта задача входила, впрочем, полностью в рамки общего плана коалиции, так как франко-британское наступление должно было начаться со дня на день, а ведь в конечном результате стремились именно к полной согласованности атак на всех фронтах, этому краеугольному камню союзнического плана ведения войны в 1916 г.

Вполне понятно, что русское верховное командование должно было разделять эту точку зрения. И действительно, по мере появления перед войсками Брусилова

австрийских дивизий армии Ковесса, переброшенных из Трентино, генерал Алексеев неоднократно просил генерала Жоффра настоять перед генералом Кадорна, чтобы итальянская армия энергичным наступлением приковала австрийские силы и дала возможность продолжить русские успехи.

Деятельность французского верховного командования в отношении к «Comando Supremo»[1] в этот критический для центральных империй период июня и июля месяцев базировалась на вышеприведенных соображениях, и все его усилия были направлены к тому, чтобы показать, насколько было важно для успеха планов коалиции немедленное наступление итальянской армии со всей той мощностью, которую обеспечивал ей неоспоримый численный перевес.

Не подлежит сомнению, что генерал Кадорна недостаточно ясно сознавал безотлагательную необходимость этого перехода к активным действиям и не сделал все возможное, чтобы в соответствии с этим развить свою деятельность. К сожалению, при крупных стратегических операциях даже самая ясная идея может принести плоды лишь при условии совершенства их технического выполнения, которое должно быть гибким и одновременно быстрым и могущественным. Обстоятельства не дали возможности выполнить целиком это условие, так как на деле итальянская армия была восстановлена лишь по прошествии целого месяца, впродолжение которого австрийской армии, поддержанной своими союзниками, удалось остановить натиск русских и избежать разгрома.

Тем не менее надо отдать должное итальянскому усилию, осуществленному, хотя и с запозданием, но честно и с должной энергией.

Сообразуя свои действия с желанием союзников, генерал Кадорна 25 июня повел общую контратаку на трентинском фронте и вернул у неприятеля большую часть захваченной им ранее территории. Но через несколько дней он натолкнулся на сильное сопротивление, которое не мог преодолеть имеющимися на этом

[1] Верховное итальянское командование. Ред.

участке фронта средствами, и в первых числах июня отказался от продолжения атак в направлении на Трент, осведомив генерала Жоффра о своем решении вернуться к первоначальному плану наступления на Изонцо, где уже давно были закончены все подготовительные работы для быстрого введения в дело могущественных средств и где, по его соображениям, наступление могло быть начато через восемь дней после принятия решения.

В действительности подготовка наступления на Изонцо потребовала гораздо более продолжительного срока. Несмотря на усиленные настояния главнокомандующего, с тревогой констатировавшего потерю драгоценного времени и получившего от генерала Алексеева донесение о прибытии в Галицию новых австрийских дивизий с итальянского фронта, генерал Кадорна смог перейти в наступление только 5 августа на участках Горицы и Монтефальконе.

Блестящий успех этой операции, отдавшей в руки итальянской армии одну из намеченных ею целей войны и приведшей ее к самым подступам к Триесту, уже не мог быть, к сожалению, использован, так как момент для окончательного сокрушения австрийского военного могущества был упущен.

3. Русский фронт.

Первоначальный проект русского верховного командования, который в основных чертах был сообщен в половине мая французскому командованию, предусматривал главную и центральную атаку севернее Припяти от Минска, в направлении на Барановичи (важному железнодорожному узлу), и две фланговые второстепенные атаки, одну—на двинском фронте, в районе Двинска, и другую—на Волыни (в районе Ровно), в общем направлении на Львов.

Эту последнюю атаку для поддержки итальянцев генерал Алексеев начал десятью днями раньше назначенного срока. Ввиду полного успеха, ознаменовавшего начало наступления, наши союзники развили его зна-

чительно на юг, и в результате армии генерала Брусилова, прорвав австрийский фронт последовательно под Луцком (4 июня), на Стрыпе (6 июня) и в Буковине (10 июня), постепенно заняли бо́льшую часть Галиции и всю Буковину, приведя в полное расстройство неприятельскую армию и захватив более 200 000 пленных. Но для того чтобы развить в такой степени операции своих южных армий, генералу Алексееву пришлось прибегнуть к резервам и материальным средствам, которые он предполагал использовать в северной части своего фронта. Это заставило его, с одной стороны, вовсе отказаться от проекта второстепенной атаки в районе Двинска и, с другой стороны, задержало начало главного наступления на Барановичи.

Эта тенденция к локализации русских усилий оказалась неудачной в том отношении, что предоставила полную свободу действий немецким резервам восточного фронта, которые устремились на помощь австрийцам, восстановили их разорванный фронт и помогли им быстро остановить наступление русских.

Для полного осуществления плана коалиции было чрезвычайно важно, чтобы русское наступление носило характер выдержанной интенсивности и необходимой длительности, как то предусматривалось резолюцией, принятой на совещании французского и английского главнокомандующих в Лондоне 9 июня в отношении предстоящего совместного наступления на Сомме. Другими словами, надо было в целях согласованности усилий требовать одновременности их как по силе, так и по длительности.

Преследуя цель координации всех усилий, генерал Жоффр изложил генералу Алексееву упомянутую точку зрения, обратил его внимание на стратегические затруднения, которые могла повлечь за собой недостаточная амплитуда русского наступления, и неоднократно настаивал втечение июня, чтобы атака на центральном участке русского фронта в Польше была начата как можно скорее.

К несчастью, русская армия страдала неустранимым недостатком в материальных средствах. Хотя генерал

Алексеев и был убежден в справедливости точки зрения союзников, он не мог сообразовать с ней свои действия настолько, насколько это было желательно. Атака на центральном участке фронта была предпринята и проведена энергично еще в начале июня, но вследствие слабого обеспечения ее в материальном отношении не могла прорвать немецкие линии и приняла в скором времени характер позиционной борьбы. Эта борьба, не давшая никаких результатов в стратегическом отношении, все же отвлекла часть свободных немецких дивизий, и этим самым облегчила условия для продолжения операций генералу Брусилову, армии которого, усиленные влитыми в них подкреплениями, подступили к Карпатскому хребту.

При таких условиях казалось рациональным сосредоточить всю силу русского наступления на фронте Галиция—Буковина и добиваться здесь окончательного прорыва. Если бы это удалось, вторжение в Венгрию с севера стало бы вполне осуществимым. В концентрическом наступлении на Будапешт почти наверное приняла бы участие и румынская армия, находившаяся еще в нерешительности, но уже готовая к выступлению и занимавшая чрезвычайно выгодную в военном отношении позицию. Приэтом удалось бы захватить нефтяные промыслы Галиции, столь необходимые неприятелю для продолжения борьбы.

По всем этим соображениям французское верховное командование согласилось в конце концов на локализацию русских усилий и не настаивало более на усилении наступательных действий в Польше, так как наши союзники, повидимому, не были в состоянии вести их с достаточной силой одновременно с операциями в Галиции и Буковине.

Когда приходится констатировать, что, несмотря на выступление Румынии, наступление русских в Галиции и Буковине было постепенно приостановлено, то задаешь себе вопрос, не лучше ли было бы русскому верховному командованию ближе придерживаться точки зрения, высказанной в июне генералом Жоффром. Мы, правда, не знаем, насколько это было бы осуществимо в материальном отношении, но невольно приходит мысль, что

широкий маневр на всем протяжении русского фронта имел бы более существенный результат, нежели маневр, сосредоточенный на сравнительно ограниченном пространстве.

II. ВЫСТУПЛЕНИЕ РУМЫНИИ.

В тот момент, когда военное выступление Румынии было уже совсем близко к своему осуществлению (конец июня), казалось, что оно должно сыграть решающую роль. Это выступление по времени и по месту в Мировой войне представлялось событием, которое должно было решить победу, ибо в нужный момент и в наиболее чувствительном пункте вводились свежие силы. Подобно Дезэ в сражении при Маренго, подобно Блюхеру при Ватерлоо, Румыния, атакующая неприятеля своими свежими армиями в той точке, где сопротивление противника начинало ослабевать, должна была окончательно перетянуть чашку весов в пользу союзников, так как ее вмешательство могло легко повлечь за собой крушение австро-германского восточного фронта—прелюдию и залог победы на западном фронте.

Однако для достижения столь важных результатов надо было, чтобы румынские силы действительно дали себя чувствовать в *нужном месте и в нужный момент* и чтобы их усилие имело достаточную стратегическую и тактическую *ценность*.

Самым благоприятным районом для действий являлся, повидимому, тот, где расстройство неприятельского фронта могло быть довершено и использовано, т. е. Трансильвания. Здесь румынские армии легко могли войти в тесную связь с левым крылом победоносной брусиловской армии, при том, впрочем, условии, чтобы одновременно Болгария была нейтрализована и лишена материальной возможности начать наступление на левое крыло русско-румынских сил, дебушируя из дунайского района через румынскую территорию.

Равным образом можно было предпринять решительное наступление против Болгарии и вести его на севере—большею частью румынских сил, по переправе

их через Дунай, на юге—восточной армией. В этом случае наступательные операции в Трансильвании пришлось бы возложить преимущественно на левофланговые русские армии, фронт коих соответственно должен был быть протянут к югу.

Наиболее выгодным для выступления представлялся момент, непосредственно следующий за периодом русских успехов, так как каждый день промедления давал разбитой австрийской армии лишний шанс на получение поддержки и на восстановление своего положения, ставшего к концу июля угрожающим.

Наконец для достижения реальных результатов от выступления Румынии было необходимо, чтобы ее не испытанная в боях армия могла рассчитывать на непосредственную и безусловную помощь от армии, искусившейся в боях, рядом с которой она шла сражаться, и чтобы она могла быть вполне уверенной, что союзники помогут ей своим опытом пополнить пробелы в ее организации и в подготовке к войне. Проникнутое сознанием исключительной важности, которую могло иметь для успехов коалиции своевременное и планомерное выступление румынской армии, французское командование приложило все усилия, чтобы выполнить те три условия, о которых говорилось выше.

Самое важное было—не терять времени. К несчастью, Румыния, принявшая в принципе решение уже в конце июня, все еще колебалась реально выступить: вопервых, она беспокоилась за регулярное снабжение ее боевыми припасами; затем она не получила от России обещания той военной поддержки, которую считала для себя необходимой; наконец не было еще достигнуто полное соглашение между Англией и Францией по восточным делам, и она опасалась, что наступление салоникских армий будет частичным и в недостаточной степени скует болгарскую армию.

Главнокомандующий употреблял все усилия, чтобы как можно скорей разрешить эти затруднения. После соглашения с генералом Алексеевым он мог успокоить г-на Братиану относительно регулярности снабжения боевыми припасами. С другой стороны, генерал Жанэн получил задание вести работу в смысле примирения и

сближения русской и румынской точек зрения по вопросу общего распорядка ведения операций обеих армий. Наконец 13 июля британское правительство согласилось на участие в наступлении восточной армии всех британских сил, находящихся на восточном фронте, и генерал Жоффр мог дать Румынии последние заверения относительно достаточной мощности операций восточной армии, которые предполагалось вести согласованно с действиями румынской армии, и установить совместно с представителями британской, русской, сербской, итальянской и румынской армий подробности этого сотрудничества (временное соглашение в Париже 23 июля).

Подчиняя военные переговоры с Румынией важнейшему требованию действовать быстро и не упускать благоприятного момента, главнокомандующий заботился вместе с тем о том, чтобы румынская армия открыла военные действия в наиболее выгодных условиях для осуществления общего плана коалиции и чтобы она уже в самом начале своих операций получила действительную поддержку со стороны русской армии. В результате искусных переговоров (которые будут изложены во втором нашем исследовании) было окончательно решено, что Румыния развернет свои главные действия в Трансильвании в тесной связи с русским левым крылом, а безопасность дунайской границы королевства будет обеспечена непосредственно поддержкой значительных русских сил в Добрудже и косвенно— наступлением восточных армий, которое должно начаться за десять дней до выступления румынской армии (соглашение в Бухаресте 17 августа).

Эта трудная работа по согласованию интересов и точек зрения, втечение которой одних приходилось убеждать, других успокоивать, призывать и тех и других подчинить свои частные интересы общему делу, потребовала, к сожалению, слишком много времени, и когда после двухмесячного колебания румынская армия наконец выступила (27 августа), неприятель не только уже оправился, но и подготовил контрмеры. Австрийская армия, подкрепленная немецкими дивизиями, остановила в центре наступление Брусилова и отнесением на-

зад своего правого крыла избежала румынского охвата; в то же время группа в 6 или 7 дивизий немецких, болгарских и, может быть, турецких, объединенных к югу от Дуная под командой фельдмаршала Макензена, была готова начать наступательные действия в Добрудже.

С самого начала операции приняли довольно плохой оборот: пока I и II румынские армии, не встречая сопротивления ввиду отсутствия противника, бесплодно углублялись в Трансильванию, группа Макензена 2 сентября начала сильное наступление, взяла в плен гарнизон Туртукая, захватила Силистрию и отбросила румынские силы по ту сторону границы.

Эти первые неудачи вызвали сильную растерянность в румынской главной квартире, выразившуюся во внезапной приостановке наступления, в поспешных перебросках войск с одного фронта на другой и в просьбах о помощи у русской армии. Эта растерянность, первым следствием которой был отказ от принятого оперативного плана, вызвала гораздо больше опасений, нежели сами военные события: ясно обнаружилось, что плохо подготовленное к своей роли и недостаточно поддержанное русским командованием румынское командование потеряло уверенность под тягостным впечатлением, что оно предоставлено самому себе в своем тяжелом положении.

Генерал Жоффр полагал сначала, что для предотвращения опасности будет достаточно видоизменить первоначальный план, нарушенный вследствие запоздания в его выполнении, и что в новой обстановке, вызванной событиями, будет целесообразно, прежде чем продвигаться далее в Трансильвании, упрочить положение со стороны Болгарии посредством русско-румынского наступления к югу от Дуная, комбинированного с операциями восточной армии. Но для успешного выполнения этого нового, принципиально одобренного генералом Алексеевым плана было необходимо самое полное содействие России, чтобы тем самым компенсировать временные недостатки румынской армии, проходившей тяжелую боевую науку.

К сожалению, русское верховное командование недостаточно прониклось этими соображениями; обма-

нутое в своих надеждах на содействие румынской армии, перейдя от чрезмерного доверия к крайнему недоверию, недовольное всевозможными требованиями обеспокоенной румынской армии, оно не сочло себя обязанным взять в свои руки организацию и ведение операций к югу от Дуная и предоставило румынское командование самому себе в его борьбе со всеми трудностями, которые оно, повидимому, не могло преодолеть собственными средствами.

События между тем быстро развертывались, и в скором времени обстановка сложилась совершенно различно для Румынии, для России и для коалиции.

29 сентября генерал Фалькенгайн, сосредоточив все свободные силы, которые могли быть собраны со всех фронтов (98 батальонов), атаковал левое румынское крыло под Германштадтом, нанес ему полное поражение и, быстро продвигаясь в направлении на Бухарест по северным склонам Трансильванских Альп, 8 октября занял Кронштадт; между тем расстроенная внезапной атакой румынская армия спешно отходила к своей горной границе, оставляя всю прежде захваченную территорию и думая только о прикрытии своей столицы.

В то же время на южном фронте в Рахове (2 октября) плачевно закончилась наступательная операция дунайской армии, которая, как мы уже упоминали, была плохо подготовлена и в корне подорвана румынским командованием, оттянувшим часть сил на трансильванский фронт.

Несколько дней спустя (19 октября) Макензен перешел в наступление, отбросил в беспорядке русско-румынские силы за железнодорожную линию Констанца—Черновода, прочно утвердился к северу от этой линии и отвел главные свои силы в район Систова, чтобы быть наготове поддержать Фалькенгайна, как только он займет горные проходы.

Как ни были тревожны эти события, они еще не могли служить доказательством, что румынская армия не может быть использована в генеральном сражении. Конечно, были совершены ошибки; румынское командование, несомненно, взяло на себя задачу, превышавшую его силы; не подлежит также сомнению, что не-

опытные румынские войска были ошеломлены страшной силой современного сражения. Но все еще можно было исправить, если бы союзники, оставив наступательные проекты, невыполнимые в данный момент, оказали Румынии поддержку своей боевой опытностью, и в особенности, если бы русская армия самоотверженно и быстро усилила и поддержала понесшую поражение румынскую армию.

Руководствуясь этой точкой зрения, французское верховное командование старалось поправить опасное положение, грозившее исходу генерального сражения, которое до сего времени протекало так блестяще и с таким успехом. Уже к концу сентября, по просьбе румынского правительства, оно поручило специальной военной миссии, под начальством генерала Бертело, оказать нашим новым союзникам поддержку своей опытностью в военном деле. Получив сведения из Трансильвании, оно просило генерала Алексеева поддержать румынскую армию более действительным образом, обещая компенсировать это новое усилие русской армии тем, что французское и английское правительства доставят в Россию военное снаряжение и усилят свою восточную армию. Со стратегической точки зрения оно советовало ему возможно скорее усилить оба румынских фронта русскими войсками, имея в виду возобновить против болгар комбинированные операции русско-румынской армии на Дунае и восточной армией союзников.

Русское верховное командование не могло не одобрить эту последовательную программу действий, тем более, что румынский разгром в Трансильвании внушал ему тревогу за безопасность своих собственных армий левого крыла. К сожалению, русское командование, как мы уже указывали выше, потеряло всякое доверие к военному сотрудничеству Румынии. Если оно соглашалось занять большую часть румынского фронта в Молдавии и отдало распоряжение об отправке на румынский театр значительных сил (3 армейских корпуса, 1 кавалерийский корпус, а затем, в случае надобности, еще такие же силы), то принимало эти меры с большой неохотой и предвзятой мыслью употребить

эти силы не для прямой поддержки румынских армий, но для того, чтобы собрать их на сокращенном русском фронте после неизбежного поражения румын, в котором русские войска не должны принимать участия.

Это странное представление о поддержке, оказываемой союзнику в несчастии, не было, конечно, так ясно формулировано генералом Алексеевым. Но можно сказать, что оно соответствовало внутренему убеждению как его, так и его окружающих. Неудивительно, что при таких обстоятельствах распоряжения, отдаваемые для спасения румынской армии, претерпевали странные видоизменения, может быть, и без ведома лиц, отдающих эти распоряжения, вызывая невероятные задержки по их выполнению и общую волокиту, которую ничем другим объяснить невозможно.

С тех пор события развивались своим порядком, и главнокомандующий был уже не в силах изменить их течения.

После взятия Кронштадта генерал Фалькенгайн попытался одним скачком достигнуть Бухареста, но, несмотря на свою страшную энергию, был остановлен сопротивлением румынских войск, отчаянно защищавших проходы, которые открывают в центральной части Трансильванских альп прямые пути к румынской столице. Сообразив, что было бы легче форсировать проходы в западной оконечности горного района, германский генерал перегруппировал свои силы, 11 ноября атаковал крупными силами в районе Петросени проход Вулкан, совершенно рассеял слабый местный заслон и по долине Жиу достиг Крайовы. Развернув после этого свои силы широким фронтом, он двинул их быстрым маршем через равнину Валахии, гоня перед собой последовательно опрокидываемые румынские части северного фронта и охватывая с тыла войска, эшелонированные вдоль Дуная, отрезая и захватывая в плен все части, не успевшие вовремя отойти на восток. Между тем как I и III румынские армии принуждены были, таким образом, отступить на линию Аргеша, последнюю водную линию, прикрывавшую столицу с запада, маршал Макензен 23 ноября перешел Дунай и соединился с армией Фалькенгайна.

Быстрота, с которой произошел весь этот разгром, может удивить только поверхностного наблюдателя событий. Тот же, кто вникнет в существо фактов, уяснит себе трагедию русско-румынского антагонизма перед лицом неприятеля и поймет беспокойство и нерешительность румынского командования, тот не станет удивляться. Обстановка, в которой протекали события, станет до очевидности ясной, если учесть, что до 11 ноября, несмотря на настояния генерала Жоффра и вопреки распоряжениям, сделанным вначале октября генералом Алексеевым, ни одна русская войсковая часть еще не могла усилить оборону румынской армии, растянутой в виде тонкого кордона вдоль опасного и уже расшатанного трансильванского фронта, протяжение которого между Орсовой и Гиймейским ущельем определялось не меньше как в 400 *км.* А между тем выделенные на помощь русские дивизии (пехота и кавалерия) находились в передвижениях втечение многих недель. Они передвигались с такой медленностью, которую нельзя было объяснить даже плохой организацией перевозок по железным дорогам. Ни одна из этих частей в середине ноября не была в состоянии не только поправить дела на трансильванской границе, но даже принять участие в сражении в Малой Валахии.

В условиях такого критического положения главнокомандующий все еще пытается добиться, в какой бы то ни было форме, русской поддержки, в которой так нуждался трансильванский фронт. Он просит генерала Алексеева выручить румынские армии в Валахии переходом в наступление, уже подготовленное IX русской армией (на правом фланге румынской армии), и одновременно осведомляет его, что румынская армия вводит в борьбу с Фалькенгайном свои последние резервы, причем «не уверена, что они подоспеют во-время», и что непосредственное и немедленное вмешательство русских сил является необходимым для восстановления положения, которое он считает «тревожным».

Но его призыв остается без ответа, и с этого времени события развертываются с неудержимой силой.

В первой половине ноября верховное румынское командование решилось напрячь последние усилия для

спасения столицы. I и III армии после продолжительного отступления остановились на линии Аргеша, поддержанные с левого фланга несколькими русскими частями, взятыми с добруджского фронта, а с правого фланга II румынской армией, относительно еще сохранившейся. Эти силы получили задание дать последнее сражение соединенным силам Фалькенгайна и Макензена, которые быстро подвигались вперед. Но чтобы это сражение не было заранее проиграно, надо было иметь в тылу фронта, обороняемого преимущественно истощенными войсками, резервы, необходимые для маневра в оборонительном сражении. Эти резервы могла дать только русская армия, образовав их либо из многочисленных частей, находившихся в то время в движении к румынскому фронту, либо из частей соседних русских армий; но первые, казалось, были чем-то парализованы, а что касается вторых, то генерал Гурко, который заместил Алексеева и был еще менее сговорчив, формально в них отказал.

Получив уведомление об этом опасном положении, главнокомандующий 26 ноября делает последнюю попытку повлиять на генерала Гурко, причем эту попытку поддерживает президент республики непосредственным обращением к царю. Он просит о немедленном сосредоточении в районе Бухареста всех ближайших русских частей и введения в дело IX русской армии, указывая на моральный вред, который повлечет за собой неудача, если коалиция допустит уничтожить одну из союзных армий, несмотря на принятые совместно решения и данные сообща заверения.

Напрасная попытка. Генерал Гурко ссылается на недостаток средств железнодорожного транспорта и ссылается на бурю, которая задержала передвижение войск морским путем. Что касается войск, которые могли бы поспеть сухим путем, то они вынуждены приостановить свое движение; XIII армейский корпус, выделенный из состава IX армии, задерживается для отдыха на своих квартирах, а обещанный с начала октября кавалерийский корпус из 3 дивизий хладнокровно останавливается в нескольких переходах от Бухареста для перековки лошадей.

Сражение на линии Аргеша между тем завязывается, и румынская армия вначале с успехом выдерживает натиск; но за линией фронта у нее нет никаких резервов, которые могли бы парировать возможные случайности. Когда 3 декабря правое крыло I армии под давлением противника подалось назад, сражение было немедленно проиграно. Через образовавшуюся в фронте брешь, которую нечем было закрыть, неприятельская кавалерия проникла в тыл линии обороны, сея панику и беспорядок. Постепенно весь фронт валахских армий расстроился и смешался; это был окончательный разгром.

4 декабря первые немецкие части вступили в Бухарест, между тем как остатки румынской армии по всем дорогам спешно отходили к линии реки Серета, где находились русские силы, которые не сумели или не хотели им помочь и теперь должны были по крайней мере принять их на себя. С этого времени русский фронт простирался от Черного до Балтийского моря; две трети Румынии, ее хлеб и нефть находились в руках неприятеля. Гинденбург мастерским ударом заканчивал кампанию, втечение которой центральные империи терпели одни лишь неудачи, восстанавливал тем самым престиж немецких армий и вновь давал своим союзникам и своему народу уверенность в дальнейшем продолжении войны.

III. ОПЕРАЦИИ ВОСТОЧНЫХ АРМИЙ.

Составление плана операций восточных армий представляло собою одну из наиболее трудных проблем, которую французское верховное командование должно было разрешить для ведения генерального сражения во втором полугодии 1916 г.

Эти операции, успешное выполнение которых прежде всего требовало общего соглашения союзников, должны были быть разработаны и подготовлены так, чтобы внушить доверие румынской армии и укрепить в ней идею военного выступления. Кроме того надлежало приноровить эти операции к событиям, которые быстро следовали одно за другим на восточном фронте, учитывая

вместе с тем и греческий вопрос и те задачи, которые пришлось бы решать нашим восточным силам, если бы война затянулась на 1917 г.

Как мы уже указывали выше, соглашение союзников о сущности операций на восточном фронте, какового соглашения никак нельзя было добиться в период подготовки, неожиданно состоялось в середине июля ввиду благоприятного оборота переговоров с Румынией, и 22-го числа того же месяца начальник имперского британского генерального штаба и генерал Жоффр могли с обоюдного согласия дать окончательные директивы генералу Сарайлю, одобрить оперативный план, составленный в соответствии с этими директивами, и установить те условия, на которых французский генерал примет командование над всеми союзными силами в Салониках.

Основываясь на этих решениях, главнокомандующий мог сделать последние распоряжения по подготовке операций и включить наступление восточной армии в общий план генерального сражения. Выше мы указывали, что формальное обещание этого наступления явилось главнейшим фактором принятого Румынией решения: она уже не беспокоилась за свою южную границу, так как восточная армия получила приказание атаковать все силы, сосредоточенные на греческой границе, и *связать, таким образом, свободу действий болгарской армии* в тот момент, когда Румыния начнет кампанию.

В действительности оказалось, что не так просто осуществить комбинирование операций, как предполагали вначале: главнокомандующему пришлось считаться с изменчивостью стратегических предположений Румынии и с постоянными задержками, тормозившими окончательное решение румынского правительства. В действительности выступление восточных армий, назначенное сперва на 31 июля, пришлось перенести сначала на 4-е, затем на 14-е и наконец на 20 августа в соответствии с началом румынских операций, намеченных окончательно на 28 августа.

Как и на других участках общего союзнического фронта, эти запаздывания имели печальные последствия.

Помимо недостаточной согласованности усилий, которая являлась естественным результатом таких запозданий, они особенно неблагоприятно сказались на действиях восточных армий. 18 августа, т. е. за 48 часов до того, как должно было начаться подготовленное наступление, болгары атаковали оба крыла нашего расположения, отбросили в беспорядке левый фланг восточных армий и проникли в Македонию до озера Острово, помешав, таким образом, выполнению нашего плана, посеяв тем самым сильную тревогу у румынского командования и осложнив наше положение по отношению к Греции[1]. Приходилось спешно улаживать этот серьезный инцидент. Между тем как генерал Сарайль, вынужденный отказаться от наступления, подготовленного в центре его фронта, перегруппировал свои силы для контратаки на левом крыле, генерал Жоффр должен был снова изменить свой общий план и приспособить его к новым обстоятельствам.

Поддержать всеми мерами наступательный порыв восточных армий, успокоить румынское правительство и принять необходимые меры предосторожности в отношении Греции—таковы были три важнейшие задачи, подлежавшие немедленному разрешению. Новые директивы генералу Сарайлю, активные представления румынскому командованию и подготовка мер понудительного порядка в отношении Афин восстановили прежнее положение. Когда в середине сентября в результате нашего контрнаступления мы отбросили болгарское правое крыло и вернули обратно Флорину, а румынская армия быстро продвинулась в Трансильвании,—комбинированный оперативный план, казалось, будет проведен в жизнь.

К этому времени стало уже возможным установить, что было выгодней предпринять. Ввиду того что австрийская армия избежала русско-румынского окружения, казалось логичным не настаивать временно на неосуществимом и опасным предприятии, а попытаться зато вывести из строя Болгарию согласованным уси-

[1] Натиск болгар в направлении Каваллы повлек за собой постыдную измену IV корпуса греческой армии и обострение враждебного отношения к нам греков.

лием русско-румынских и восточных армий. Если бы эта предварительная операция удалась, открылись бы новые маневренные перспективы на восточном фронте по отношению к Австрии. Можно было бы возобновить против нее при гораздо более благоприятных условиях комбинированное концентрическое наступление, которое уже дважды не удавалось с начала кампании 1916 г.

Это изменение плана, которое не только отвечало потребностям момента, но и подготавливало будущее, было предложено французским верховным командованием 19 сентября и почти тотчас же было принято нашими русскими и румынскими союзниками, и в результате операции восточных армий были приурочены к началу октября.

Но чтобы восточные армии были в состоянии выполнить свою новую, более широкую задачу во всем ее объеме, являлось необходимым усилить их, тем более что каждую минуту часть их сил могла потребоваться для обеспечения их тыла, находившегося постоянно под угрозой ввиду враждебного отношения греческого правительства.

По этим соображениям в конце августа несколько французских, русских и итальянских частей (всего 3 бригады) были направлены на усиление восточных армий; но этих подкреплений оказалось недостаточно, и главнокомандующий, действуя в полном согласии со своим правительством, предпринял шаги, чтобы получить более значительную помощь со стороны английской и итальянской армий, располагавших ресурсами, которых у французской армии в то время не было.

К несчастию, развертывавшиеся в Румынии события постоянно оказывались в противоречии с видами французского командования и мешали его действиям, делая особенно затруднительными переговоры с союзниками, встреченные ими поначалу очень благосклонно.

В начале октября, в то время как восточная армия вела сильное наступление в направлении на Монастырь, захватывая постепенно болгарские укрепленные позиции в районе Каймакалана, румынские войска на Дунае терпели неудачи в борьбе с армией Макензена, а затем

и совсем отказались от борьбы ввиду успехов Фалькенгайна в Трансильвании.

План согласованных операций временно не удался, однако главнокомандующий не переставал настаивать на продолжении операций восточной армии, полагая, что союзнический долг требовал от нас такого образа действий, тем более что, при условии своевременной поддержки Россией Румынии на обоих ее фронтах, предположения в отношении Болгарии могли вновь оказаться осуществимыми через некоторый промежуток времени.

Ввиду этих перспектив, он предложил вести переговоры с генералами Робертсоном и Кадорна об увеличении британских и итальянских сил в Салониках. 20 октября на конференции в Булони было достигнуто принципиальное соглашение по этому вопросу между председателями совета министров и главнокомандующими Англии и Франции. Было решено, что Франция доведет свои силы на востоке до 6 дивизий, Англия— до 7. Спустя несколько дней (7 ноября) генерал Жоффр на свидании с генералом Кадорной в С. Мишель-де-Морienне просил соответственного увеличения итальянских сил и получил согласие на отправку 3 бригад, при условии, однако, утверждения этой переброски сил итальянским правительством и формального обещания со стороны генерала Алексеева, что он начнет, как только позволят обстоятельства, совместно с румынской армией комбинированное наступление против Болгарии.

Это обещание не было дано русским верховным командованием, и спор разрешил генерал Фалькенгайн, спустя четыре дня после свидания в С.-Мишель-де-Морienне занявший Валахию и устремившийся на Бухарест, между тем как восточная армия делала последнюю попытку притти Румынии на помощь и занимала Монастырь.

Еще раз намеченные планы были полностью опрокинуты, и соглашение, выработанное в духе тесной солидарности союзников, осталось мертвой буквой перед лицом неумолимых событий. С этих пор, по крайней мере на первое время, восточная армия была предоставлена самой себе, и это в тот критический момент, когда греческое правительство, ободренное немецкими

успехами, допустило подлое избиение отряда французских моряков, несших службу по охране порядка в Афинах (1-го и 2 декабря).

Главнокомандующий, не имея в данный момент возможности подкрепить восточную армию хотя бы одним английским или итальянским солдатом и беспокоясь за безопасность этой армии, несмотря на новый ультиматум, акцептированный королем Константином, решил послать генералу Сарайлю приказ о приостановке наступления (11 ноября). Санкционируя таким образом крушение плана коалиции на Востоке, генерал Жоффр полагал все же, что дело шло лишь о временном затруднении и что вопрос будет поднят снова, когда, после восстановления румынской армии, русское командование сможет предпринять наступательные операции против болгар при содействии усиленной восточной армии.

ПОДГОТОВКА ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1916 г. И КАМПАНИИ 1917 г.

Когда в июне и июле 1916 г. союзникам удалось, несмотря на противодействие неприятеля, начать генеральное сражение в той форме, в какой они его задумали и желали, они вправе были надеяться, что победа увенчает их комбинированные усилия еще до конца этого года. Предыдущие главы должны были показать, что эти надежды нисколько не были химеричны и что впродолжение победоносной летней кампании 1916 г. неприятель несколько раз находился в весьма критическом положении, которое, при некотором счастии и лучшей согласованности операций союзников, легко могло перейти в непоправимую для него катастрофу.

Но, с другой стороны, сила немецкого сопротивления на Сомме и последовательное восстановление австрийского фронта в Италии и Галиции показали еще задолго до ответа на выступление Румынии, что главный противник сохранил помимо могущественных средств энергичное, искусное и относительно не поколебленное в моральном отношении командование.

Отмечая эти признаки, которыми измеряется в войне вооруженных наций способность сопротивления противника, французское верховное командование уже с нача-

ла осени пришло к убеждению, что окончательная победа не может быть достигнута в 1916 г. и что поэтому важно предусмотреть новую кампанию на 1917 г. и возможно ранее начать подготовку к ней.

Таким образом в круг забот главнокомандующего вошла выработка общего плана действий, намечаемого в широких рамках, но вместе с тем и могущего служить основанием для подготовки союзников. В начале октября, хотя к этому времени еще нельзя было точно предусмотреть, какой оборот примут события на Востоке, главнейшие основания плана были уже намечены с достаточной точностью.

И в самом деле, легко было подметить, что, несмотря на несовершенную согласованность усилий и недостаточное материальное обеспечение некоторых наступательных операций, союзники, поведя организованно впервые с начала войны генеральное наступление против общего врага, тотчас же лишили его инициативы крупных операций и постоянно ставили его в опасное положение неустойчивого равновесия.

На основании этих данных можно было утверждать, что если державы Антанты соединят и лучше используют свои громадные средства, если, с другой стороны, им удастся точно согласовать свои операции,—наступление 1917 г., произведенное по тому же плану как и наступление 1916 г., приведет наверняка к крушению центральных империй.

Наметить целесообразное распределение средств, доведенных до возможного максимума путем усиленных призывов людей и интенсивной работы военных заводов, и затем, как только станет возможно по времени года, возобновить с новой силой одновременно на всех фронтах лучше согласованное и еще более мощное, чем в 1916 г., общее наступление,—такова, очевидно, была линия поведения, которая диктовалась событиями 1916 г. на 1917 г.

Было, разумеется, очень важно не дать расстроенному противнику оправиться, воспользовавшись зимним затишьем; поэтому надлежало поддерживать и втечение этого времени года постоянное давление на укрепленных фронтах, продолжая наступление на тех театрах

войны, где еще были возможны широкие маневренные действия.

Исходя из этих соображений, представлялось целесообразным предпринять комбинированное наступление против Болгарии, как только положение в Румынии установится при предполагаемой поддержке русской армии. Если бы Болгарию удалось вывести из строя впродолжение зимы, кампания 1917 г. открылась бы при самых благоприятных условиях, ибо, в то время как Франция, Англия и Россия объединили бы свои действия против Германии,—Италия, Румыния при поддержке России и восточные армии смогли бы концентрически атаковать Австрию на всем протяжении ее границ.

Таков был в главных чертах общий план, предложенный генералом Жоффром 1 октября союзным главнокомандующим и ставивший целью закончить в 1917 г. начатое дело победы.

Этот план в его совокупности настолько соответствовал всей обстановке, что британское правительство и британское верховное командование приняло его 20 октября (конференция в Булони), генерал Кадорна присоединился к нему 7 ноября (конференция в С.-Мишель-де-Морienне), а конференция главнокомандующих в Шантильи утвердила его 15 ноября.

Мы уже видели, что нерешительная позиция России, а затем разгром Румынии помешали усилению восточных армий и сделали временно невыполнимой одну из самых существенных частей предложенного плана—зимнее наступление на Болгарию.

Несмотря на разгром Румынии, комбинированная операция против Болгарии была еще возможна по истечении определенного срока, и можно думать, что при иных условиях союзники в конце концов решились бы ее предпринять. К несчастью, в это время генерал Жоффр оставлял общее управление военными действиями коалиции, Россия готовилась разрушить собственными руками военную мощь, и становилось невозможным комбинировать на восточных фронтах операции, аналогичные тем, которые в 1916 г. привели нас к преддверию победы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Бросая общий взгляд на описанные события, нельзя не заметить единства, которое в них проявляется. Втечение кампании 1916 г. коалиция задумала и подготовила генеральное наступление на всех фронтах и руководила им, несмотря на всякого рода затруднения, из которых самые значительные вызывались различием национальных интересов союзников, различной формой их правительств, отсутствием высшей объединяющей власти, а также отсутствием какой бы то ни было подготовки к войне «группой вооруженных наций».

Чтобы достигнуть согласования усилий, как этого требовали общие интересы, союзники должны были проявить самые возвышенные качества человеческого разума и характера: непрестанную веру в справедливость и право, солидарность в высшем смысле слова, альтруизм и самоотвержение.

При отсутствии всякого формального соглашения, подчиняя свои частные мнения и национальные интересы основной, но трудно осуществляемой цели, союзники доверили негласным признанием высшее командование французскому главнокомандующему, и он, отвечая их ожиданиям, добровольно вел их по трудному пути к победе.

В этом исследовании мы старались показать те затруднения, которые приходилось преодолевать главнокомандующему при разрешении этой грандиозной задачи, и дать представление о тех огромных усилиях, которые он должен был приложить, чтобы создать и осуществить доктрину коалиционной войны, чтобы объединить в целях общей победы отдельные проявления доброй воли.

В тот момент, когда генерал Жоффр оставлял управление, которое держал в своих руках со 2 августа 1914 г., были достигнуты уже весьма существенные результаты.

Сотрудничество правительств и главнокомандующих при ведении операций вылилось в практически приемлемые формы.

Главнокомандующие узнали друг друга, привыкли уважать и помогать друг другу и согласовывать свои усилия.

Появились образцово функционирующие органы управления, согласования и выполнения; мощный аппарат, вызванный к жизни из небытия, был пущен в ход, и его живая сила была такова, что, несмотря на всевозможнейшие препятствия, он продолжал работать безостановочно до того момента, когда в форме единого командования он получил последнее усовершенствование, которого до сих пор ему не хватало.

Резюмируя, можно сказать, что кампания 1916 г. заключала в зародыше все элементы конечной победы. Союзники доказали, что они в состоянии проявить качества, обеспечивающие победу, а верховное французское командование нашло формулу этой победы, основанную на воле, методе, оптимизме и непоколебимой вере в торжество справедливого дела.

ВТОРОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ КОАЛИЦИИ НА ВОСТОКЕ.

(1914—1916 гг.)

Неизменные принципы, на которых основывается доктрина командования, могут быть выражены простой формулой, объединяющей три совершенно определенные задачи. Надо:

1) уметь принять решение;

2) твердо его придерживаться;

3) вводить в дело средства, могущие обеспечить выполнение этого решения.

Применение этой простой формулы требует со стороны начальника, претендующего на командование, проявления высоких качеств разума, характера и умения, без которых он никогда не сможет принять правильное решение, настойчиво следовать ему и довести выполнение его до успешного конца.

Легко понять, что по мере увеличения ответственности строгое применение этих основных положений становится все более необходимым и вместе с тем более трудным. Если дело идет о плане и проведении военных операций коалиции современных наций, находящихся в состоянии войны, то проблема встает во всей своей полноте, и ее разрешение наталкивается на величайшие затруднения, какие только могут представиться человеку.

Ответственный вождь должен тогда обладать в высшей степени тремя упомянутыми выше качествами и иметь к тому же упорную волю и веру в себя, без которых не существует великих полководцев.

Втечение Мировой войны французское верховное командование неоднократно во всей полноте применяло доктрину командования в том виде, в каком мы ее только что формулировали. Наиболее убедительным

примером плодотворного применения этой доктрины могут служить выступление армий коалиции на балканский театр военных действий и отстаивание занятого положения, несмотря на непреодолимые почти препятствия.

Попытаемся дать тому доказательства.

ДАРДАНЕЛЛЬСКИЙ ВОПРОС.

Как только победа на Марне и сражение во Фландрии устранили смертельную опасность, которой подвергалась коалиция на французском фронте с августа по ноябрь 1914 г., союзные правительства, в особенности Великобритании и Франции, посвятили все свое внимание создавшемуся на средиземном и балканском Востоке положению. Это положение характеризовалось выступлением Турции на стороне наших противников (3 ноября 1914 г.) и полной неудачей австрийского вторжения в Сербию (15 ноября 1914 г.).

Уже в это время союзники ясно поняли всю важность нашего вооруженного выступления в этом районе, и не подлежит сомнению, что если бы в ту эпоху существовало какое-нибудь централизованное управление военными действиями, то еще в самом начале 1915 г. было бы принято решение перебросить необходимые силы на этот театр войны либо для совместных действий с сербской армией, либо для устранения Турции, прежде чем военное, финансовое и политическое могущество Германии успеет ее организовать и усилить.

К сожалению, в то время не существовало еще никакого признака такого централизованного управления. Вся выгодность его, хотя бы только в области ведения военных операций, не была еще достаточно осознана некоторыми союзными правительствами, несмотря на все уроки истории и те значительные преимущества, которые извлекли из такого управления наши противники впродолжение первых месяцев войны.

Вполне нормально, что при подобных условиях первые попытки военных действий коалиции на Востоке велись без всякой последовательности, и приходилось

опасаться, что операции, начатые на этом удаленном театре войны без всякого плана, без тщательно продуманной подготовки и рациональной организации командования, были бы обречены на неудачу. И все же коалиция в этих далеко не благоприятных условиях начала операции и организовала, если можно так выразиться, неудачную дарданелльскую экспедицию, выразившуюся в ряде дорого стоивших импровизаций и оплаченных кровью на суше и на море ошибок *в своих расчетах*, напоминать о чем, повидимому, не приходится.

Не вполне созревшее решение британского правительства, неподготовленное сотрудничество Франции, несоответствие введенных в дело средств поставленной цели и разрозненность усилий—таковы главные характерные черты дарданелльской авантюры, явившейся плодом совершенно правильной идеи, но в которой можно усмотреть почти все ошибки, к которым приводит полное отсутствие централизованного управления операциями в коалиционной войне.

Вследствие допущенных в то время ошибок в области управления вооруженными силами французское верховное командование совершенно не приняло участия в решении вопроса о дарданелльской экспедиции, и французские силы, которые весной 1915 г. были переданы в распоряжение английского генерала сэра Джона Гамильтона, не были им материально обеспечены. Правительство, используя свои суверенные права, под влиянием английских представлений, создавало новый театр военных действий, совершенно отделенный от того, на котором сражалась главная масса французских войск, и ему не приходило в голову, что операции на этих двух театрах войны могут быть согласованы единым командованием.

Другими словами, коалиция, ввязываясь в восточные дела, совершенно не понимала необходимости осуществить единый фронт против общего врага и начала действия, независимо от сложившейся уже общей обстановки, не учитывая, как может отразиться эта дальняя и, по всей вероятности, дорого стоящая экспедиция на развитии операций на главном театре борьбы,

т. е. на том театре, на котором неприятель сосредоточил бо́льшую часть своих боевых средств.

К счастью, под влиянием событий французское правительство и французское верховное командование быстро отдали себе отчет в основной ошибке такого решения и совместными усилиями стремились поправить плохо начатое дело и вновь стать на здоровый и плодотворный путь координированных и согласованных действий.

Мы попытаемся исследовать условия, при которых происходила эта эволюция втечение 1915 г., и установить, как постепенно создавалось «французское представление» (la conception française) о роли коалиции на Востоке в связи с планом войны, рассчитанным на единый фронт.

В конце апреля 1915 г. французское правительство, обеспокоенное неудачами, понесенными на суше и на море, обратилось к содействию генерала Жоффра для восстановления пошатнувшегося положения. Оно просило его указать начальника, способного принять командование над французским экспедиционным корпусом, доведенным до двух дивизий (15 мая), и обсудить возможность срочного выделения из армий северо-восточного фронта нескольких дивизий, необходимых для организации операции на азиатском берегу Дарданелл, необходимость которой признавалась генералами Д'Амадом и Гуро.

Этой последней просьбой правительство всю проблему в целом возлагало на плечи и на ответственность главнокомандующего.

Было ли возможно накануне франко-британского наступления на французском фронте, в период интенсивной его подготовки, выделить часть наших сил для операции на Востоке? Если возможно, то в каких размерах и когда? Будут ли эти силы достаточны для достижения намеченной цели и возможно ли будет их питать и пополнять, если операция затянется? Каким образом скомбинировать их совместные с британскими силами действия?

Таковы были вопросы, которые главнокомандующий должен был задать себе, прежде чем удовлетворить

выраженное правительством желание. Для того чтобы ответить на эти вопросы, он должен был тщательно изучить общее положение, приняв во внимание данные о положении дел на Востоке, план предстоящих операций во Франции и всякого рода ресурсы, имевшиеся налицо в то время и ожидаемые в будущем.

В такой именно постановке вопроса генерал Жоффр считал правильным подойти к разрешению восточной проблемы и на этих основных данных он построил свое заключение. Приглашенный в Париж, 29 и 31 июля он изложил совету министров свою точку зрения и подтвердил ее двумя документально обоснованными письмами [1], в которых выяснялись причины понесенных неудач и определялись общие условия, которые надлежало выполнить, чтобы успешно повести дело, без ущерба для операций во Франции.

По его мнению, следовало удерживаться в занятом на Востоке положении и даже развить там наши действия, но при этом он указывал, что никакое выделение сил с французского фронта не может быть допущено до сентября месяца, так как «возможно, что мы находимся накануне важных событий». Кроме того этот срок был необходим, чтобы послать офицеров связи на места, выработать план действий и установить сотрудничество с британскими силами, имея в виду, что экспедиция «носила все характерные черты колониальной операции большого масштаба».

К сожалению, этот последовательный план не был принят по соображениям военного и политического порядка. С одной стороны, назначение генерала Сарайля в качестве независимого командующего экспедиционным корпусом на Востоке лишало генерала Жоффра возможности непосредственных действий на восточном театре войны, а именно—потребовать производства необходимых обследований и разведок для выяснения создавшегося там положения. С другой стороны, вследствие запоздания в подготовке материальной части франко-британские наступательные операции в Шам-

1 Письма на имя военного министра от 29 июля и 3 августа 1915 г. (Исторический архив).

пани и Артуа, назначенные на первые числа сентября, по просьбе командующих армиями, назначенными для атаки, должны были быть отсрочены приблизительно на месяц.

Эти факты военного и политического порядка вполне объясняют то видимое расхождение во взглядах, которое втечение августа и сентября месяцев существовало между французским правительством и французским командованием, хотя оба они были убеждены в необходимости действий на Востоке.

В самом деле, втечение этого периода:

с одной стороны, правительство, озабоченное развязкой дарданелльского кризиса и удовлетворением требований генерала Сарайля, настаивает на немедленной отправке новых сил на Восток;

с другой стороны, главнокомандующий полагает, что эта отправка всецело зависит от потребностей наступательных операций, подготовленных во Франции, и должна основываться на разработанном генералом Сарайлем определенном плане операций в *соответствии с местной обстановкой.*

В конце августа главнокомандующий находит, что эти два существенных условия выполнены, и принципиально соглашается на отправку четырех дополнительных дивизий, которые генерал Сарайль считает необходимыми для начала операций на азиатском берегу Дарданелл. Однако несколько дней спустя он должен взять свое согласие обратно, так как генерал Сарайль подошел к вопросу теоретически, и его требование четырех дополнительных дивизий оказывается недостаточно обоснованным; кроме того приходилось отсрочить франко-британское наступление во Франции на конец сентября.

При этих условиях генерал Жоффр письмом от 1 сентября и на словах в совете министров 2 сентября отказывается подтвердить свое первоначальное согласие и заявляет, что если правительство намерено настаивать на своем решении действовать в Дарданеллах с силами, которые он считает недостаточными, то следует во всяком случае предусматривать новую отсрочку выделения дивизий из состава северо-восточных армий,

так как эти дивизии могут быть переданы в распоряжение министра лишь в начале октября месяца.

Правительство не вполне разделяет соображения главнокомандующего. Оно соглашается с необходимостью отсрочки, но твердо поддерживает свое решение вести операции на Востоке в том направлении и с теми силами, которые были намечены генералом Сарайлем, как только потребности наступательных операций во Франции позволят выделить четыре спорных дивизии. Решение правительством на этот раз принимается столь определенно, что оно находит своевременным начать по этому поводу переговоры с британскими правительством и верховным командованием.

11 сентября 1915 г. Мильеран, генералы Жоффр и Сарайль встретились в Кале с лордом Китченером, маршалом Френчем и генералом Вильсоном и попытались совместно установить основания предполагаемых операций в направлении на Константинополь по обоим берегам Дарданелл, причем английская армия должна была действовать на европейском берегу, а французская—на азиатском. С самого начала обнаружились значительные разногласия как в отношении плана операции, так и потребных для нее сил; организация управления обобщалась формулой: «полная связь при абсолютной независимости»—и это применялось к двум командующим (английскому и французскому), действующим *с единой целью* на двух берегах узкого морского пролива. И на этот раз дело началось плохо; британское верховное командование под впечатлением испытанных неудач относилось к Восточному вопросу с недоверием. Чтобы устранить его опасения, нужно было представить ему вполне обдуманный и разработанный план, к которому военные власти могли бы присоединиться свободно и без задней мысли. Но ему предложили совсем другое, и у него создалось впечатление, что «авантюра» продолжается по причинам, для него неясным. Нет ничего удивительного, что при таких условиях его согласие на наши предложения было выражено с подчеркнутым равнодушием.

И все же, несмотря на ничтожные результаты совещания в Кале, французское правительство продолжало

настаивать на своем проекте, и главнокомандующий получил 14 сентября приказ сосредоточить в Марсели к 10 сентября четыре дивизии, выделенные с фронта.

Не подлежит сомнению, что, если бы в конце сентября события не приняли новый оборот вследствие выступления Болгарии, дарданелльская операция была бы возобновлена втечение октября или ноября на основаниях, указанных нашим британским союзникам. Никто не мог бы предсказать, каковы были бы результаты этой операции, но можно с уверенностью утверждать, что, предпринятая с недостаточными силами и неудовлетворительно разработанным планом, она имела бы не больше шансов на успех, чем все предыдущие операции на Галлипольском полуострове.

Эти соображения послужили основанием для последнего, окончательного предостережения, которое генерал Жоффр почел своей обязанностью сделать 20 и 26 сентября. Но уже к этому времени события приняли новый оборот, и стало излишним настаивать на отсрочке предприятия, которое, в том виде как оно было задумано и подготовлено, представлялось главнокомандующему способным «нанести гибельный удар тем священным интересам, на страже которых он стоял» [1].

Как можно охарактеризовать эту первую фазу событий на Востоке, закончившуюся в последние дни сентября 1915 г.?

Одна и та же верная идея вдохновляла одновременно французское и английское правительства. Однако оба они были неспособны с пользой применить ее к делу, так как они еще не знали основных принципов междусоюзного сотрудничества, не умели согласовать своих усилий и работали, не считаясь с военной действительностью. С другой стороны, французское верховное командование, соглашаясь в принципе с идеей операций на Востоке, могло иметь в этот период лишь отрицательное влияние, так как оно было лишено средств для действий на внеевропейских театрах войны, и ответственность за совокупность действий коалиции еще не лежала на нем.

1 Эта фраза взята текстуально из письма от 20 сентября 1915 г. (Исторический архив).

Таким образом коалиция показала всю свою слабость: она подчинялась ходу событий, вместо того чтобы руководить ими, она колебалась, спорила, импровизировала и в заключение потерпела неудачу. И все же эти разрозненные и бесплодные усилия не были совершенно бесполезны: причины слабости были постепенно осознаны, и коалиция выходила на тот путь, по которому должна была следовать.

НАЧАЛО ДЕЙСТВИЙ КОАЛИЦИИ НА БАЛКАНСКОМ ВОСТОКЕ.

Болгария под влиянием обуреваемого тщеславием князя, недобросовестность и лукавство которого соединялись с отсутствием здравого смысла, считая момент благоприятным и немецкое дело выигранным, мобилизовала 22 сентября 1915 г. все свои силы и готовилась, прибегнув к своим обычным способам предательства и вероломства, принять участие в «карательной экспедиции» против Сербии, которую австро-германцы намеревались возобновить. На следующий день, 23 сентября, председатель греческого совета министров Венизелос издал декрет о греческой мобилизации и убеждал Великобританию и Францию высадить в Салониках войска для поддержки греческой армии, которую предполагал отправить на помощь Сербии против Болгарии согласно союзному договору, связывавшему Грецию с Сербией со времени последних балканских войн.

Английское и французское правительства сейчас же согласились на это предложение и, несмотря на колебания, почти немедленно обнаружившиеся в поведении Греции вследствие сильной оппозиции короля Константина политике Венизелоса, решили направить в Салоники две дивизии, выделенные из дарданелльского экспедиционного корпуса. 5 октября 156 французская дивизия (генерала Байу) и 10 британская дивизия, снятые с Галлипольского полуострова, одновременно начали свою высадку.

Эти две дивизии должны были составить, очевидно, лишь первый эшелон необходимых подкреплений; так и полагали в данный момент оба правительства. 28 сен-

тября главнокомандующий получил от французского правительства приказ подготовить к отправке новые подкрепления, выделенные из армий северо-восточного фронта. В это же время лорд Китченер, считавший, что в Салониках необходимо высадить до 300 000 англо-французских войск, потребовал 1 октября, чтобы распределение этого контингента между обеими армиями было срочно рассмотрено на конференции и одобрено генералом Жоффром.

На деле, при первом обращении Венизелоса, французское и английское правительства договорились отправить лишь половинное количество сил, т. е. 150 000 человек. Такое же количество должна была выставить и Сербия против болгар согласно ее договору с Грецией, но она не могла это сделать ввиду фронтальной атаки австро-германских армий, для отражения которой ей пришлось сосредоточить почти все свои силы.

И на этот раз оба правительства плохо подготовили свое выступление. Учитывая первостепенную важность нового театра военных действий и желая поскорей перебросить свои силы на помощь Сербии, чтобы тем самым вовлечь в сражение греческую армию, они слишком поспешно пошли навстречу первому зову греческого правительства. Они не учли ни потребных для этого выступления сил, ни тех затруднений, которые не замедлил противопоставить их усилиям зять германского императора, но прежде всего они не достигли определенного и искреннего соглашения между собой, без которого совместная работа союзников не может быть плодотворной и действительной с политической и военной точек зрения.

Как и при дарданелльской экспедиции, салоникское дело началось безалаберно, под давлением событий, без плана и без консультации военных экспертов; вместо разумной согласованности усилий получилась ненужная торопливость как естественное следствие того, что обе стороны руководились желанием не дать партнеру лучшую роль в этом интересном предприятии. Но тождественные причины влекут за собой и тождественные следствия.

28 сентября главнокомандующий, уступая распоряжениям правительства, отдает в его распоряжение одну бригаду 57 дивизии, но принужден временно отказаться от всякого дальнейшего выделения частей, так как сражение в Шампани находится в полном разгаре. Несколько дней спустя, уяснив себе возможные стратегические результаты этого сражения, главнокомандующий соглашается выделить в самом непродолжительном времени две пехотных и две кавалерийских дивизии, указывая приэтом, что наше участие в экспедиции должно во всяком случае ограничиться посылкой этих войск; необходимое пополнение сил, чтобы довести численный состав экспедиционного корпуса до 150 000 человек, должно быть потребовано от Великобритании, которая в сражении на французском фронте несет значительно меньшие тяготы, чем мы.

Английское правительство находит, что оно решительно не в состоянии взять на себя это пополнение, значение которого оно, впрочем, переоценивает, и не обнаруживает особого желания стать на нашу точку зрения в данном вопросе. 7 октября положение окончательно осложняется вследствие отставки Венизелоса, политика которого заслужила неодобрение короля. Греция решительно отказывается от выступления, несмотря даже на заманчивое предложение Англии уступить ей остров Кипр. С этого времени английское правительство, под неизгладившимся еще впечатлением от неудачной дарданелльской экспедиции, считает дело заранее проигранным и, не будучи связано определенным договором, старается выйти из предприятия, которое не внушает ему более доверия. Не выдавая своего действительного намерения, быть может из уважения к Сербии, оно прилагает все усилия, чтобы затормозить дело, задержать отправку новых войск в Салоники и добиться от французского правительства отказа от рискованного балканского предприятия.

Если бы эта точка зрения восторжествовала, коалиция потерпела бы на Востоке вторую, весьма серьезную неудачу, дала бы доказательство своей слабости в этом районе и утратила бы безвозвратно свой престиж в момент, когда представлялся удобный случай восста-

новить его своевременным перенесением усилий из Дарданелл.

Коалиция рисковала допустить полный разгром сербской армии и тем самым развязывала руки турецкой и болгарской армиям для действий на других театрах войны, предоставляла Грецию влиянию Германии и вероятному с ней союзу и бросала Румынию в объятия наших врагов.

Всякая стратегическая комбинация совместных действий с русскими армиями стала бы невозможной; коалиция лишила бы себя возможности действовать через Балканы на фланг центральных империй и предоставила бы неприятелю всю восточную часть Средиземного моря. Немецкие подводные лодки, имеющие базы в Салониках, на острове Саламине, в Константинополе и на греческих островах, могли бы разорить эту часть Средиземного моря, нанося громадный ущерб морским сообщениям через Египет и Суэцкий канал.

К счастью, все эти опасности ясно сознавались французским правительством и верховным командованием. Благодаря временному затишью на французском фронте генерал Жоффр смог оказать деятельную поддержку правительству, предоставить в его распоряжение обещанные силы [1] и употребить свое время на то, чтобы преодолеть опасные колебания британского правительства и верховного командования.

Между тем как Мильеран отправился в Лондон (18 октября) и старался внушить лорду Китченеру необходимость спешной отправки британских войск на Восток, генерал Жоффр пытался убедить маршала Френча в возможности снять с его сильного многочисленными резервами фронта несколько боевых единиц для отправки их в Салоники. Чтобы устранить колебания англий-

[1] 57 и 122 дивизии, которые высадились в Салониках 23 октября и 7 ноября 1915 г.

Считая 156 дивизию (переброшенную ранее из Дарданелл) и 2 полк-bis зуавов (переброшенный из Туниса), восточная армия насчитывала *3 пехотные дивизии, 1 полк зуавов, не включенный в дивизии, 3 полка африканских стрелков* и этапные части.

Кавалерийские дивизии не были отправлены ввиду сообщения генерала Сарайля от 18 октября, что местные условия не допускают применения кавалерии.

ского главнокомандующего, он согласился на временное сокращение деятельности британских сил во Франции и даже заменил французскими войсками 2 британских дивизии к югу от Соммы.

Одно мгновение казалось, что дело выиграно и что отправка английских войск будет действительно произведена; но вскоре события вновь свели на-нет с таким трудом наладившееся соглашение с Великобританией.

Наступательное движение неприятельских армий развивалось чрезвычайно быстро. Наоборот, слабая поддержка англо-французских сил, которые вступили в Сербию 14 октября и, двигаясь в направлении на Велес, достигли Криволака на среднем течении Вардара, прибыла слишком поздно, так как болгарские войска уже с 23 октября заняли Ускюб, отрезав от Салоник главные силы сербов, отброшенные от Моравы и Дуная к горным массивам Албании.

При таком положении дел, осложнявшемся кроме того двусмысленным поведением Займиса, преемника Венизелоса, британское правительство видело слишком мало шансов восстановить связь разбитой Сербской армии со столь важной для нее базой в Салониках; оно находило, что сербские армии уже не могут быть поддержавы, что Лондонское соглашение теряет поэтому всякое значение, и имеется полное основание к тому, чтобы совершенно прекратить отправку войск на Восток.

Эти прискорбные колебания,—следствие трудных условий, в которых велась подготовка сотрудничества союзников на Востоке,—вернули коалицию к положению, в котором она находилась до лондонских переговоров, с той лишь разницей, что франко-британские силы, находившиеся в Сербии в силу ранее состоявшихся соглашений, противопоставлялись значительно превосходящим их силам генерала Жекова и рисковали очутиться в очень тяжелом положении, если бы им пришлось рассчитывать только на помощь двух французских дивизий, направлявшихся в то время в Салоники.

Главнокомандующий обязан был, конечно, указать на эту опасность британскому верховному командованию; он и не замедлил это сделать неоднократными предста-

влениями как маршалу Френчу, так и делегации офицеров, прибывшей в его ставку для обсуждения этого вопроса. Военные специалисты, к которым он обращался, признавали и понимали значение его аргументов, но он не смог изменить позиции, занятой британским правительством, и устранить его опасения в отношении операций на Востоке. Отдавая отчет своему правительству о тщетности своих усилий, он указал 27 октября, что «только прямое и срочное представление самому английскому правительству может разрешить принципиально этот вопрос и положить конец постоянным спорам».

Мы видели, что с этого времени установилось полное единство взглядов французского правительства и верховного командования по отношению к восточным делам; по обоюдному соглашению они прилагали все усилия к тому, чтобы была принята линия поведения, которая представлялась им соответствующей высшим интересам коалиции. Дважды была совершена ошибка, когда решение было принято помимо главнокомандующего; теперь эта ошибка исправлена, и со всей очевидностью выступают основные принципы рационального управления войной: тесное сотрудничество правительства и верховного командования, распространение власти последнего на все театры военных действий, на которых принимают или могут принять участие вооруженные силы нации.

В области междусоюзных отношений эта эволюция, к сожалению, произошла не так быстро, и ошибки, совершонные вначале в области согласования усилий коалиции, еще долгое время тяготели над ведением войны на Востоке.

Казалось, это предприятие самой судьбой было предназначено, чтобы служить яблоком раздора между союзниками. Все они одинаково были воодушевлены духом тесной солидарности и одинаково отдавались служению общим интересам, но их усилия и стремления не гармонировали в силу отсутствия предварительного соглашения, которое одно только и могло до некоторой степени заменить высший централизующий и руководящий орган, в то время еще не существовавший.

Получив отчет от 27 октября и продолжая дело в том же направлении тесного сотрудничества с верховным командованием, правительство поручило генералу Жоффру убедить английское правительство и доказать ему всю важность и серьезность причин военного характера, настоятельно требовавших немедленной отправки британских подкреплений на Восток. *29 октября главнокомандующий был выслушан Военным советом в Лондоне* (War-Commitee), где он торжественно взывал к чувствам лояльности и солидарности наших союзников. Он отметил в своей речи, что французские дивизии, сражающиеся в Сербии и переживающие тяжелое положение, надеются на испытанное товарищеское отношение британской армии и ожидают прибытия обещанных британских подкреплений.

Ясная и убедительная речь произвела впечатление на членов Военного совета, и главнокомандующий вернулся обратно во Францию, получив официальное обещание, что войска, необходимые для доведения численного состава экспедиционного корпуса до 150.000 человек, будут отправлены на Восток без всякого промедления.

Таким образом в последние дни октября было достигнуто франко-британское соглашение об образовании франко-британской армии в Салониках.

Но сколько времени было потеряно даром в обстановке, когда твердость решения и быстрота исполнения являлись существенными факторами успеха! Британское правительство, впрочем, не было еще переубеждено, и неопределенность первых соглашений находила свое объяснение в его скрытом недоверии. Не подлежит сомнению, что согласие, вызванное призывом к английской лояльности, было дано добровольно и искренно, но это был лишь жест товарищеского великодушия; британские государственные деятели сохранили убеждение, что их страну вовлекли в сомнительное дело, неудачный исход которого являлся, по их мнению, вопросом ближайшего будущего.

Несмотря на принципиальное соглашение, достигнутое 29 октября в Лондоне, потребовались новые хлопоты в ноябре, чтобы устранить последние колебания

английского правительства, испуганного плохим оборотом, который приняли военные события в Сербии.

Английские министры два раза (6 и 17 ноября) приезжали в Париж, выражали свои опасения и поднимали вопрос—не будет ли целесообразнее приостановить отправку войск на Восток. К счастью, оказалось возможным доказать им, что их предложение неприемлемо с военной точки зрения и что, по крайней мере в данный момент, нельзя было и думать об оставлении начатого дела, не подвергая опасности высаженные уже войска. В результате войска были перевезены очень быстро, и *5 британских восточных дивизий* закончили свою высадку в Салониках в последние дни ноября[1].

Так совершилось первое важное событие: было достигнуто образование восточной франко-британской армии. Оставалось извлечь из этого важного события все выгоды, которые оно могло доставить делу союзников.

С этой точки зрения, надо сознаться, дело представлялось в мало привлекательном виде. С самого начала ноября стало очевидным, что восточная армия, ограниченная силами, расположенными на Черне и на среднем Вардаре, не сможет восстановить связь главных сил сербской армии с Салониками. Сербы, совершенно окруженные с севера австро-германскими армиями и с востока—болгарской армией, соединившимися в районе Ниша, потерпели неудачу в своей последней попытке пробиться на Ускюб, несмотря на то, что нашим дивизиям удалось ценою тяжелых боев остановить охватывающее движение левого крыла болгарской армии. В конце месяца началось отступление сербских армий через албанские горы в Черногорию, и 2 декабря генерал Сарайль должен был отдать приказ об отводе наших сил, действовавших в Сербии, к своей базе в Салониках.

Таким образом в момент, когда генерал Жоффр принимал на себя командование всеми французскими ар-

[1] 10 британская дивизия высадилась 5 октября, 22 британская дивизия начала высаживаться 10 ноября, 28 дивизия—20 ноября, 26 дивизия—23 ноября, 27 дивизия—28 ноября.

миями [1], проблема рационального использования восточной армии представляла особые трудности для разрешения: с одной стороны, военная цель, ради которой эта армия была образована, уже не могла быть достигнута, с другой стороны—генералу Жоффру и французскому правительству нельзя было отказаться от позиции, занятой коалицией на балканском театре военных действий, так как это значило бы потерпеть непоправимое материальное и моральное поражение и потерять одновременно с престижем всякую возможность военного и политического воздействия в восточной части Средиземного моря.

Трудность предстоящей задачи сейчас же получила свое конкретное выражение в виде официальной оппозиции британского правительства по отношению к нашим предложениям и нашей точке зрения.

4 декабря на конференции *в Кале*, где собрались лучшие военные и политические силы Франции и Англии, этот опасный антагонизм проявился особенно резко. Британские министры с чрезвычайной настойчивостью проводили мысль, что «сохранение в Салониках экспедиционного корпуса *бесполезно и опасно*». Они согласились не требовать *немедленной* эвакуации, которая к тому же была невозможна, но вместе с тем настаивали, чтобы при первой возможности было принято решение об обратной перевозке войск и упорно поддерживали эту точку зрения, несмотря на искусные доводы г. Бриана, доказывавшего, что присутствие наших сил на Востоке приносит очевидную пользу, и что опасность скорее всего только провоцируется издевательствами Греции и угрозами Болгарии.

Конференция главнокомандующих, которая состоялась два дня спустя в Шантильи (6, 7 и 8 декабря 1915 года) и на которой был единогласно установлен оперативный план кампании на 1916 г. на главных театрах войны, нисколько не подвинула балканского вопроса. Британские военные представители, присоединяясь к мнению своего правительства, утверждали, вопреки взглядам французов, итальянцев и русских, что содер-

[1] Декрет от 2 декабря 1915 г.

жание союзных сил в Салониках нецелесообразно, и генерал Жоффр должен был удовлетвориться их согласием на создание салоникской укрепленной позиции, на которой восточная армия могла бы расположиться по завершении своего отступательного марша.

Этот вопрос об организации обороны Салоник должен был быть разрешен в первую очередь. В самом деле, ничто не давало права заключить, что болгары станут считаться с греческим нейтралитетом и не перейдут южную сербскую границу вслед за отходящими франко-британскими войсками. Поэтому необходимо было, какое бы ни получила впоследствии назначение восточная армия, принять срочные меры, чтобы по крайней мере прикрыть обратную посадку войск, в случае если она будет окончательно решена или вызвана какими-нибудь военными соображениями.

С конца ноября главнокомандующий обращал внимание правительства на этот вопрос и настаивал на необходимости получить от греческого правительства дозволение начать фортификационные работы. Дипломатические хлопоты, предпринятые по этому поводу, натолкнулись, конечно, на всевозможные препятствия; греческое правительство сделало даже неожиданное контрпредложение о разоружении наших войск в момент, когда они будут переходить сербско-греческую границу. Но оно уступило все же твердости наших настояний, и король Константин 5 декабря заверил, что греческие войска не атакуют наши силы. Несколько успокоенные этим обещанием, члены британского правительства, прибывшие в Париж 9 декабря для утверждения решений, принятых главнокомандующими в Шантильи, отказались наконец от своего требования спешной эвакуации и согласились, как на том все время настаивали французское правительство и верховное командование, на временное по крайней мере оставление союзных сил в Салониках на укрепленных позициях, которые предполагалось возвести вокруг крепости.

Главнокомандующий немедленно предписал генералу Сарайлю приступить к возведению оборонительных укреплений, приказал отправить на Восток необходимую тяжелую артиллерию и направил в Салоники

инженерный отряд Рефруаньи, хорошо снабженный всем необходимым для производства земляных работ. Эти работы были начаты 13 декабря, в тот самый момент, когда наши войска вновь переходили греческую границу, которую болгары, к счастью, не переступили.

В середине декабря можно было уже определенно сказать, что наши восточные дела находились на пути к восстановлению. Не подлежит сомнению, что из-за непоследовательности своих первых решений коалиция упустила удобный случай оказать действительную поддержку сербской армии; но благодаря дальновидности и настойчивости французского правительства и верховного командования дело не было еще безвозвратно проиграно: франко-британская армия урезывала преимущества болгар и занимала твердую позицию на пути устремления на Восток («Drang nach Osten») наших врагов. Орудие нашей деятельности на Востоке (восточная армия) находилось на надлежащем месте, и принципиальные основания к сохранению этого орудия на Востоке были, повидимому, найдены. Сербская армия могла быть спасена, Греция удержана в рамках своего долга, восточная часть Средиземного моря защищена; будущее было обеспечено.

История отдаст должное тем людям, которые в этот тяжелый период сумели осознать высшие интересы коалиции и принять решения, о которых мы только что упоминали.

Нам остается рассмотреть, как эти же самые люди сумели твердо придержаться своего правильного решения и ввести в дело соответствующие средства, осуществляя, таким образом, во всей полноте второй и третий принципы общей доктрины командования.

ПРИВЕДЕНИЕ В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ ВОСТОЧНЫХ АРМИЙ.

На основании общего плана действий, приведенного нами выше (первое исследование), главнокомандующий старался втечение зимы 1915/16 г. привести восточные армии в такое состояние, чтобы они могли принять активное участие в общем наступлении союзников весной 1916 г.

В первую очередь надлежало усилить эти армии численно и необходимыми материальными средствами при условии тесного сотрудничества всех союзников, которые могли выступить на Балканском полуострове, не ослабляя чрезмерно своего собственного фронта; затем необходимо было придать этим армиям возможную мощность путем целесообразной организации командования и материальной части и, наконец, регулировать их операции в рамках общего плана действий, принятого коалицией.

С этих трех точек зрения подходил главнокомандующий к проблеме приведения восточных армий в боевую готовность. Эту сложную и сопряженную со всякого рода затруднениями проблему надлежало, однако, разрешить, так как в противном случае коалиция потеряла бы один из своих лучших шансов на победу в генеральном сражении, которое она предполагала начать концентрическим наступлением на всех фронтах войны.

Для наших целей было бы бесполезно изучать детали тех мер, которые принял главнокомандующий, чтобы подготовить восточную армию к сражению 1916 г. Ограничимся описанием главнейших затруднений, которые ему пришлось преодолеть и как благодаря своей твердости в раз принятых решениях ему удалось в конце концов восторжествовать над всеми препятствиями.

I. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ЗАТРУДНЕНИЯ.

Французская армия. Получив главнокомандование над всеми французскими армиями, генерал Жоффр, конечно, уже не встречал серьезных затруднений при организации *французских сил* на Востоке. Правда, ему приходилось сдерживать, что было не всегда легко, требования генерала Сарайля о подкреплениях в рамках, установленных после инспекции, произведенной генералом де-Кастельно на месте во второй половине декабря 1915 г.; ему приходилось также соразмерять важность пополнения восточной армии личным составом и материальной частью в соответствии с общими ресурсами страны и возможностями нашего промышлен-

ного производства. Но в конце концов дело сводилось лишь к правильному распределению средств, которыми он распоряжался по своему усмотрению, и это распределение могло производиться быстро и соответственно нуждам восточной армии как из ресурсов метрополии, так и путем использования войск и материальной части, освободившихся благодаря эвакуации мыса Геллес. Таким образом восточная армия последовательно получила: значительные подкрепления в артиллерии всех видов как для вооружения укрепленного фронта, так и для обеспечения ею крупных войсковых соединений; кавалерийский полк; необходимое пополнение для доведения пехотных частей до 250 человек в роте (15 января 1916 г.); наконец—четвертую дивизию (дивизию Брюлара), которая была снята с мыса Геллес, полностью реорганизована в Митиленах и высажена на Халкидонском полуострове, начиная с 12 февраля [1].

В соответствии с решениями, принятыми с согласия главнокомандующих несколько дней спустя после начала Верденского сражения (конференция в Шантильи 12 марта 1916 г.), французские силы на Востоке были организованы по типу альпийских войск с целью придать армии подвижность, необходимую для наступательных операций в трудно проходимой местности Великой Сербии, где войскам надлежало атаковать германско-болгарские силы в час общего наступления. Это переформирование было закончено к 1 июля 1916 г.

Сербская армия. Привести в боевую готовность сербскую армию оказалось гораздо труднее. Прежде всего пришлось спасать жалкие остатки этой армии, которые в начале декабря достигли берегов Адриатики в страшно бедственном положении. В середине февраля 160 000 человек, избежавших разгрома, были собраны на острове Корфу ценою почти сверхчеловеческих усилий; эту армию нужно было восстановить в материальном и моральном отношениях, так как она достигла последних пределов истощения. Французское и английское правительства предоставили материальную часть, Франция послала организаторов и инструкторов;

[1] С этого времени *французская* восточная армия насчитывала приблизительно 100 000 человек.

национальные высокие моральные достоинства и горячий патриотизм короля сделали остальное. Уже в начале января главнокомандующий видел возможность воссоздать сербскую армию и перевезти ее в Салоники; 12 марта его проект был единогласно одобрен конференцией главнокомандующих; 19 марта он окончательно установил план реорганизации сербской армии, сводимой в 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийскую; перевозка этих частей в Салоники должна была начаться 1 апреля.

Полный успех увенчал этот ряд методических усилий: 8 июня 1916 г. переброска морем сербской армии стала совершившимся фактом[1]. Эти реорганизованные 7 дивизий, временно расположенные на Халкидонском полуострове, представляли для восточной армии реальную силу. К сожалению, пополнять убыль в ней было трудно: для пополнения ее рядов либо приходилось брать пленных, взятых русскими или итальянцами, либо производить набор в большой югославской колонии в Соединенных штатах.

Британская армия. Согласившись волей-неволей на оставление союзных сил в Салониках, англичане, однако, не были сторонниками активных операций на Балканском полуострове. Правда, с 9 декабря 1915 г. они уже не настаивали на невыполнимой по общей обстановке эвакуации, но полагали, что этим должны ограничиться все их уступки французской точке зрения. Союзные силы останутся в Салониках, но они должны будут занять определенно оборонительное положение на позициях, сооруженных вокруг города, по крайней мере до тех пор, пока какие-либо новые события, по их мнению, конечно, мало вероятные, не изменят военного положения на Балканах.

Легко себе представить, что при таких условиях добиться подготовки высаженных 5 британских дивизий к наступательным операциям было нелегко.

В середине января генерал Жоффр просил начальника имперского генерального штаба приступить к ор-

[1] Нежелание греков и их обструкция не позволяли использовать греческие железнодорожные линии.

ганизации британских восточных войск по альпийскому типу, но натолкнулся на решительный отказ.

Месяц спустя (25 февраля) генерал Робертсон подтвердил и оправдывал свой отказ, предлагая перевезти во Францию 2 английских дивизии из Салоник.

Несмотря на затруднительное положение в то время на верденском фронте, главнокомандующий отклонил это предложение и несколько дней спустя (конференция 12 марта) добился *единогласного* решения главнокомандующих организовать по альпийскому типу все *части*, высаженные в Салониках. Несмотря на это решение, к реорганизации британских дивизий все же немедленно не было приступлено. Под различными предлогами (недостаток вьючных седел, недостаточные запасы горной артиллерии) имперский генеральный штаб стал снова тормозить дело. Приказ о снабжении всем необходимым для горной войны *трех дивизий* (только трех дивизий) был отдан только 23 апреля и почти не выполнялся до тех пор, пока интервенция Румынии не изменила полностью британскую точку зрения, приблизив ее к французской; с этого времени (13 июля 1916 г.) организация британских дивизий проводилась чрезвычайно активно, и приведение их в боевую готовность было быстро закончено.

Итальянская армия. Начиная с октября 1915 г. главнокомандующий добивался отправки на Балканский полуостров итальянских частей и дал поручение генералу Гуро, который отправлялся в это время с миссией в Италию, настоятельно требовать этой отправки у генерала Кадорна. Несмотря на благоприятное отношение генерала Кадорна, итальянское правительство, находясь под тяжелым впечатлением разногласий, существовавших между французским и английским правительствами по восточному вопросу, отнеслось к этому требованию сдержанно и ограничилось отправкой полутора дивизий в Валлону и Дураццо для занятия той части берега, которая, по его мнению, должна была войти в состав будущих итальянских владений. В Салониках итальянских войск не было, и связь между итальянскими частями в Валлоне и восточными армиями установилась только тогда, когда восточные

армии развернули свой фронт на греческой границе.

Русская армия. В рассматриваемую нами эпоху главнокомандующий не предусматривал переброски *русских войск* на Балканы, считая, что армии генерала Алексеева смогут принять более деятельное участие в балканских операциях, действуя на своем театре войны, на котором они занимали особенно выгодное положение для вовлечения Румынии в комбинированные действия против Болгарии на ее дунайской границе. В силу этих соображений он отстранил фантастический проект генерала Алексеева, представленный 20 ноября 1915 г. на одобрение главнокомандующих и предусматривавший концентрическое наступление всех союзников на Будапешт. Этот грандиозный проект был совершенно невыполнимым, так как, помимо непреодолимых и неизбежных затруднений в организации материальной части, он предусматривал сосредоточение для действий на Балканах 20 армейских корпусов англичан, французов и итальянцев (800 000 человек), для которых исходной базой являлся район, уже почти целиком попавший в руки противника (Сербия—Албания).

В общем, вооруженные силы на Востоке, на которые можно было рассчитывать при общем наступлении, состояли исключительно из французских, английских и сербских частей, всего около 300 000 человек; организация этих частей протекала в описанных выше условиях под неуклонным и строгим руководством французского главнокомандующего.

Чтобы связать эти разрозненные элементы в одно гармоническое целое, надо было урегулировать вопрос о командовании—вопрос очень щекотливый, затрогивавший национальные чувства и осложненный кроме того личными отношениями главнокомандующих.

Еще с середины декабря 1915 г. генерал Жоффр вступил в переговоры с лордом Китченером, доказывая ему необходимость организации в Салониках единого командования. 31 декабря, после значительных колебаний, английское правительство согласилось, чтобы генерал Сарайль принял главное командование, но с оговоркой, что это назначение действительно лишь

в части, касающейся организации укрепленного плацдарма и на случай обороны его от неприятельской атаки.

В отношении сербского верховного командования, представленного в лице наследного принца, этот вопрос имел скорее политический, чем военный характер, и пришлось прибегнуть к содействию дипломатии, чтобы заставить сербское правительство согласиться на подчинение сербской армии французскому командованию. Начатые в мае 1916 г. переговоры привели сначала к взаимному соглашению (modus vivendi), на основании которого отношения между сербской и восточной армиями должны были регулироваться при посредничестве военных миссий, аккредитованных при главных квартирах, и генерал Сарайль обязан был представлять на утверждение генерала Жоффра все вопросы, касающиеся использования сербской армии. Далее мы укажем, каким образом был решен вопрос о междусоюзном командовании, после того как британское правительство присоединилось в июле 1916 г. к плану наступательных действий на Балканах.

II. ЗАТРУДНЕНИЯ В ВОПРОСЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИЛ.

С того момента, как британское правительство дало свое согласие на оставление союзных сил в Салониках, главнокомандующий должен был обсудить те стратегические возможности, которые это счастливое обстоятельство открывало вооруженным силам коалиции.

Дело заключалось в том, чтобы заставить наших союзников примкнуть к французской точке зрения, которая предполагала:

вопервых—создание твердой базы для наших политических и военных действий на Востоке, для чего восточные армии должны были закрепиться на занимаемой ими территории;

затем—участие этих сил в общем наступлении 1916 г., которое должно было явиться гармоническим дополнением плана концентрического наступления против осажденного блока центральных держав.

Первое из этих положений не вызвало разногласий между союзниками, зато пришлось потратить много

усилий, чтобы добиться признания второго положения, хотя, казалось, было бы крайне нецелесообразно держать под ружьем 300 000 человек в Салониках и не использовать их в генеральном сражении, разыгрывающемся на главных театрах войны.

Уверенный в силе концепций, основывающихся на здравом смысле и логике, главнокомандующий не сомневался в конечном торжестве своего плана, к которому приводила французская точка зрения. 8 февраля 1916 г. он предложил этот план, основанный на тщательном изучении всех возможностей как для неприятеля, так и для коалиции, Высшему совету национальной обороны, получил полное одобрение этого учреждения и изложил его в форме меморандума от 15 февраля. Этот документ должен был фигурировать на следующей конференции главнокомандующих в качестве французского оперативного плана на 1916 г. на восточном фронте.

Генерал Жоффр предлагал довести общие силы экспедиционного корпуса в Салониках до 400 000 человек, усилив восстановленную сербскую армию до 100 000 человек из новых подкреплений, доставленных Великобританией и Италией. Он полагал, что доведенная до такой численности и снабженная всем необходимым для наступательных действий восточная армия будет в состоянии выполнить всякое возложенное на нее поручение и в особенности воздействовать в нужный момент на фланг неприятельских армий, направленных для достижения политических целей германцев на Востоке.

План действий на Востоке, предусмотренный меморандумом от 15 февраля, не был, однако, полностью предложен на конференции главнокомандующих, которая ввиду событий, происшедших на французском фронте, состоялась, как известно, не 1 марта, а лишь 12-го.

К этому времени главнокомандующий убедился, что ему удастся остановить немецкий натиск на Верден, но вместе с тем он отдавал себе отчет, что для этой цели потребуется значительное усилие со стороны французской армии, а стало быть, и британской, которая будет вынуждена удлинить свой фронт, для того

чтобы дать возможность французской армии выделить необходимые резервы для питания «императорской битвы» («bataille de l'empereur»). Сохраняя в общих чертах первоначально составленный проект, он отказался от идеи посылки на Восток новых британских дивизий, так как обстоятельства не позволяли снять их с французского фронта. Доведенная с прибытием сербских частей только до 300 000 человек, восточная армия все же могла, по его мнению, удовлетворительно сыграть свою роль; даже при небольшой активности, она могла удержать перед собой значительные силы неприятеля и при удобном случае перейти в наступление.

Несмотря на умеренность этих предположений, англичане продолжали противиться всяким активным операциям на Балканах; чтобы сохранить солидарность участников конференции, пришлось отказаться от каких бы то ни было принципиальных решений по вопросу будущего участия восточных армий в общем наступлении коалиции. Помещенные ниже решения конференции 12 марта были утверждены заинтересованными правительствами 27 марта в Париже. Умышленно неопределенная форма их ясно характеризует положение вопроса, и в свете анализа вышеприведенных фактов нетрудно понять истинное значение этого документа.

«...2. Сербская армия должна быть как можно скорей переброшена в Салоники.

Состав восточной армии остается *временно без изменений;* вопрос будет поднят впоследствии, причем *решение будет принято соответственно обстоятельствам...*

3. Восточная армия и итальянские войска в Албании должны держать неприятеля под угрозой наступления. *Последующий образ их действий будет определен соответственно обстановке...*»

Несмотря на явное противоречие обоих положений и вопреки неясности их в отношении будущего, главнокомандующий этой последней резолюцией добился все же первого результата на пути рационального использования восточных армий, которые с этого момен-

та могли отказаться от чисто оборонительных действий на позициях вокруг Салоник.

10 марта генерал Сарайль получил приказ держать противника под угрозой атаки, применяя все способы «блефа», которые он найдет нужным, и в то же время быть готовым перейти в действительное наступление:

либо с целью привлечь на себя возможно бо́льшее количество германо-болгарских сил, если этого потребует неприятельский натиск во Франции, и во всяком случае во время общего наступления коалиции;

либо с целью разбить неприятеля и преследовать его в направлении на Софию, в случае если существующее соотношение сил на Балканах изменится в нашу пользу.

Следуя этим указаниям, восточная армия, постепенно выдвигаясь вперед со своих позиций, расположилась вдоль греческой границы, сообразуя свой фронт с линией фронта, занимаемого болгарами, и открыто приступила к подготовительным работам для предстоящего наступления.

Этими мероприятиями и должна была временно ограничиться деятельность восточной армии согласно постановлениям конференции. К тому же она и не могла в этот момент ничего больше сделать, так как ее подготовка к наступательным действиям не была еще закончена, да и сербская армия находилась еще в периоде реорганизации на острове Корфу.

Следует отметить, что эти демонстративные действия не особенно потревожили спокойствие неприятеля, который постепенно увел с македонского театра войны почти все германские силы, подкреплявшие болгарскую армию: на войне простыми уловками редко можно достигнуть настоящих результатов.

Приходилось, стало быть, действовать более существенным образом, т. е. подготовлять настоящее наступление, чтобы начать его, как только сербская армия будет переброшена в Салоники. Принцип сосредоточения и одновременности усилий был бы, таким образом, соблюден, и кроме того можно было бы надеяться, что определенность занятого положения внушит

Румынии достаточное доверие, чтобы побудить ее к выступлению.

Оставалось убедить в справедливости этой точки зрения британское правительство и верховное командование. Это предприятие было, повидимому, сопряжено с непреодолимыми затруднениями, так как напряженность сражения на французском фронте, связанного с большими потерями, усилила постоянные опасения наших союзников в отношении балканских операций. Во всяком случае необходимо было приступить к вопросу прямо и с полной откровенностью, чтобы избежать по крайней мере тех прискорбных двусмысленностей, которые так тяжело отзывались с самого начала на наших военных действиях на Балканах. С этой целью 25 апреля главнокомандующий, действуя в полном согласии со взглядами Высшего совета национальной обороны, изложил генералу Робертсону ту линию поведения, которую, по его мнению, следовало принять на Востоке. «Когда восстановленная сербская армия прибудет в Салоники,—писал он в этот день,—экспедиционный корпус будет иметь в своем составе 4 французских дивизии, 5 английских и 6 сербских, всего около 300 000 человек, которым неприятель в состоянии противопоставить максимально такое же количество войск, причем, по крайней мере в начале операций, эти силы будут распределены на фронте в 450 *км*, между тем как силы экспедиционного корпуса могут быть сосредоточены на избранном пункте атаки. Я полагаю, что экспедиционному корпусу может быть поставлена только одна задача: *атаковать неприятеля всеми объединенными силами на греческой границе тотчас же, как только прибудет сербская армия*».

Атаковать неприятеля всеми объединенными силами на греческой границе—такова была задача восточной армии, и по этому основному вопросу надо было получить согласие Англии; но предполагая такое решение, следовало, очевидно, дополнить его хорошо разработанным планом наступательных операций, могущих получить одобрение генерала Робертсона единственно с военной точки зрения. К несчастью, как раз именно

с военной точки зрения уже возникли затруднения разнообразного характера.

Генерал Сарайль указывал, что силы, которыми он располагает, представляются ему недостаточными, чтобы предпринять «наступление, достойное этого имени»; он требовал 5 или 6 дивизий дополнительно; утверждал, что эти подкрепления могут прибыть к нему только в жаркий сезон, мало благоприятный для активных операций; затем, по странному противоречию, предлагал дать фронту своего наступления значительные размеры, от Монастыря до реки Струмы, если, несмотря на его возражения, он должен будет все-таки перейти в наступление, не получив требуемых подкреплений.

Главнокомандующий, конечно, не мог вполне согласиться со взглядами генерала Сарайля: вопервых, наличие французских свободных резервов не допускало удовлетворения его требований о подкреплении; затем представленный им план недостаточно удовлетворял важнейшим требованиям современного сражения, заключающимся в точном соответствии фронта атаки с теми средствами, которые могут быть введены в действие, и в сосредоточении их в достаточных размерах для образования бреши в укрепленном фронте противника, т. е. для получения первоначального тактического успеха, без которого самые лучшие стратегические концепции обречены на полную неудачу.

Несколько раз втечение апреля генерал Жоффр старался добиться необходимых изменений в первоначальном плане генерала Сарайля; его не послушали, и в конечном результате он должен был удовлетвориться предложениями, формулированными 2 и 7 мая[1], которые разнились весьма незначительно от первоначально предложенного плана.

Может быть, покажется удивительным, что главнокомандующий в таком важном случае не воспользовал-

[1] Эти предложения отвечали общей директиве от 30 апреля такого содержания: „Восточная армия должна атаковать всеми объединенными силами в момент, который я найду удобным, неприятельские армии на греческой границе и в случае успеха преследовать их в общем направлении на Софию".

ся просто своею властью, чтобы заставить генерала Сарайля принять тот план, который, по его мнению, лучше всего отвечал задаче, поставленной восточной армии. Такое возражение не выдерживает критики, так как на высших ступенях военной ответственности на главнокомандующего нельзя возлагать выполнение плана, которого он сам не создавал или не одобряет, и можно утверждать, что, нарушая это правило, генерал Жоффр непоправимо подорвал бы шансы на успех восточной армии. Наоборот, в случае коренного расхождения взглядов он мог бы и, может быть, должен был бы заменить подчиненного ему генерала лицом, разделяющим его взгляды; но тогда пришлось бы игнорировать всякие случайности политического порядка, которые в то время имели еще преобладающее значение при всяких распрях, а кроме того главнокомандующий считал, что если предложенный план будет энергично проведен, то, несмотря на свои недостатки, он сможет дать желаемые результаты.

Как бы там ни было, 11 мая генерал Жоффр передал оперативный план союзных восточных армий, основанный на предложениях от 2 и 7 мая, генералу Робертсону для рассмотрения. В то же время французское правительство, стараясь в пределах возможности удовлетворить генерала Сарайля, добивалось у английского правительства посылки в Салоники двух дивизий, взятых из Египта.

Результаты и в том и в другом случае оказались отрицательные: английское правительство совершенно отказалось обсуждать вопрос о переброске новых сил на Восток, а генерал Робертсон был настолько мало убежден в результате изучения оперативного плана, что несколько дней спустя сделал предложение (конференция в Бокезне) вернуть из Салоник «две дивизии, которые там ничего не сделают, но очень будут полезны на французском фронте».

Это коренное разногласие не обескуражило ни французское правительство, ни генерала Жоффра. Они полагали, что к этому вопросу еще придется вернуться и что события воздадут должное их настойчивости в вопросе, который был, конечно, неудачно поставлен и,

может быть, недостаточно освещен, но заключал в себе неодолимую силу логики, здравого смысла и истины.

События, впрочем, скоро подтвердили крайнюю необходимость занять твердую и решительную позицию в балканских делах. Вследствие явной нерешительности нашей восточной политики положение действительно обострилось: в конце мая Болгарская армия, ободренная нашим бездействием, перешла границу и, продвинув свои передовые части благодаря потворству греческих войск на левый берег Струмы, вошла в непосредственное соприкосновение с британскими частями, расположенными на другом берегу реки.

Способна ли была эта явная угроза повлечь за собой поворот в британском мнении?

Французское правительство, озабоченное тем оборотом, который приняли события, хотело в этом немедленно удостовериться. Г-н Бриан, генерал Рок и генерал Жоффр отправились 8 июня в Лондон для встречи там с главными английскими министрами, а также с генералами Робертсоном и Дугласом Хегом. С убедительным красноречием, характерным для его недюжинного таланта и смелого ума, французский председатель министров старался преодолеть сопротивление британского правительства и заставить его признать необходимость наступательных действий на Востоке и усиления высаженных там войск двумя британскими дивизиями. Он показал еще раз, что эти меры были необходимы для ускорения румынского решения и для вовлечения греческой армии для действий на нашей стороне против болгар, которых по меньшей мере надо было остановить и сковать на их позициях. Он доказывал, что бездействие на Востоке, помимо той опасности, которую оно само по себе представляет, равносильно оставлению на произвол судьбы Сербии, невыполнению наших обязательств в отношении России и признанию недостаточной солидарности и прискорбной непоследовательности в начинаниях у руководителей коалиции. Наконец он дал понять, что было уже поздно перебрасывать восточные силы для сражения во Франции и что в этом случае они оказались бы неиспользованными в генеральном сражении, если неприятель не ата-

ковал бы их сам; он добавил, что эта последняя возможность должна рассматриваться, как особенно опасная, так как пассивность нашего положения может ободрить все явные и скрытые враждебные силы и поставить нас в очень трудное положение по отношению к Греции.

Ни один из этих аргументов не смог поколебать убеждений британского командования. На французский меморандум Военный совет ответил документом такого же характера, отвергая по пунктам французские тезисы. Английское правительство отрицало возможность румынского вмешательства, находило невозможным вовлечь греческую армию в боевые действия и заявляло, что наступление на Востоке, обреченное на неудачу, вызовет только лишние потери и может даже повредить успеху наступления на главных фронтах; оно добавляло, что не было никакой необходимости сковывать болгарские силы, что они все равно продолжали бы оставаться в Македонии, преследуя свои национальные цели, какова бы ни была линия поведения восточной армии.

Участники конференции расстались, не достигнув сближения этих противоположных точек зрения, и пришлось удовлетвориться принятием формулы неопределенного характера, согласно которой франко-британское наступление в Салониках откладывается «до того момента, когда будет признано, что обстоятельства, состояние войск и материальной части позволят избрать новую линию поведения» .

Никогда еще разногласие не было так резко подчеркнуто, и казалось, что нет никаких шансов примирить столь различные точки зрения. Но главнокомандующий рассуждал не так, он все еще рассчитывал на благоприятный поворот событий и в ожидании новых возможностей твердо держал в своих руках общее руководство восточными делами.

28 июля генералу Сарайлю было предложено: 1) обеспечить оборону Салоник общими силами французских, английских и сербских войск; 2) насколько возможно лишить болгарскую армию свободы действий на других фронтах, держа ее под постоянной угрозой насту-

пления французских и сербских сил, но избегая при этом ломки существующего положения и вовлечения всех союзных войск в наступательные операции, не разрешенные правительствами.

Эта общая инструкция была дополнена конфиденциальным приказом привести в боевую готовность французские и сербские силы, даже при отсутствии сотрудничества британских войск, на случай, если явилась бы необходимость сковать болгарские силы на греческой границе, чтобы облегчить выступление Румынии.

В результате к концу июля 1916 г. положение на Востоке продолжало оставаться еще очень рискованным: с одной стороны, несмотря на все усилия Франции, соглашение союзников не было достигнуто, и план кампании был этим сильно осложнен; с другой стороны— Греция, хотя и сдерживаемая страхом, сохраняла свою враждебную позицию и постоянно вызывала опасные инциденты.

В то же время общее положение представлялось все же значительно улучшившимся со многих точек зрения.

С 5 июня русские армии Брусилова совершенно расшатали австрийский фронт и проникли глубоко в Буковину; это обстоятельство сейчас же дало благоприятный оборот переговорам с Румынией.

Сербская армия, реорганизованная и сведенная в 7 дивизий, высадилась на Халкидонском полуострове и вскоре должна была поступить под начальство генерала Сарайля.

Французские силы были полностью вооружены и снабжены всем необходимым для наступательных операций.

Британское правительство уступило и не требовало более эвакуации Салоник.

Несмотря на видимые неудачи, почва была хорошо подготовлена, и расчет на благоприятный случай, с помощью которого наш долгий и терпеливый труд должен был получить достойное удовлетворение, нельзя было, конечно, рассматривать как проявление «лицемерного оптимизма».

ПЕРЕХОД К АКТИВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ ВОСТОЧНЫХ АРМИЙ.

Это счастливое событие, настойчиво поджидаемое французским правительством и главнокомандующим, произошло в виде формального заверения румынского правительства от 26 июля 1916 г. относительно выступления Румынии на стороне союзников в ближайшее время. Это заверение немедленно положило конец франко-британским недоразумениям, развитие которых мы только что проследили.

13 июля Британский военный совет признал, что положение на Балканах изменилось и что при этих условиях следует принять все меры, чтобы ускорить организацию и обеспечение всем необходимым английских дивизий в Салониках, с тем, чтобы «те из них, которые будут своевременно готовы, могли уже принять участие в наступлении».

Главнокомандующий не сомневался, что в действительности он добьется участия *всех* британских сил в наступательных операциях восточной армии, и поэтому он предложил генералу Сарайлю выработать план наступления на фронте от озера Охриды до устья реки Струмы, что само собой должно было предусматривать участие всех союзных сил.

В плане общего наступления коалиции восточная армия должна была бы выполнить, таким образом, двойную задачу: «косвенно прикрывать мобилизацию и сосредоточение румынской армии и затем действовать совместно с русско-румынскими силами, оперирующими к югу от Дуная, с целью уничтожения болгарских сил».

Оперативный план, составленный в соответствии с этой директивой, предусматривал главную операцию, которая возлагалась на французскую и сербскую армии, в центральном районе Вардара; этот план был одобрен главнокомандующим и представлен затем на рассмотрение имперскому начальнику генерального штаба, который с ним согласился.

В это же время генерал Жоффр и генерал Робертсон пришли к окончательному соглашению о тех условиях, в которых генерал Сарайль будет осуществлять свое командование над всеми союзными силами.

Этот последний вопрос, имеющий безусловно первостепенное значение при ведении крупных операций, не получил до сих пор, как об этом указывалось выше, окончательного решения как в отношении сербской армии, так и британских сил. Все союзники прекрасно сознавали, насколько было важно, чтобы на этом удаленном театре войны все элементы, составляющие союзную восточную армию, были бы подчинены единой власти, но ни один из них не соглашался пожертвовать своим национальным самолюбием ради высших интересов коалиции. Мы видим большую заслугу британского верховного командования уже в том, что оно, не считаясь с предрассудками того времени, согласилось 22 июля на настоятельные убеждения генерала Жоффра всецело подчинить британские силы генералу Сарайлю. Правда, в соглашение, выработанное генералами Жоффром и Робертсоном, были все же введены неудобные и нежелательные оговорки; так, например, было указано, что генерал Сарайль должен «предварительно спрашивать совета» у генерала Мильна и что последний несет ответственность исключительно перед британским правительством. Однако в общем принцип единого командования был впервые ясно признан нашими британскими союзниками, и это счастливое обстоятельство, повлекшее за собой присоединение Сербии и согласие Италии, дало возможность притти к удовлетворительной формуле, выработанной 29 июля в следующем виде: «Генерал Сарайль, главнокомандующий всеми союзными силами в Салониках, осуществляет свое командование от имени короля Петра и союзников».

Следствием этих важных решений явилось объединение четырех французских восточных дивизий в одну армию под начальством генерала Кордонье. С этого времени «французская восточная армия» стала, наравне с сербской и британской армиями и итальянскими силами, автономным элементом восточной союзной армии как единого целого, на которое простиралась власть генерала Сарайля, в форме, единственно допустимой для главнокомандующего.

К концу июля эти армии были уже совершенно под-

готовлены к наступлению, и срок этого наступления обусловливался лишь необходимостью комбинировать их действия с действиями русско-румынских армий.

Выше мы указали (первое исследование), какие затруднения пришлось преодолеть главнокомандующему, чтобы согласовать в плане генерального сражения 1916 г. операции восточных армий с операциями на крайнем левом фланге русского фронта. Мы упоминаем об этих затруднениях только для того, чтобы показать, как французское верховное командование сумело восторжествовать над ними благодаря точному применению второго принципа командования—«умению твердо придерживаться раз принятого решения».

Прежде всего пришлось преодолеть затруднения, проистекавшие от нерешительности Румынии. Главнокомандующий не колеблясь задумал и обещал предпринять в конце июля наступление французских и сербских сил, за невозможностью общего наступления всех союзных сил на Востоке, на которое британское правительство тогда еще не изъявило своего согласия. Как только общее соглашение было достигнуто, его директивы относительно генерального наступления восточных армий стали еще более точными и получили свое обоснование на определенном задании: *вовремя ввести Румынскую армию в генеральное сражение*. С этой целью, после совместного предварительного изучения вопроса в главной французской квартире штабом и полковником Рюдеаню, делегатом румынского правительства, генерал Жоффр предлагает сначала Румынской армии выступить главными своими силами на Дунае. Несмотря на настояния полковника Рюдеаню, Румыния отказывается от этого плана, находя более желательным развивать свои главные операции в Трансильвании, и обусловливает к тому же интервенцию румынских сил на юге сильной русской поддержкой (от 150 до 250 тысяч человек).

Чтобы ускорить румынское выступление, генерал Жоффр составил тогда совместно с румынским делегатом новый оперативный план, намечающий наступательные операции румынской армии на обоих фронтах. На основе этого последнего проекта была подписана

23 июля временная военная конвенция между союзниками и Румынией. Выступление румынской армии предусматривалось на двух фронтах: в Трансильвании против австрийцев и к югу от Дуная—при поддержке русских сил—против болгар. Для облегчения последней операции восточная союзная армия должна была атаковать неприятеля за восемь дней до начала наступления румын.

Но Румыния продолжала еще колебаться и встретила к тому же некоторое сопротивление со стороны русских. Генерал Татаринов [1], делегат генерала Алексеева при румынском штабе в Бухаресте, старался убедить генерала Илиеско в преимуществах, которые представляет план, выработанный русским штабом, предусматривающий румынское наступление исключительно в Трансильвании на левом фланге русских армий. Время проходило в бесплодных дискуссиях.

Главнокомандующий поправляет положение. Его инструкции в первых числах августа предписывают нашим военным представителям в Петрограде и Бухаресте принять все меры посредничества, чтобы устранить недоразумения: если Румыния отказывается, самостоятельно или под давлением русских, от операций к югу от Дуная, то это еще не так существенно, лишь бы она немедленно открыла военные действия против пошатнувшейся Австрии и бросила на это направление всю совокупность своих сил; она это может сделать без опасения, так как даже при невозможности произвести комбинированную операцию восточные армии все равно атакуют болгар с целью связать их свободу действий, как только румынская армия назначит срок своего выступления.

Соединяя твердость с уступчивостью, главнокомандующий настаивает, чтобы Румыния приняла свое решение без нового промедления. Если решение будет принято немедленно и в благоприятном для союзников смысле, то восточная армия перейдет в наступление через 72 часа после подписания окончательного договора и за десять дней до атаки австрийской армии

[1] Полковник Татаринов. Ред.

румынскими войсками, которая, следовательно, должна начаться не позднее чем через тринадцать дней после подписания договора.

Успех увенчал эту первую серию усилий: окончательная конвенция подписана Братиану 17 августа. Восточная армия получает приказ начать наступление 20 августа.

Но почти в тот же момент возникает новое затруднение: болгарская армия, опередив восточные армии на 48 часов, атакует 18 августа оба фланга нашего расположения, взятием Флорины рвет линию нашего довольно сильно растянутого на Балканском полуострове фронта, установившегося еще весной между Валлоной и Орфанским заливом. Ввиду этой угрозы, чреватой последствиями, если бы болгарам удалось соединиться с греческими силами, которые король Константин мог вероломно перебросить к северу, генерал Сарайль решает восстановить прежде всего свой фронт и произвести контратаку на левом фланге. Он отказывается вследствие этого от своего первоначального плана и перегруппировывает свои силы для контратаки, которая в принципе получает одобрение главнокомандующего.

Но эта перегруппировка требовала времени, и Румыния снова начала беспокоиться, так как из-за отказа восточной армии от наступления ее фланг и тыл оказывались под угрозой свободной в своих действиях болгарской армии.

Главнокомандующий с своей стороны использовал весь свой авторитет, чтобы возобновить наступательные операции восточных армий. Все директивы, которые он дал генералу Сарайлю в трех телеграммах (от 30 августа, 2 и 11 сентября), имели целью обеспечить выполнение первоначального плана. Недостаточно восстановить фронт контратакой: если наступление начато, то его надо продолжать безостановочно до конца, с тем, чтобы добиться—как минимального результата—удержания всех болгарских сил, находящихся на греческой границе.

В середине сентября настойчивость главнокомандующего вторично получила свое оправдание в событиях. В то время как восточные армии вели успешную контр-

атаку в районе Флорины, румынская армия проникла глубоко в Трансильванию. Втечение нескольких дней казалось, что оружие коалиции добилось победы на балканском Востоке.

К несчастью, это был лишь обманчивый мираж.

Австрийцы, отступив, ускользнули от румынской армии в Трансильвании, и наступление наших новых союзников оказалось впустую. Предчувствуя опасность, которой подвергнется румынская армия, если будет углубляться в трансильванскую ловушку, главнокомандующий стремится вернуться к первоначальному плану комбинированного наступления против Болгарии и убедить в этой мысли русское и румынское верховное командование.

Но слабость румынских действий и банкротство России сделали тщетными эти новые усилия. В начале октября румынские силы, предоставленные русским верховным командованием самим себе, потерпели полную неудачу в своих наступательных попытках к югу от Дуная, между тем как армии, вступившие в Трансильванию, сильной атакой были отброшены назад, к границе. Эта двойная неудача временно сводила нанет всякую возможность комбинированного наступления против Болгарии, и это несмотря на успех восточной армии, которая сильным ударом отбросила в это самое время противника к Монастырю.

За этим последовали вторжение немцев в Валахию и полный разгром румынской армии, оставленной русским командованием в разгар сражения.

В этих критических обстоятельствах главнокомандующий продолжает неуклонно следовать намеченной линии поведения: пока оставалась какая-нибудь возможность поддержать румынское сопротивление, восточные армии продолжали свое наступление. Приказ о прекращении наступления был отдан только 11 декабря, когда Бухарест уже пал и остатки румынской армии укрылись позади русских линий, расположенных вдоль Серета.

Эта приостановка наступательных действий коалиции имела, по мнению главнокомандующего, лишь временный характер: потрепанный бурей корабль Антанты получил опасный крен; пришлось немедленно убавить

паруса и исправить повреждения; но штурман предусмотрителен и искусен, он сумеет еще раз выпрямить корабль и поставить его по волне. Свою предусмотрительность он проявил в конце августа, когда вел переговоры с генералом Робертсоном и генералом Кадорна, добиваясь усиления восточной армии английскими и итальянскими войсками. В то же время он сам направил в Салоники одну новую французскую бригаду и две русских, которые были переданы в наше распоряжение царским правительством. С неутомимой энергией применял он все свое искусство и опытность в междусоюзных отношениях, чтобы получить необходимые силы для продолжения или возобновления комбинированных операций против Болгарии. Благодаря его терпеливой работе французская и британская точки зрения сблизились. 20 октября Великобритания и Франция пришли к соглашению усилить свои войска на Востоке (конференция в Булони): Франция должна была довести свои силы до 6 дивизий (из них 2 русских бригады), Англия свои силы—до 7 дивизий. Было решено действовать сообща, чтобы добиться от Италии отправки в Салоники 3 дивизий.

Продолжая свое дело согласования, генерал Жоффр встретился с генералом Кадорна 7 ноября в С.-Мишель-де-Мориенне и старался склонить его на сторону франко-британской концепции. Сперва он ничего не добился, так как итальянский главнокомандующий обусловил свое согласие предварительным обещанием русского верховного командования при первой к тому возможности атаковать Болгарию русско-румынскими силами.

Генерал Жоффр попытался получить это обещание. 8 ноября он просил генерала Алексеева дать «свое принципиальное согласие на операцию против Болгарии, которую надлежало выполнить, как только позволят обстоятельства, и необходимость которых в высших интересах коалиции признана английским, французским и итальянским главнокомандующими».

Все эти трудные переговоры, казалось, подходили уже к концу, когда поднялся занавес над последним актом румынской трагедии (вторжение в Валахию армии Фалькенгайна 11 ноября). Крушение румынского

военного могущества, разумеется, все перевернуло. Британские и итальянские подкрепления не были еще отправлены, и, с другой стороны, очевидно, пока нельзя было настаивать, чтобы русское верховное командование возобновило наступательные операции.

Вот почему главнокомандующий отдал вышеупомянутый приказ 11 декабря о приостановке атак восточных армий, но в свете описанных фактов можно понять, в каком состоянии духа был отдан этот приказ.

В эти последние дни 1916 г. французское верховное командование собирается с мыслями и выжидает. Под давлением событий сражение требует передышки. Но главнокомандующий уже переборол кризис и составил план дальнейшей борьбы. Для выполнения этого плана необходимо было подготовить и возможно скорее начать концентрическое наступление против Болгарии. Таким путем удастся сжать блокаду центральных империй, прежде чем перейти снова к комбинированным усилиям на всех фронтах, что должно было дать нам победу в 1917 г.

Чтобы внушить эти предположения на будущее союзникам, в конце года были возобновлены переговоры. Надо было добиться отправки ранее обещанных итальянских и британских подкреплений; надо было восстановить румынскую армию; надо было добиться от русского командования более здравой оценки румынского сотрудничества. И главнокомандующий не сомневался, что необходимые результаты будут достигнуты, несмотря на обнаружившийся в то время упадок духа у наших союзников в отношении балканских операций.

К сожалению, события еще раз разрушили эти мудрые намерения. Между тем как Россия вступила на роковой путь, который привел ее к гибели, во Франции начался командный кризис. Эти два факта породили почти полное бессилие коалиции на Востоке впродолжение всего 1917 г. Бессилие это, к счастью, ограничивалось областью военных действий; оно уравновешивалось в области политической присутствием наших армий в Салониках, позволявшим оказывать необходимое давление на греческое правительство. Это бессилие было к тому же только временным, находилось

всецело в зависимости от обстоятельств и отнюдь не уменьшало потенциального значения сил, столь удачно расположенных в чувствительном месте неприятельского фронта.

Эти действующие силы—краеугольный камень обороны союзников на Средиземном Востоке—доставили коалиции в 1916 г. поддержку Румынии; в 1917 г., вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, одно присутствие этих сил на Балканах обеспечило нам содействие Греции.

При первом благоприятном случае эта терпеливая настойчивость в период неудач и огромная энергия, затраченная на проведение в жизнь безусловно верной идеи, получили самое блестящее вознаграждение, так как окончательная победа армий Антанты в 1918 г. началась с разрушения болгарского фронта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Если бы в предыдущем изложении мы имели в виду дать общую картину событий, развернувшихся на Востоке во время великой войны, и выявить, с исторической целью, философию фактов, характеризующих это грандиозное и сложное предприятие, то настоящее исследование оказалось бы неполным, так как оно останавливается на последних днях 1916 г.

Но, как уже было замечено выше, мы поставили себе более скромную цель: показать, что военное выступление коалиции на Востоке обязано своим замыслом французской инициативе и что для успеха этого выступления главнокомандующий должен был прибегнуть к полному применению основных принципов, обусловливающих самое осуществление командования.

С этой точки зрения нет необходимости исследовать факты за пределами 1916 г., так как к концу этого года уже были достигнуты существенные результаты: армии коалиции на Востоке имеются; они достаточны по своей численности и обеспечены материально; никто уже не помышляет больше об их эвакуации, и наши союзники постепенно привыкли к идее, что этот «отряд» составляет мощный рычаг для нашего политического

и военного воздействия на Средиземном Востоке и для надлежащего отпора немецкому натиску на Восток. Отныне эти силы прочно обосновались на Балканском полуострове, они дали почувствовать силу своего оружия в генеральном сражении, и если обстоятельства не позволили им достигнуть решительных результатов, на которые они первоначально надеялись, то они, тем не менее, ценою всякого рода трудностей *удержали полностью свое положение.*

«*Удержать свое положение!*» Не являлась ли эта директива впродолжение долгих лет основным наказом армий Антанты? В этой краткой формуле заключается вся энергия командования, которое не хочет терпеть поражения, и народов, которые не хотят погибнуть. На всех фронтах Мировой войны верховное командование неоднократно должно было отдавать приказание «удерживать свое положение», но можно сказать, что нигде это спасительное правило не было применено с такими трудностями, как на балканском Востоке, где все интересы перепутаны и где резкие перемены изменчивой фортуны происходят с катастрофической быстротой.

Для достижения таких результатов необходимы были абсолютная вера в правильность отправной точки зрения и непоколебимая воля при выполнении; здравый смысл продиктовал решение, личность начальника дала возможность строго его придерживаться.

В эпоху, к которой мы подошли, эра крупных затруднений на Востоке закончилась; почва была засеяна и дала ростки. Час сбора жатвы еще не наступил, но каждый сознавал, что он наступит, и лучшим доказательством этого сознания может служить единодушное решение союзников сохранить и поддерживать свои армии на Востоке.

Было бы несправедливо, если бы блестящий успех 1918 г. затмил память о страшных усилиях, которые пришлось развить, чтобы втянуть коалицию на Восток, а потом втечение первых двух лет войны непоколебимо удерживать с таким трудом завоеванную позицию.

Великая слава, окружающая начальников, которым выпала честь победить неприятеля, тесно связана с теми

невидными, но тяжелыми усилиями, о которых мы пытались дать некоторое понятие. Люди, которые в 1918 г. освободили Сербию и перешли Дунай, являются достойными преемниками тех, которые «удержали свое положение» в 1916 г. Как те, так и другие, являются действительными виновниками победы, и страна обязана им одинаковой благодарностью.

ТРЕТЬЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.

МОГЛА ЛИ КОАЛИЦИЯ ПОБЕДИТЬ В 1917 г.

Подводя ныне беспристрастно итоги великой войны, устанавливая перечень потерь и непоправимых разрушений, которые она произвела во всех областях, когда подумаешь, что этот бич, быть может, вернул на целое столетие назад цивилизацию Европы, которой она так гордилась,—невольно ставишь себе целый ряд мучительных вопросов.

Нельзя ли было сократить эту войну, более четырех лет опустошавшую весь мир? Было ли во власти союзников разбить своих противников быстрее, чем они это сделали? Могли ли они в условиях, в которых завязалась борьба, достигнуть окончательной победы до 1918 г.?

Никто не может претендовать ответить a priori на подобный вопрос «да» или «нет», так как в подобном конфликте поражение определяется столько же моральными, социальными и экономическими факторами, сколько и военными.

Нация, которая исторически преуспевала в применении силы, которая в избранный ею час преднамеренно бросилась в авантюру с уверенностью закончить апофеозом дело, начатое славными предками, нация, для которой война является чем-то вроде социального разума и как бы жизненным принципом,—не может в несколько мгновений отказаться от своих чудовищных, веками культивированных надежд, для достижения которых все было тщательно и методически подготовлено.

Чтобы повалить эту хищную нацию, мало победить ее материально, на поле битвы, надо еще внедрить чувство поражения в самую душу народа и его вождей. Когда эти вожди потеряют веру в самих себя, когда они почувствуют, что все здание в их руках и

позади них рушится и трещит, тогда, только тогда придет для них час поражения и капитуляции.

Трудно, чтобы не сказать невозможно, ясно определить, можно ли было достигнуть условий, постепенно реализованных в отношении Германии с июля по ноябрь 1918 г., несколькими месяцами или годами раньше.

По причинам, изложенным в предыдущих исследованиях, мы все-таки полагаем, что кампания 1916 г. в значительной степени подготовила путь к победе, понимаемой в описанном выше смысле. Конечно, эта кампания не дала всего того, чего можно было от нее ожидать, судя по ее началу; конечно, австрийская армия временно избежала разгрома, и союзники понесли серьезную неудачу на равнинах Валахии. Но, с другой стороны, наш враг почувствовал себя схваченным за горло на всех фронтах; побитый под Верденом, сильно атакованный на Сомме и на Изонцо, неприятель видел, как из его рук ускользает победа. После отставки начальника имперского полевого штаба[1] он пытался смелым блефом закончить военные действия и, потерпев неудачу в этой грубой попытке, совершил тяжкую ошибку—предпринял ожесточенную подводную войну, которая в конечном итоге явилась одной из главных причин его поражения.

Констатируя моральный упадок немецких руководителей, обнаружившийся в этих трех характерных мероприятиях, мы имеем основание утверждать, что кампания 1916 г. явилась решительным шагом к победе в той форме, в какой ее понимали союзники. Остается выяснить, нельзя ли было достигнуть цели втечение кампании следующего года, и исследовать причины, вследствие которых конфликт разрешился лишь два года спустя после достижения неоспоримо благоприятных результатов.

В таком сложном вопросе нельзя, конечно, применять приемы математического анализа, и одними рассуждениями нельзя подойти к правильному решению. Надо исследовать проблему объективно, так как ее главная данная переменного характера заключается в столь гран-

[1] Генерала Фолькенгайна. Ред.

диозном и величественном ходе событий, что их легко можно принять за проявления неумолимой судьбы, рядом с которыми нет места человеческому разуму.

Разгром Румынии, русская революция, вмешательство в войну Соединенных штатов—таковы основные факторы этого решительного периода Мировой войны, определяющие его ритм, абсолютно независящий от предположений, планов и намерений, выработанных или просто намеченных руководителями обеих воюющих сторон.

И все же в конечном результате эти события—не более чем следствия или случайные факты; их можно было избежать или изменить их действие,—словом, так или иначе вводить их в русло. Каждое из этих событий посвоему обусловливало проблему для руководящих органов того и другого лагеря и давало направление их планам; при известной бдительности не было бы необходимости пассивно им поддаваться.

На стороне Антанты лучше организованное управление войной, пользовавшееся бóльшим авторитетом, могло бы помешать румынскому разгрому. Если бы, как в Германии, это управление было поручено без всяких споров какому-нибудь высшему военному начальнику, то, может быть, ему удалось бы ослабить наиболее печальные последствия русской революции, добившись сохранения дисциплины в армии, что было возможно впродолжение всего первого полугодия 1917 г., если бы речи недостаточно подготовленных эмиссаров были заменены хорошо обдуманными и тщательно проводимыми действиями, направленным прежде всего к тому, чтобы сохранить организационные и иерархические принципы, без которых нет армии.

На стороне наших противников, наоборот, управление, не столь узко военное и самодержавное, по всей вероятности сумело бы понять опасность объявления беспощадной подводной войны и избежало бы или во всяком случае задержало бы военное выступление Америки.

Как с той, так и с другой стороны руководящие органы имели, таким образом, значительную возможность влиять на ход событий.

Можно, правда, сказать, что несовершенная работа

высшего военного управления Антанты не позволила ей учесть все представлявшиеся возможности, но было бы несправедливо утверждать, что она не могла воспользоваться ни одной из них; наоборот, и в этот период, так же как и в начале и в конце войны, она могла оказывать действительное влияние на общий ход событий.

И все же именно в области управления войной надо искать настоящих причин затяжки конфликта. Мы попытаемся дать такое исследование, выделив все то, что должно быть приписано общей линии поведения, принятой союзниками, их оперативному плану и характеру его выполнения.

Чтобы достигнуть этой цели, мы сначала укажем те условия, в которых с середины 1916 г. слагалась основная идея кампании 1917 г. в представлении французского верховного командования; мы проследим затем эволюцию этой идеи по мере развития событий и покажем, каким образом благодаря комбинированным усилиям правительства и французского главнокомандующего было достигнуто общее соглашение союзников, когда в ноябре пришлось вырабатывать основные положения оперативного плана, точное выполнение которого могло обеспечить конечный успех.

В заключение мы попытаемся выяснить причины, помешавшие осуществлению этого плана и приведшие в конце концов армии Антанты к сражению 1917 г., *при отсутствии руководства им со стороны коалиций*, которое было заранее обречено на неудачу, между тем как один тот факт, что сражение в 1916 г. *протекало при действительном руководстве им*, привел Антанту на порог победы.

ИДЕЯ КАМПАНИИ 1917 г.

27 августа 1916 г. генерал Жоффр собрал командующих группами армий и в присутствии генерала Дугласа Хега, главнокомандующего британскими силами во Франции, посвятил их в общее положение дел коалиции. В этот момент генеральное сражение находилось в полном разгаре; на всех фронтах боя союзники

вели согласованное и выдержанное по своей интенсивности наступление, которому предстоящее выступление румынской армии на левом крыле русских армий, комбинированное с наступлением восточных армий, могло придать решающее значение. К этому времени уже были достигнуты крупные результаты: остановка немецкого наступления на Верден, неудача австрийского наступления в Трентино, разгром австрийской армии армиями Брусилова.

В первый раз с начала войны неприятель потерял одновременно на всех фронтах инициативу действий; он подвергался ударам, вместо того чтобы их наносить, и было нетрудно понять, что вся военная мощь Германии была напряжена до крайних пределов, чтобы выдержать оборонительное сражение и помочь разбитой австрийской армии.

Учитывая это благоприятное положение, а также принимая во внимание достаточные людские и материальные ресурсы, которыми коалиция могла располагать до конца года, главнокомандующий считал, что можно уже предвидеть окончательную развязку войны. Первым актом этой развязки было бы, без сомнения, уничтожение австрийской армии, находившейся, с одной стороны, под угрозой русско-румынского наступления на Будапешт, с другой стороны—итальянского наступления, которое могло бы быть предпринято от Изонцо, в общем направлении на Лайбах и Вену, *если бы русский маневр не затормозился.*

По мнению главнокомандующего, можно было надеяться, что этот первый результат будет достигнут уже в недалеком будущем. Армии Брусилова легко овладели Буковиной; они захватили исключительно большое количество пленных, доказывавшее глубокую деморализованность австрийской армии. Сведения, собранные об этой разношерстной армии, истощенной потерями, поражениями и дезертирством, подтверждали данные подсчета тех затруднений, которые могли встретиться при пополнении австрийских войск втечение второго семестра 1916 г. и втечение зимы 1916/17 г. Только поддержка немцев могла отдалить роковой момент, и, конечно, нельзя было предвидеть, будет ли эта

поддержка достаточна, чтобы помещать разгрому. Если даже и предположить, что она будет достаточна, то все же временно спасенная австрийская армия должна будет пережить не менее ужасный кризис втечение будущей зимы, и согласованные усилия союзников смогут оказать весьма ощутительное воздействие на это слабое место неприятельского вооруженного фронта. Как только этот фронт будет прорван, поражение Германии станет неизбежным; оно будет достигнуто втечение кампании 1917 г. концентрированными действиями всех союзников против нашего главного противника.

Таким образом в момент, когда генеральное сражение 1916 г. принимало самый благоприятный оборот, открывая путь верным надеждам на быстрое окончание войны, главнокомандующий намечал уже общий план действий коалиции в следующем году. Идея этого плана заключалась в том, чтобы до конца продолжать на едином фронте сражение, темп и напряжение которого должны были обусловливаться географическими и климатическими особенностями, генеральное сражение коалиции, подготовленное и управляемое на основах согласования усилий и общего пользования ресурсами, находящимися в распоряжении союзников.

Детальные директивы, касающиеся подготовки и проведения до победного конца сражения 1917 г., очевидно, не могли быть еще формулированы, но общая линия поведения была уже установлена: стратегическое наступление против Германии одновременно на всех ее фронтах, чтобы парализовать возможность ее действий по внутренним операционным линиям и довести ее до полного бессилия.

Для достижения этого результата было признано необходимым предварительно нанести поражение Австрии, которого можно добиться либо в один прием непосредственным действием итальянских и русско-румынских армий, либо, если поддержка Германии окажется достаточно быстрой и сильной, чтобы воспрепятствовать непосредственным действиям против Австрии,—в два приема, начав с предварительного наступления восточных и русско-румынских армий на Болгарию.

Во всяком случае предполагалось, что первые реши-

тельные успехи Антанты должны быть достигнуты на восточном фронте; но чтобы сделать их возможными, союзники должны были выполнить одно непременное условие: связать свободные немецкие резервы, являвшиеся главной опорой австрийской армии, и с этой целью предпринять сильные наступательные операции на франко-британском фронте, где неприятель должен был держать свои 123 лучшие дивизии[1], из которых 30 уже значительно пострадали на участке Соммы. Конечно, было бы весьма полезно, если бы франко-британское наступление, предпринимаемое для привлечения на себя немецких резервов, было согласовано с такой же операцией на русско-германском фронте; но, к сожалению, повидимому, не приходилось рассчитывать на первоначально предположенную операцию в Польше ввиду слабости материальной части русской армии, с чем еще не удалось вполне справиться.

Это последнее обстоятельство заставило главнокомандующего заняться другой стороной проблемы и перейти от вопросов стратегии к вопросу общей организации сил коалиции. Здесь уже можно было сделать определенные заключения, основываясь на точных числовых данных, почерпнутых из статистики и двухлетнего опыта войны. Для достижения поставленной цели было достаточно, чтобы каждая союзная держава убедилась в необходимости максимального развития своих средств как в отношении численного состава, так и материальной части для общего их использования. Таким путем был бы полностью применен в области организации плодотворный принцип единства фронта—принцип, частью уже применявшийся союзниками в этой области втечение предшествующих лет в отношении России, Италии и Сербии, но который мог дать более значительные результаты.

Сравнительный обзор положения союзных сил и сил противника к 1 августу 1916 г. и изучение возможных перспектив в отношении комплектования армий и производства военных материалов показали значительное

[1] Немецкие силы на 1 августа 1916 г., исчислялись в 181 пехотных дивизий, из коих: 123 (из них 59 первоочередных)—на западном фронте, 58 (из них 19 первоочередных)—на восточном фронте.

преимущество средств и общих возможностей Антанты.

11 миллионов бойцов, входивших в состав армий Франции, Англии, России, Италии, Бельгии и Сербии, армии Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции могли противопоставить лишь 7 миллионов, а непосредственная возможность пополнения армий для Антанты достигала по крайней мере *10 миллионов* человек[1], тогда как у неприятеля эта возможность не превышала *4 миллионов*.

Подобное же неравенство существовало и в отношении материальной части. Так, например, Антанта располагала на своих фронтах 17 000 полевых орудий и 9 000 тяжелых орудий, между тем как неприятель мог ввести в действие на этих же фронтах всего лишь 12 000 полевых орудий и 8 000 тяжелых. Кроме того наши выгоды в отношении снаряжения могли быть еще увеличены благодаря повысившейся производительности нашей военной промышленности и неограниченным возможностям ввоза вследствие свободы морей. Укажем для примера, что в эту эпоху союзники производили ежедневно более 400 000 снарядов для полевой артиллерии и более 100 000—для тяжелой артиллерии. Что же касается австро-германской производительности, то учесть ее размеры более или менее точно не представлялось возможным, но, по всей вероятности, она не могла достигнуть такого же уровня, несмотря на всю мощность немецкой промышленности и на интенсивное применение химических суррогатов.

При таких условиях проблема принимала простую, указанную нами выше форму: она сводилась в конце концов к обеспечению правильного распределения создаваемых и развертываемых огромных ресурсов—задача во всех отношениях нелегкая, так как приходилось считаться не только с узко национальными воззрениями союзных правительств, но и с трудностью сообщения между обоими главными театрами войны.

Развивая свою основную идею перед командующими группами армий, главнокомандующий наметил им ту

[1] Включая в это число 4 миллиона русских военно-обязанных, еще не призванных.

линию поведения, которой он будет держаться в этом важном вопросе организации сил коалиции. Конечно, его подчиненные не могли не знать, что численность французских действующих сил в значительной степени сократится за второе полугодие 1916 г. и в особенности втечение 1917 г.[1]; но в согласии с правительством были приняты все меры, чтобы компенсировать это сокращение усилением мощности вооружения и новой организацией крупных войсковых соединений. С другой стороны, Россия, располагавшая значительным запасом людей, могла пойти дальше по тому пути, на который она уже вступила, отправкой своих пехотных бригад на восточный театр войны. В оплату за эту услугу главнокомандующий рассчитывал настоять перед французским правительством, чтобы, по его инициативе, Франция и Англия при поддержке Америки и Японии сделали необходимое усилие и приняли все нужные меры к снабжению русской армии необходимой ей материальной частью.

Главнокомандующий рассчитывал также добиться увеличения итальянских сил[2]. Британские силы не вызывали его забот, так как наша великая союзница только что сделала новое усилие, приняв закон о всеобщей воинской повинности, и кроме того дала сильный толчок развертыванию своей могущественной военной промышленности.

Резюмируя, можно сказать, что с августа месяца 1916 г. руководящая идея французского верховного командования относительно продолжения операций в 1917 г. сводилась к следующему.

Стратегия, политика и высшие организационные соображения (открытие более легких путей сообщения с Россией) выдвигают в первую очередь полное поражение Австрии, которому, может быть, будет предшествовать предварительный разгром Болгарии.

По достижении этого первого результата, при условии правильного распределения сил на различных фронтах борьбы с германской армией, союзные силы предпри-

[1] Допускалось понижение на 30% численного состава французской пехоты.

[2] Число итальянских крупных войсковых соединений представлялось возможным увеличить на 10%.

нимают против нее равномерно мощное и согласованное наступление, которое положит конец войне.

Средства союзников позволяют достигнуть этого конечного результата втечение 1917 г. при условии, что давление на центральные империи не ослабнет и что «*все державы Антанты останутся верны союзу и проявят необходимые усилия, что является одним из существенных элементов их силы и самым ценным залогом их победы*».

ПОДГОТОВКА ПЛАНА КАМПАНИИ С АВГУСТА ПО НОЯБРЬ 1916 г.

Пользуясь руководящей нитью, которую дало в наши руки произведенное нами исследование намерений французского верховного командования, мы уже легко поймем влияние, оказанное главнокомандующим на ведение операций коалиции втечение второго семестра 1916 г., и разберемся, как и почему он при всех перипетиях сражения поддерживал общее направление усилий Антанты к той цели, которую наметил им на 1917 г.

Прежде всего генерал Жоффр сделал две попытки осуществить согласование операций, направленных непосредственно против австрийских армий: первый раз—в тот момент, когда успехи Брусилова совершенно дезорганизовали австрийскую армию на фронте Галиция—Буковина; второй раз—в момент выступления Румынии на левом крыле русских армий.

Мы уже проанализировали причины неудачи этой двойной попытки; напомним еще раз прискорбную задержку итальянского наступления на Изонцо, колебание Румынии относительно срока и формы своего выступления, неспособность русского верховного командования комбинировать свои операции против Австрии и Германии.

События, происшедшие в первые дни сентября на боевом фронте румынских армий, как-то: уход австрийцев из Трансильвании, победоносная атака армии Макензена в Добрудже, а также приостановка русского наступления в Галиции и итальянского—на подступах к Триесту, показали, что непосредственное наступление на

австрийскую армию, уже подкрепленную немецкими силами, не оставляло более никакой надежды на успех.

С этого времени казалось рациональным, особенно ввиду растерянности румынской главной квартиры после первых же событий, происшедших к югу от Дуная, маневр, направленный непосредственно против Австрии, заменить операцией в два темпа, начав ее действиями против Болгарии, которые были более по-плечу для недостаточно опытной румынской армии.

Такое решение главнокомандующий намечал с самого начала; он отказался от него лишь для того, чтобы удовлетворить желания самой Румынии и чтобы не задержать ее выступления; события заставили вернуться к нему. Обменявшись мнениями с русским верховным командованием, главнокомандующий 19 сентября дает телеграмму генералу Жанэну:

«1. На основании вашей телеграммы от 16 сентября генерал Алексеев полагает, что недавние события в Добрудже показывают необходимость урегулировать болгарский вопрос...

5. Недавние события могут привести к вопросу об оставлении первоначального плана (глубокое проникновение в Трансильванию для совместного действия с левофланговыми русскими армиями в целях разгрома австрийской армии). Если румынское продвижение в Трансильвании совместно с русскими войсками не достигнет намеченных результатов, то было бы нелогично пожертвовать ради немедленного занятия желанной и обусловленной соглашением территории теми выгодами, которые можно ожидать от уничтожения болгарской армии...

6. При таком предположении румынская армия должна бы ограничить свое наступление в Трансильвании линией, обеспечивающей сохранение завоеванной территории с наименьшей затратой сил... Остающиеся силы этой армии, подкрепленные русскими войсками, должны бы, комбинируя свои действия с восточной армией, без промедления атаковать болгарские силы с целью возможно скорее покончить с этой державой...

9. Генерал Алексеев, лучше чем кто-либо другой, может судить о положении дела, дать указания румын-

скому верховному командованию... и предоставить ему необходимые силы для осуществления плана, подлежащего утверждению».

Таков был рациональный план, предложенный главнокомандующим и принятый русским и румынским верховным командованием: комбинированный маневр против Болгарии дунайской румынской армии, достаточно усиленной русскими частями, и восточной армии, с принятием оборонительного положения в Трансильвании, пользуясь благоприятными условиями местности.

Но выполнение было менее удачно, чем сама идея.

Накануне того дня, когда Фалькенгайн начал свое наступление [1], главнокомандующий должен был возобновить свои предостережения румынскому командованию относительно неосторожного углубления в Трансильванию; 28 сентября он телеграфировал в Бухарест:

«Я согласен с генералом Илиеско относительно тех выгод, которые может дать его армиям в Трансильвании оккупация линии Мероса, но я должен все же обратить его внимание на положение к югу от Дуная... Необходимо устранить всякую опасность с этой стороны, нанеся *немедленно* тяжелый удар болгарским силам»,—предприятие возможное, если сравнить действующие силы в прошлом и настоящем, если учитывать, что «восточная армия, продолжая сильные атаки в направлении на Монастырь и Прилеп, удержит большую часть находящихся против нее сил неприятеля», и если, наконец, принять в соображение, что «на главных фронтах союзные армии будут продолжать наступление с прежней интенсивностью и воспрепятствуют неприятелю снять с этих фронтов сколько-нибудь значительные силы». С другой стороны, это наступление против болгар могло иметь действительные шансы на успех только в том случае, если бы оно было сильно поддержано русским командованием и русскими войсками.

К сожалению, генерал Алексеев, повидимому, не понял этой необходимости: если, с одной стороны, он вполне разделял взгляды французского верховного командования по поводу оперативного плана, то, с другой сто-

1 29 сентября Фалькенгайн разбил левое крыло румын под Германштадтом в Трансильвании.

роны, он рассчитывал добиться успеха действиями одних румынских сил, слабо поддержанных несколькими русскими дивизиями, и наступлением восточной армии. Это была двойная и очень серьезная ошибка, так как возможности восточной армии были ограничены трудными естественными условиями местности, усиленной давно оборудованными оборонительными сооружениями, и бедностью средств сообщения; а кроме того румынская армия, неиспытанная в боях, невполне снабженная материальной частью и руководимая неопытным штабом, не могла обойтись без действительной поддержки, которую могла и должна была оказать ей русская армия.

Ввиду этого главнокомандующий нашел необходимым выступить в качестве посредника перед генералом Алексеевым. 28 сентября он телеграфировал генералу Жанэну:

«Я полагаю, что русское верховное командование должно уже теперь же предусмотреть проект об усилении наступательных действий русско-румынской армии (на Дунае), с тем чтобы придать им решительный характер посредством постепенной переброски на дунайский фронт тех свободных сил, которые должны образоваться вследствие наступающего ненастного сезона на русском фронте. Самые благоприятные условия были бы осуществлены, если бы это решительное наступление могло развернуться до того момента, когда зима приостановит операции восточной армии».

30 сентября он телеграфировал:

«Ваша телеграмма от 25-го показывает мне, что отношение между румынами и русскими сохраняют прежний характер [1]. Это положение крайне невыгодно для общих интересов коалиции; необходимо, чтобы между всеми союзными верховными командованиями существовали абсолютное доверие и солидарность... В настоящее время румынская армия по существу должна рассматриваться как продолжение русского фронта, составляя его левое крыло. На едином фронте восточного театра войны обе армии преследуют одну и ту же цель, и в

[1] Опасные трения между русским и румынским штабами, которые в результате повели к весьма несовершенному сотрудничеству.

интересах самих русских помогать всеми возможными мерами румынской, еще неопытной, армии».

Несмотря на неблагоприятные события, развернувшиеся на румынском фронте втечение октября месяца, главнокомандующий не оставил намеченной им общей линии поведения. Он не только прилагал все усилия, чтобы добиться от русского верховного командования поддержки, столь необходимой Румынии для усиления обоих ее фронтов, на которых подались ее армии, но и продолжал кроме того подготовку общего плана, выполнение которого должно было обеспечить победу на 1917 г. и первый акт которого должен был, по его мнению, заключаться в согласованном наступлении против Болгарии.

Исходя из соображений здравого смысла, подсказывавшего, что русская армия не может допустить разгрома своего левого крыла, представленного теперь нашей новой союзницей, не причинив значительного вреда своим собственным интересам, главнокомандующий предполагал, что, несмотря на задержки, которые следует предвидеть, несмотря на возникшие недружелюбные отношения, генерал Алексеев в конце концов введет в действие достаточные силы, чтобы восстановить румынские дела; румынские фронты стабилизуются подобно другим фронтам, и наступление против Болгарии сможет быть предпринято через более или менее короткое время. Поэтому надо продолжать подготовку к этой операции, постепенно сближая края тех тисков, которые должны сжать и раздавить Болгарию.

15 октября главнокомандующий телеграфировал всем начальникам наших военных миссий, намечая им в общих чертах точку зрения, которую он предполагал поддерживать на предстоящем съезде союзных главнокомандующих, назначенном на 15 ноября 1916 г.

1. Рассмотрев возможные предположения о плане действий неприятеля с целью вновь захватить в свои руки инициативу, главнокомандующий указывал, что для предупреждения подобных возможностей «коалиция должна продолжать непрерывное давление втечение зимы на всех фронтах, на которых это позволят климатические условия, и вместе с тем вести подготовку к согла-

сованным наступлениям весною 1917 г., подобным тем, которые были предприняты в 1916 г., но гораздо более мощным и производительным, если союзники сумеют объединить в общее пользование и распределить соответственно нуждам громадные ресурсы, которыми они располагают».

2. Вследствие этого *зимний план* должен, по его мнению, заключать в себе:

а) На западном фронте: продолжение атак на фронте Соммы с целью заставить противника податься назад и, может быть, прорвать его фронт, во всяком случае сковать бо́льшую часть его первоочередных войск. Расширение нашей позиции у Вердена, чтобы устранить всякую опасность с этой стороны.

б) На итальянском и восточном (русском) фронтах: насколько позволят климатические условия—продолжение операций, которые должны регулироваться местным командованием и иметь своей минимальной целью—сковать противостоящие неприятельские силы.

в) На Балканском полуострове и в Трансильвании операции можно будет наметить, когда положение выяснится, но, повидимому, они потребуют после остановки немецкого наступления в Трансильвании серьезных усилий, чтобы вывести Болгарию из строя и открыть нам свободный путь на Восток.

3. *Немедленная подготовка кампании 1917 г.* должна заключать в себе прежде всего правильное распределение материальных ресурсов коалиции (вопрос этот будет разобран на конференции, по подведении общего баланса этих ресурсов), затем—стратегическую подготовку согласованных весенних наступлений, зоны и сроки которых, приблизительно намеченные конференцией, будут впоследствии точно фиксированы при посредстве постоянного и тесного контакта между командующими союзных армий.

Предыдущее изложение показывает, с какой ясностью проблема кампании 1917 г. была представлена коалиции в начале октября; мы найдем такую же ясность и точность в решениях конференции 15 ноября, хотя к этому моменту и вопреки всяким предположениям по-

ложение на румынском фронте значительно ухудшилось по вине русского верховного командования.

Теперь, следуя фактам в их хронологическом порядке, следует рассмотреть те условия, в которых французскому верховному командованию приходилось согласовывать свои действия со своими проектами и предложениями, в духе общей линии поведения, указанной 15 октября союзным главнокомандующим.

Прежде всего напомним, что на фронтах Франции и Италии программа сковывания неприятельских резервов была полностью применена развитием методических наступлений, которые продолжались до конца года в районах Соммы, Вердена и на подступах к Триесту [1]. Под защитой этих операций, составлявших временно и *именно в данный момент* прикрытие маневра, задуманного главнокомандующим, последний старался подготовить и придать решительный характер действиям против Болгарии, которые и надо были считать началом победоносной кампании, которой должна была закончиться война в 1917 г.

Для достижения этого результата надо было, как мы указывали выше, сблизить обе стороны болгарских тисков.

Дунайская русско-румыская армия составляла северную сторону этих тисков, и, повидимому, именно от нее можно было ждать наиболее могущественной и продуктивной деятельности. Эта армия, которая могла быть быстро усилена в почти неограниченной степени, так как громадный русский фронт сделался совершенно пассивным, располагала для своего маневра на северной болгарской границе еще свободным и относительно легко проходимым пространством, на котором неприятель сосредоточил разношерстные силы, на одну треть состоявшие из частей болгарской милиции весьма слабой боевой ценности. К несчастью, русское верховное командование, с самого начала не сумевшее или не хо-

1 Франко-Британское наступление на Сомме в сентябре (Тиенваль—Бушавен—Мартенпюиш—Комбль), в октябре (Трансло́й—Сайи—Сайизель—Сен-Пьер—Васт). Наступление французов под Верденом 24 октября (Дуамон—Во) и 15 декабря (Лувемен—Безонво). Наступление армии герцога д'Оста (Карсо—Горица) до середины ноября.

тевшее понять всех выгод, которые оно могло извлечь из лояльного и тесного сотрудничества с румынским штабом, подчеркивало свое безразличие и свою преступную инертность, доходившую, если хорошо разобраться в этом, до полной бездеятельности, которая должна была свести на-нет все усилия генерала Жоффра придать необходимую мощность северной стороне тисков.

В этом отношении деятельность главнокомандующего, основные моменты которой мы проследили до конца сентября, в действительности непрерывно продолжалась до того времени, когда румынская армия была разбита под Бухарестом. Отражая влияние событий, его деятельность вначале направляется к стабилизации поколебленных фронтов, не оставляя вместе с тем наступательной части плана; затем выражается в изыскании средств, чтобы избежать неминуемой катастрофы, а потом—чтобы по возможности ограничить ее; и наконец его деятельность проявляется в стремлении опять захватить в свои руки управление событиями и побороть злополучную судьбу после необходимой передышки.

Получив сведения о первых успехах Фалькенгайна в Трансильвании, главнокомандующий настоятельно просит русское верховное командование поддержать северный фронт Румынии. который представляется ему сильно поколебленным. Он указывает приэтом, что с своей стороны им приняты все меры, чтобы усилить восточную армию и повысить ее боевую деятельность.

8 октября он телеграфирует генералу Жанэну:

«События, которые в настоящее время разыгрываются в Трансильвании и которые повлекли за собой отступление румын к Петросени, Германштадту и Брассо, представляют для Румынии серьезную угрозу; в общих интересах коалиции—устранить ее возможно скорее.

Только русские армии в состоянии непосредственно поддержать румынские силы в Трансильвании... Генерал Алексеев как будто бы имеет это намерение...»

Действительно, 10 октября генерал Алексеев извещает, что сильные подкрепления (три армейских корпуса и вслед за ними еще две-три кавалерийских дивизии) направлены им к румынской границе и что кроме того он сменяет часть румынского фронта в Молдавии.

Никто в тот момент не мог бы предположить, что эти подкрепления будут двигаться к фронту сражения черепашьим шагом, и главнокомандующий был убежден в скором восстановлении румынского фронта. По здравому расчету этого можно было ожидать в первых числах ноября, после чего следовало возможно скорее возобновить наступательные операции против Болгарии; в этом смысле и было предложено 2 ноября генералу Жанэну воздействовать на русское верховное командование.

«Согласно имеющимся сведениям и принятым мерам, генерал Алексеев намерен восстановить положение на западном и южном фронтах русско-румынского театра военных действий. Предполагая, что положение восстановлено, т. е. наступление неприятеля остановлено, каковы намерения генерала Алексеева в отношении дальнейших операций?

Желает ли он атаковать Болгарию для того только, чтобы обезвредить ее, или же намерен совершенно вывести ее из строя? Последнее решение было бы, по нашему мнению, лучшим, тем более, что возможны, повидимому, даже зимние операции в районе между Дунаем и параллелью Софии.

Я должен быть осведомлен об этом, чтобы дать соответствующие директивы восточной армии...»

Южная сторона болгарских тисков, образованная восточными союзными армиями, далеко не представляла собой той силы, какой явилась бы северная сторона этих тисков, если бы русское верховное командование лучше разбиралось в высших интересах коалиции и в своих собственных. Непрочность морских путей сообщения при значительной их длине, разнородный состав армий, труднодоступная местность, необеспеченность тыла вследствие вероломства греческого правительства, таковы были причины относительной слабости восточных армий союзников в середине 1916 г.; в этих условиях они могли рассчитывать, конечно, лишь на ограниченный успех.

Но французское правительство и верховное командование полагали, что если бы можно было устранить в известной мере главнейшие причины этой слабости, то

восточные армии могли бы взять на себя стратегическую роль большего значения. Поэтому уже в августе месяце, приняв надлежащие меры по обеспечению восточной армии личным составом и материальной частью, организовав и наладив командование, генерал Жоффр совместно с г. Брианом предпринял шаги, чтобы убедить наших союзников в том громадном значении, которое имело для коалиции увеличение сил на Балканском полуострове. Это увеличение следовало произвести в широких размерах, чтобы обеспечить положение восточных армий и позволить сыграть им полностью ту роль, которая была предназначена им в операциях против Болгарии.

Выше мы проследили развитие этих медленных и терпеливых переговоров, которые привели к принципиальному соглашению, заключенному 20 октября в Булони, где встретились премьер-министры и главнокомандующие Франции и Великобритании. По смыслу этого соглашения:

Франция должна была довести свои силы на Востоке до 7 дивизий, из которых 2 русские бригады были уже направлены в Салоники[1];

Примечание редакции. Не совсем верны оба утверждения автора. Во-первых, из 7 предназначавшихся для отправления во Францию русских пехотных бригад в действительности прибыло 4 бригады, из коих 1-я и 3-я бригады попали на французский фронт (первоначально занимали участки фронта—Оберив и Люд), а 2-я и 4-я были отправлены в состав союзной восточной армии в Салоники. Во-вторых, нам неизвестно, чтобы генерал Жоффр когда-либо отказывался от присылки русских войск. Общий недостаток людского материала во Франции и громадные потери под Верденом—факторы, которые при всяких оперативных предположениях должны были вставать во весь рост перед французским верховным командованием. 4-я русская бригада начала прибывать именно в сентябре. К этому следует добавить, что еще при генерале Жоффре был поднят вопрос о сформировании для русских пехотных бригад дивизионной артиллерии из русских контингентов, кои начали прибывать во Францию весной 1917 г. Все это говорит как раз противное. Ред.

1 Русское правительство обещало втечение 1916 г. перебросить во Францию 7 бригад, которые должны были быть снаряжены и вооружены во Франции. Только 3 из этих бригад прибыли во Францию и 2 из них были переброшены в Салоники в августе 1916 г. 11 сентября, чтобы облегчить русским усиление румынского фронта, главнокомандующий отказался от остальных 4 бригад.

Англия должна была довести свои силы до 7 дивизий. Британское, французское и русское правительства должны были побудить итальянское правительство довести свои силы в Салониках до 3 дивизий.

Таким образом в Македонии было бы сосредоточено 23 дивизии (6 французских, 7 британских, 1 русская, 3 итальянских и 6 сербских) в соответствии, с одной стороны, с возможностями транспорта и снабжения морским путем, а с другой стороны—с максимально рассчитанной провозоспособностью македонских путей сообщения.

Основываясь на приведенных постановлениях, главнокомандующий, действуя в полном согласии с правительством, принял все необходимые меры для отправки на Восток новой французской дивизии и вошел в переговоры с генералом Кадорна о переброске новых итальянских сил в Салоники (свидание в С.-Мишель-де-Морienне).

К моменту открытия конференции главнокомандующих в Шантильи, на которой предполагалось окончательно установить общий план дальнейших операций коалиции, соглашение между союзными главнокомандующими и их правительствами по вопросу о необходимости усиления восточных армий принципиально было достигнуто почти единогласно.

Тем временем союзные армии на Востоке развивали более скромную деятельность, преследуя цель, которая, впрочем, и была вполне достигнута—сковать германо-болгарские силы, расположенные по греческой границе.

Выше были приведены директивы, которыми руководствовался генерал Сарайль с августа месяца при выполнении этой поставленной ему задачи. Во всяком случае, можно сказать, что коалиция выполнила все свои обязательства в отношении своей новой восточной союзницы и ясно наметила свою линию поведения в соответствии с общей идеей, которую французское верховное командование положило в основание плана генерального сражения.

РЕШЕНИЯ КОАЛИЦИИ (НОЯБРЬ 1916 г.)

3 ноября генерал Жоффр отправился в Париж для точного согласования с правительством тех предложений, которые он намеревался сделать на совещании главнокомандующих, назначенном во французской главной квартире на 15 ноября. Малый совет, на котором генерал изложил свои взгляды, состоял из председательствующего г. Пуанкаре, г. Бриана, председателя совета министров и генерала Рок, военного министра. Было достигнуто полное соглашение по всем вопросам, и окончательно с общего согласия была установлена французская точка зрения, которую предполагалось представить на конференции в Шантильи. Эта точка зрения может быть выражена следующим образом.

Победа возможна в 1917 г.; ее следует добиваться путем разгрома Германии, которая в действительности является нашим главным, если не единственным, противником. Победа будет одержана на французском фронте—главном театре войны, на котором неприятель держит бо́льшую часть своих сил, но при условии, что на других участках е́диного фронта достаточно мощные и согласованные операции отнимут у неприятеля свободу маневрирования, а также при том условии, что неприятель будет лишен возможности использовать зимний период для реорганизации своих сил и нового захвата в свои руки инициативы в операциях.

Пока коалиция будет подготавливать и распределять свои средства вооружения для генерального сражения 1917 г., которое следует начать и вести по образцу сражения 1916 г., она не должна ослаблять своего давления на центральные империи: всюду, где только позволят климатические условия, наступательные действия должны продолжаться без остановок; желательно даже, чтобы они были усилены там, где это возможно, и с этой точки зрения самой легкой, своевременной и выгодной является операция, целью которой ставится вывести в первую очередь из строя Болгарию. Принципиально одобренная главными союзниками, эта операция должна быть немедленно подготовлена соответственно предначертаниям Булонской конференции. Путем дипломатиче-

ского и военного соглашения с заинтересованными правительствами и верховными командованиями должны быть преодолены колебания, которые все еще обнаруживаются при выполнении военных мероприятий, имеющих целью обеспечить успех этой существенной части оперативного плана.

Конференция главнокомандующих собралась в Шантильи 15 ноября. Изложенная нами французская точка зрения была представлена на одобрение конферентов[1].

Достойно замечания, что единодушие собравшихся было достигнуто легко и быстро на предложенных основаниях.

Ни одного возражения по поводу необходимости продолжения общих усилий втечение зимы; никаких споров по вопросу о характере подготовки наступательной кампании 1917 г.; полное единогласие в отношении срока, к которому должна быть закончена подготовка и открыты действия против неприятеля.

Только по одному пункту не было достигнуто полного единогласия, и, как всегда, этот спорный пункт касался программы дальнейших операций на Балканском полуострове.

Но вследствие значительного улучшения в деле переговоров подобного рода, союзники, повидимому, пришли к принципиальному соглашению срочно разрешить при помощи оружия болгарский вопрос.

Казалось, что со времени Булонской конференции Франция и Великобритания достигли полного единства взглядов по этому вопросу; Сербия и Румыния горячо поддерживали французскую точку зрения, что было со-

1 *Бельгия:* генерал Вильманс, начальник генерального штаба Бельгийской армии. *Великобритания:* генерал Робертсон, начальник имперского штаба британских армий; генерал сэр Дуглас Хег, главнокомандующий британскими армиями во Франции. *Италия:* генерал Порро, начальник генерального штаба итальянской армии. *Румыния:* полковник Рюдеаню, начальник румынской военной миссии при французской главной квартире. *Россия*: генерал Палицын, представитель главнокомандующего русскими армиями и начальник русской военной миссии. *Сербия*: генерал Рашич, делегат сербской армии при французской главной квартире. Генерал Жоффр, со своим помощником генералом де-Кастельно, начальником генерального штаба французских армий, председательствовал на этой конференции.

вершенно естественно, так как для одной из них дело шло о возвращении отечества, а для другой—о предотвращении грозных событий, неясные сведения о которых только что поступили в Шантильи.

Что касается России, то ее отношение представлялось еще более определенным, так как генерал Палицын прямо заявил в заседании, что «ясный точный доклад, сделанный французским генеральным штабом, в точности соответствует взглядам генерала Алексеева, который придает первостепенное значение балканскому театру военных действий и полагает, что надо во что бы то ни стало:

«1) вывести из строя Болгарию;

2) заставить Турцию заключить мир».

Одна Италия относилась скептически к балканским операциям. Предчувствовала ли наша латинская союзница со своей вошедшей в поговорку дипломатической тонкостью, что русские заверения подозрительны и что нет ничего более сомнительного, чем твердые намерения, щедро приписываемые генералом Палицыным генералу Алексееву, или же итальянское верховное командование (Comando Supremo) действительно опасалось, как оно это неоднократно и выражало в своих меморандумах, адресованных конференции, что немецкая армия произведет глубокое вторжение в тыл итальянской армии через Трентино или даже через Швейцарию? Во всяком случае, несмотря на принципиальное соглашение, достигнутое в С.-Мишель-де-Мориенне, итальянское верховное командование отказалось присоединиться ко взглядам союзников и направить итальянские подкрепления в Салоники до тех пор, пока «центр тяжести операций не будет передвинут к Востоку», т. е. пока не будет полной уверенности, что русское верховное командование имеет действительное намерение и средства начать серьезное наступление в направлении на Софию. Несмотря на убеждения генерала Жоффра, генерал Порро, отговариваясь инструкциями своего начальника, уклонился принять какие-либо новые обязательства; формально не возражая против предполагаемой атаки на Болгарию, он упорно отстаивал права

Италии в вопросе ее сотрудничества на Балканском полуострове.

В действительности, отрицательная позиция Италии не могла служить материальным препятствием для выполнения планов коалиции. В конце концов дело шло об отправке в Салоники лишь 3 итальянских бригад, и отсутствие этих бригад не могло существенно отозваться на операциях восточных армий. Но с моральной точки зрения итальянская обструкция представляла тем не менее реальную опасность, так как могла повлиять на намерения русского верховного командования, и производила кроме того плохое впечатление на британские правительство и верховное командование, всегда склонные к неблагоприятной оценке восточных дел, в отношении которых они все время обнаруживали в той или иной степени какое-то инстинктивное недоверие.

Но это частичное разногласие конференции по поводу восточных операций не приняло все же столь острой формы, в какую вылилась разность точек зрения Франции и Великобритании в 1915—1916 гг. Для преодоления итальянской нерешительности было, повидимому, достаточно, чтобы генерал Алексеев точно определил свои намерения и развил свои операции в направлении румынских фронтов. Генерал Жоффр не мог сомневаться, что оба эти условия будут быстро выполнены, и был поэтому уверен в скором присоединении генерала Кадорна к взглядам коалиции по балканскому вопросу.

Как бы то ни было, решения, единогласно принятые в результате конференции 15 и 16 ноября, не дают повода отметить никакого основного расхождения во взглядах как в отношении оценки общего положения, так и в отношении мероприятий, необходимых для продолжения войны; французский план был принят во всех его частях, и чтобы обнаружить следы оговорок, формулированных некоторыми делегатами, необходимо сличить протокол самой конференции с окончательно утвержденным и подписанным текстом.

Приводим этот текст в выдержках.

Решения, принятые в результате конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 г.

I. Члены конференции одобряют план коалиции, представленный им в форме меморандума и имеющий целью придать кампании 1917 г. решительный характер.

Вследствие этого они принимают следующие решения:

а) предпринятые в настоящее время наступательные операции должны быть продолжены зимою 1916/17 г. во всем объеме, допускаемом климатическими условиями каждого фронта;

б) чтобы иметь возможность противостоять всякому новому обороту событий и, главным образом, чтобы воспрепятствовать неприятелю захватить инициативу операций, армии коалиции должны быть готовы начать общее наступление в первой половине февраля 1917 г. со всеми имеющимися в их распоряжении средствами;

в) с того времени как армии будут готовы к атаке, главнокомандующие должны установить взаимно согласованный образ их действий сообразно обстановке;

г) если обстоятельства позволят, общее наступление, при условии ввода в действие максимума средств, которыми каждая армия будет располагать, начнется на всех фронтах сейчас же по согласовании отдельных наступательных операций [1], причем сроки их будут установлены по общему соглашению главнокомандующих;

д) чтобы вполне осуществить необходимую общую согласованность в этих различных для каждой армии положениях, главнокомандующие должны сохранять тесный контакт между собой.

II. На балканском фронте:

а) коалиция должна стремиться возможно скорей вывести Болгарию из строя. Русское верховное командование намерено в этих видах продолжать и усилить начатые операции:

б) русско-румынские силы предназначаются для действий против болгар с севера, а союзная салоникская

[1] Было принято, что согласование будет считаться реализованным, если промежуток между датами начала отдельных наступлений на различных фронтах не превысит трех недель.

армия—для действий с юга. Действия обеих этих групп должны быть тесно связаны между собой, с тем чтобы добиться решения на том или другом фронте соответственно развитию операций;

в) союзная армия на Востоке возможно скорее должна быть доведена до 23 дивизий; этот состав соответствует, с одной стороны, численности войск, которые смогут маневрировать и которые можно будет питать и снабжать на восточном театре военных действий, с другой стороны,—количеству войсковых единиц, которое сможет быть выделено с западных театров военных действий. С целью такого усиления союзных армий на Востоке британское правительство без промедления должно довести свои силы до 7 дивизий, французское правительство—до 6; а итальянскому правительству, информированному о твердо выраженных намерениях русского верховного командования, будет предложено довести итальянские силы в Салониках до 3 дивизий;

г) численный состав союзной армии на Востоке должен тщательно поддерживаться в полном комплекте.

III. *Второстепенные театры военных действий.* Действия на всех второстепенных фронтах, имеющие целью сковать неприятельские силы, должны быть проведены с возможно меньшими средствами, чтобы сохранить маскимальное количество сил для главных театров войны.

IV. *Взаимная поддержка*: а) члены конференции возобновляют обязательство взаимной поддержки, принятое на конференции 5 декабря 1915 г. и выполнявшееся всеми союзниками втечение настоящего года, а именно: если одна из держав атакована, остальные немедленно приходят ей на помощь всеми имеющимися у них средствами либо косвенно, путем атак, предпринимаемых неатакованными противником армиями, в заранее подготовленных зонах, либо непосредственно, путем оперативных переброс сил, если театры связаны между собой удобными путями сообщения;

б) чтобы подготовиться к этой последней случайности, франко-английским и итальянским штабом совместно должны быть изучены условия переброс и комбинированного применения сил.

V. *Укомплектование сербской армии.* Пополнение сербской армии должно быть произведено путем набора волонтеров из пленных сербской национальности, находящихся в Италии и России, в возможно полной мере и со всеми предосторожностями, которые найдут нужными обе эти державы.

Подписали представители главнокомандующих союзных армий, присутствовавшие на конференции.

Для завершения работы по подготовке кампании 1917 г. оставалось разрешить еще один важный вопрос о распределении средств между различными союзными армиями. В этом отношении было необходимо, чтобы члены конференции высказали мотивированное мнение, основываясь на нуждах каждой армии. При определении этих нужд следовало исходить из точно установленного состояния материальной части отдельных армий и той роли, которая предназначалась каждой из них общим оперативным планом. На основании мнения конференции отдельные правительства, учитывая имеющиеся в их распоряжении средства и транспортные возможности, могли бы определить количество материальной части, которое они в состоянии предоставить нуждающимся союзникам (тяжелая артиллерия для русских, огнестрельные припасы и всякого рода материалы для Румынии).

Этот вопрос, изученный предварительно в Лондоне за несколько дней до конференции представителями английского, французского, итальянского, русского и румынского военных министров или министров снабжения, был рассмотрен в деталях подкомиссией конференции. Заключения, к которым она пришла, дали возможность установить план, согласно которому огнестрельные припасы будут подвозиться и доставляться втечение зимы в Россию либо, пока позволяет состояние моря, через Архангельский порт, либо путем выгрузки во вновь оборудованном Романовском порту [1], почти все время свободном от льдов.

Этот последний предполагалось немедленно соединить с русской железнодорожной сетью посредством строящейся в Мурманском районе железной дороги.

[1] Мурманск. Ред.

КРУШЕНИЕ ПЛАНА КОАЛИЦИИ.

Проследив шаг за шагом, как мы это только что сделали, идею и выработку плана, который должен был доставить победу коалиции в 1917 г., и констатируя, что к этому в некотором роде роковому числу—15 ноября 1916 г.—между союзниками установилось более прочное чем когда-либо согласие, позволявшее применить в полной мере принцип согласованности усилий на едином фронте, принцип, составлявший ultima ratio (саму мудрость) наций, объединенных в коалицию;—невольно останавливаешься в удивлении перед фактом глубокого несоответствия событий всем ожиданиям и предположениям. Только отыскав причины этого необъяснимого на первый взгляд явления, мы сможем получить ответ на главный интересующий нас вопрос, и только таким путем сможем извлечь из этой части истории большой урок с точки зрения доктрины коалиционной войны.

Вот прежде всего факты.

С середины ноября 1916 г. выработанный союзниками оперативный план постепенно распадается. Проекты, составленные в Шантильи, один за другим постепенно отпадают; вскоре и весь план совершенно оставляется.

Распадение плана в первую очередь выражается в оставлении проекта, направленного против Болгарии, затем в приостановке операций во Франции. Коалиция делает зимнюю передышку вопреки решениям, принятым по общему соглашению.

Оставление плана характеризуется несогласованными и неравномерного напряжения операциями, веденными в апреле на французском фронте, в мае и в особенности в августе—на итальянском фронте, в июле—на восточном фронте, а также совершенным отсутствием операций на балканском фронте. Коалиция отказалась от согласования усилий, несмотря на уроки двух лет войны, и вот она всюду терпит неудачи, а неприятель, полностью восстановив свою свободу дей-

ствий, победоносно действует на театрах военных действий, представляющих зоны меньшего сопротивления.

Быстрое развертывание этих двух последовательных фаз крушения плана неизбежно должно было повести за собой бессилие коалиции втечение 1917 г.

I. РАСПАДЕНИЕ ПЛАНА.

Если составление оперативного плана для совокупности объединенных армий является делом относительно легким, при условии строгого соблюдения правил, диктуемых одновременно здравым смыслом и общими высшими интересами, то его выполнение, как мы это уже могли видеть, представляет весьма значительные трудности. Одна из этих трудностей, сопутствующих постоянно, заключается в противодействии неприятеля—противодействии, которое надо предвидеть и влияние которого должно быть аннулировано для того, чтобы план мог быть развернут полностью, как он был задуман.

Было бы неправильно утверждать, что победоносное наступление неприятеля в Румынии, начатое 11 ноября переходом трансильванской границы и вторжением в Валахию, является одной из первых причин распадения плана, утвержденного 15 ноября 1916 г. В действительности это было совершенно нормальное событие, которое легко можно было предвидеть и которое вовсе не должно было изменить общую линию поведения союзников, намеченную в Шантильи.

Эта истина, которою руководился главнокомандующий при его представлениях русскому верховному командованию во время неудач румын в Трансильвании и на Дунае, являлась основанием в его деятельности по управлению операциями и после 11 ноября. Твердо придерживаясь договора о постоянной взаимопомощи, который союзники торжественно подписали и вновь подтвердили, рассчитывая на обещания генерала Алексеева, подтвержденные его представителем на конференции, веря в лояльность русских и понимание ими своих же собственных интересов, он ни на одно мгновение не мог допустить, что направленные генералом Алексеевым русские подкрепления не дойдут до разбитых румын-

ских армий. На деле же ни один русский солдат не был противопоставлен вторжению Фалькенгайна через Вулканский перевал, и это странное отсутствие их производило тревожное впечатление; конечно, причина этого отсутствия заключалась в досадном запоздании или, может быть, в неправильном расчете; подкрепление даст о себе знать, в этом не было сомнения, но было важно, чтобы оно пришло не слишком поздно. С этой целью главнокомандующий 16 ноября телеграфировал генералу Жанэну:

«Положение уже серьезное может стать тяжелым в случае, если значительная часть румынской армии будет разбита и неприятель вторгнется в Валахию... Одним из последствий этого поражения явилась бы неудача нашего проекта против Болгарии. Было бы очень желательно, чтобы IX русская армия (Лечицкий) возможно скорее начала наступление, которое при существующих обстоятельствах представляется единственным действительным средством выручить валахийский фронт и восстановить положение, одновременно критическое для Румынии и тревожное для коалиции...»

К сожалению, пришлось столкнуться с преступной инертностью, невероятным непониманием действительности и общих интересов, систематическим нарушением подписанных обязательств, если только не с полным бессилием, чего еще, казалось бы, невозможно было предполагать. 26 ноября положение сильно ухудшилось: неприятель усиленными маршами продвигался к Бухаресту, между тем как IX русская армия пребывала в покое, а обещанные подкрепления, казалось, были поражены параличом. Главнокомандующий возобновил в настойчивой форме свои представления генералу Гурко, только что заместившему генерала Алексеева:

«Победоносному неприятелю румынская армия может противопоставить в Валахии только усталые, перемешанные и отступающие дивизии или незначительные, слишком быстро сколоченные резервы, постепенно вливающиеся в сражение, исход которого весьма сомнителен. Только русская армия может изменить положение, оказав непосредственную и быструю поддержку румынским силам в Валахии. Эта поддержка может быть

достигнута немедленным сосредоточением в районе Бухареста ближайших свободных сил под прикрытием кавалерии, которую можно снять из армий Лечицкого или Сахарова, а равно наступлением армии Лечицкого, назначенным на 28 ноября.

Обратите самым энергичным образом внимание генерала Гурко на необходимость возможно скорее оказать непосредственную поддержку румынским силам, отходящим к своей столице...»

Но нет более глухого, чем тот, кто не хочет слышать. Когда 1 декабря завязалось сражение на линии реки Аргеша, где румыны пытались спасти хотя бы свою честь, ни одна русская часть не поддержала их тонкий фронт, растянутый по реке. На последние попытки главнокомандующего генерал Гурко отвечал неудачными извинениями или общими заверениями и вместе с тем хладнокровно сосредоточивал на линии Серета те подкрепления, которые не сумел или не хотел направить на помощь румынской армии; последняя в беспорядке бежала за русские линии: она временно вышла из строя.

Если бы русское верховное командование решительно и без задней мысли выполнило на русско-румынском фронте уже дважды подписанный договор о взаимопомощи, если бы оно бросило свои силы в бой с твердым намерением подоспеть вовремя, если бы, одним словом, оно действовало так, как обещало и как действовали впоследствии генерал Фош, поспевший с франко-британскими дивизиями на помощь итальянской армии, и генерал Петен, который без остановки и отдыха спешил на правый фланг британской армии, чтобы остановить немецкое продвижение на Амьен,—румынская армия была бы спасена, и план, принятый союзниками в отношении Болгарии, мог бы быть выполнен в том виде, как был предусмотрен.

Когда французская армия впродолжение более четырех месяцев одна сдерживала натиск неприятеля на Верден, она сыграла в общем ходе генерального сражения такую же роль, какую должна была и, повидимому, еще могла сыграть русская армия в Румынии: свести на-нет контрмеры противника, чтобы дать воз-

можность вполне развернуться установленному с общего согласия плану войны.

Этот прискорбный румынский инцидент обязан своим происхождением крупной ошибке в высшем управлении операциями; мы считаем достаточно выясненным, что эта ошибка не может быть приписана французскому верховному командованию.

Как бы там ни было, к началу декабря 1916 г. поражение Румынии было уже совершившимся фактом. При этих условиях восточный план коалиции оказался временно неосуществимым, и поэтому 11 декабря восточная армия получила приказ остановить свои наступательные операции. Значило ли это, что следует окончательно оставить проект комбинированного наступления против Болгарии? Главнокомандующий, достигший по этому вопросу нового соглашения с генералом Гурко, думал не так, и его телеграмма от 11 декабря генералу Сарайлю точно характеризует его взгляды по этому вопросу:

«... В условиях, созданных поражением румынских армий, задача, первоначально возложенная на союзные силы в Салониках и состоявшая в отвлечении большей части болгарских сил и в комбинированном с румынскими силами наступлении, *временно* должна быть отложена.

Но, с другой стороны, я полагаю *вместе с главнокомандующим русскими армиями*, что, как только положение в Румынии стабилизуется и румынские армии будут восстановлены, русско-румынские силы должны будут вновь перейти в наступление. К этому же времени, которое еще нельзя точно фиксировать, союзная армия на Востоке вновь вернется к выполнению первоначальной задачи, возложенной на нее конференцией в Шантильи».

Итак, румынские дела, по мнению главнокомандующего и даже русского командования, не должны были повлиять на изменение общих предположений коалиции. С общей точки зрения, с которой мы рассматриваем события, валахийское поражение представляется простым боевым эпизодом, правда, печальным эпизодом, которого можно и должно было избежать; его един-

ственным следствием могла быть лишь некоторая задержка в развитии общего плана кампании.

Что же надо было сделать, чтобы вернуть корабль Антанты на прежнее направление, от которого он отклонился порывом ветра?

Безотлагательно воссоздать обе стороны тисков. На севере надо было восстановить румынские армии, над чем уже всеми силами работала миссия Бертело; на юге — немедленно приступить к усилению восточных армий. Эта мера была тем более необходима, что энтузиазм греческого правительства по поводу германских успехов в Румынии выразился в подлом убийстве 2 декабря наших солдат в Афинах, и приходилось с неослабным вниманием следить за поведением короля Константина и его супруги королевы, к которой кайзер только что обратился по радиотелеграфу с несколькими многозначительными, внушающими тревогу, словами:

«Выступление Тано[1] с его главными силами против западного крыла Сарайля приведет к решению в Македонии. Желаю, чтобы наша совместная работа обеспечила успех. Вы можете рассчитывать на мою помощь в настоящем и будущем...»

К сожалению, эти незадачливые операции на Востоке вызвали и на этот раз, как обычно, тяжелые, бесплодные и раздражающие споры между союзниками. На известие о румынском разгроме британское и итальянское правительства реагировали совершенно иначе, чем французское правительство: считая дело на Востоке проигранным, британское правительство отменило свои недавние распоряжения о подкреплениях, а итальянское правительство присоединилось к британской точке зрения, хваля себя за ту предусмотрительность, какую выказало, когда противилось настояниям других союзников отправить новые итальянские силы в Салоники.

Пришлось, следовательно, поставить весь вопрос заново, и главнокомандующий взял на себя неблагодарную задачу противостоять общему упадку духа и спа-

[1] Надо под этим именем предполагать генерала Макензена, с которым император Вильгельм, как однополчанин, находился в интимно-дружеских отношениях. Ред.

сти от окончательной гибели эту существенную часть плана коалиции.

С этой целью 7 декабря, т. е. на следующий день после взятия Бухареста, он обратился к генералам Робертсону и Кадорна с просьбой не только выполнить уже принятые или предусмотренные решения, но и увеличить еще свои усилия: Англия должна довести свои силы на востоке до 9 дивизий (вместо 7), а Италия— до 5 дивизий (вместо 3). И с той, и с другой стороны он получил категорический отказ и должен был временно ограничиться подготовкой к отправке 2 французских дивизий (30-й и 76-й), что предусматривалось ранее заключенными соглашениями.

Получить отказ, даже категорический, в вопросе, касающемся восточных операций, было делом не новым, и главнокомандующий приобрел в этом своего рода привычку. Он знал по опыту, что нельзя добиться сразу признания всеми союзниками французских взглядов в восточной проблеме; но он точно так же знал, что его терпеливая настойчивость всегда до сих пор одерживала верх над возражениями, которые делались сначала, и полагал, что и на этот раз дело пойдет по тому же пути. И вот 21 декабря он повторил попытку 7 декабря, подкрепляя свое предложение указанием на то затруднительное положение, в котором может очутиться восточная армия, если втечение довольно значительного промежутка времени, который потребуется для сосредоточения русских сил и для реорганизации румынской армии, германо-болгарским силам удастся соединиться через Македонию с дивизиями короля Константина.

К большому несчастью, в ту эпоху, к которой мы сейчас подошли, генерал Жоффр был отстранен от верховного командования, вследствие чего начатое им дело не было доведено до желательного конца. Конечно, созданный 13 декабря Военный комитет, который отныне должен был согласовывать операции на различных фронтах, продолжил дело главнокомандующего. Но этот комитет, как олицетворение самого правительства, не мог претендовать на роль *военного* руководителя коалиции, каковую роль наши союзники негласно пору-

чили генералу Жоффру. В действительности же коалиция потеряла своего руководителя, и никто впродолжение целого года не мог возвратить союзников на плодотворный путь обдуманных сообща планов и разумно согласованных действий.

Первым следствием столь прискорбного положения было то, что предположение об отправке английских и итальянских сил в Салоники, а в связи с этим и проект кампании против Болгарии были неофициально оставлены. Французское правительство делало, без сомнения, все от него зависящее, чтобы добиться согласия союзников на усиление восточной армии; но оно заботилось уже не столько о выполнении плана кампании коалиции, сколько об устранении того опасного положения, в которое события, по его мнению, поставили генерала Сарайля. Хорошим показателем такой бесспорной эволюции во взглядах может служить телеграмма, отправленная 2 декабря генералу Сарайлю военным министром, генералом Роком, отражающая чисто оборонительные тенденции.

В действительности, как только главнокомандующий покинул руководство военными делами коалиции, общая цель, которая ставилась операциям на Балканах, быстро была забыта, и никто больше не думал о решении, которое было в свое время торжественно принято и неоднократно подтверждено, возобновить при первой возможности двойную операцию против Болгарии; коалиция зазимовала на балканском театре войны в ожидании лучших дней.

На западном фронте распадение плана коалиции хотя и не достигло такой полноты, но было столь же ясно выражено.

Генерал Нивель, принявший командование 16 декабря, желая придать успехам у Вердена характер решительного сражения, которое он намеревался дать, был вынужден внести существенные изменения в распределение сил и в приготовления, сделанные генералом Жоффром в конце ноября. Считая продолжение наших усилий на Сомме непроизводительной и крупной затратой сил, он решил отменить операции, которые согласно утвержденному плану должна была вести

X французская армия к югу от реки втечение второй половины декабря.

Чтобы образовать дополнительные свободные резервы на французском фронте, которые требовала его новая концепция наступательного сражения, он был принужден просить британскую армию несколько растянуть свой фронт, логическим следствием чего было оставление зимних операций, предусмотренных прежним планом для этой армии. В этих именно видах генерал Нивель 20 декабря изложил устно свои предположения генералу Дугласу Хегу и подтвердил их ему на следующий день письмом, которое заканчивал следующим образом:

«... Растяжка фронта, о которой я вас прошу, освободит в известной степени ваши армии от выполнения наступательных операций, которые они должны были предпринять втечение зимы согласно решениям, принятым на конференции в Шантильи 15 ноября...»

Мы видим, таким образом, что на Западе, так же как и на Востоке, разжимается то страшное объятие, в котором задыхались центральные империи втечение 1916 года. На всех фронтах коалиция начинает зимовку, предоставляя неприятелю полную свободу передохнуть, реорганизовать и укрепить свои силы, одним словом— подготовить свой победоносный отпор нашему весеннему наступлению.

II. ОСТАВЛЕНИЕ ПЛАНА.

За распадением плана коалиции, которое выразилось в невыполнении решений, касающихся зимних операций на востоке и на западе, последовало в самом скором времени окончательное его оставление. Программа комбинированных наступательных операций на всех фронтах с января месяца 1917 г. была заменена совершенно другою концепцией плана, построенной на той основной идее, что победа может быть достигнута действиями одних франко-британских сил во Франции, но при условии, что решительное сражение будет дано в возможно ближайшем времени и примет достаточно

быстрый темп, исключающий возможность для Германии перебросить силы с других своих фронтов.

Эта новая концепция нарушала в масштабе группы вооруженных наций основной принцип, который, в области чистой тактики, учит остерегаться всяких попыток маневра против не установленного точно неприятеля. Она находилась в явном противоречии с результатами недавнего опыта и ставила на карту судьбу всей кампании 1917 г.

Что эта концепция созрела в уме военного начальника, убежденного в превосходстве тактических приемов, которые он с успехом применял и в которые глубоко уверовал,—это еще можно понять; но поражает на первый взгляд то, что все политические и военные руководители коалиции допустили такое крушение общей линии поведения, установленной ими единогласно месяц тому назад, в совершенно противоположном духе.

Остается предположить, что в этот серьезный момент причины высшего порядка заставили союзных руководителей более или менее бессознательно вступить на новый путь и дать новую ориентацию операциям коалиции вопреки всем правилам и указаниям опыта.

Эти глубокие причины существовали в действительности, и их нетрудно отыскать, мысленно перенесясь в обстановку трагического, не с одной точки зрения, конца 1916 г. В дальнейшем изложении мы постараемся выяснить эти причины, но предварительно следует дать краткий исторический обзор фактов, т. е. показать, что *план был совершенно оставлен* втечение января 1917 г.

Факты. Эта новая концепция, которую генерал Нивель считал наиболее подходящей для ведения сражения на французском фронте и которую он в общих чертах изложил генералу Дугласу Хегу 20 и 21 декабря, вызвала некоторое удивление британского правительства и верховного командования. Хотя принцип растяжки фронта наших союзников был благосклонно принят английским правительством во время междусоюзной конференции в Риме в начале года и хотя этот вопрос был одобрен сэром Дугласом Хегом во время его свидания в Касселе с генералом Нивелем,—соглашение

не было достигнуто ни в отношении размеров этой растяжки, ни в отношении срока, к которому должны были быть подготовлены франко-британские наступательные действия.

Несмотря на усиленные настояния генерала Нивеля в конце декабря и начале января, генерал Дуглас Хег продолжал возражать, что число его дивизий не позволяет ему снять полностью то количество войск с фронта, которое от него требуют, что он сможет приступить к этому выделению только тогда, когда прибудут несколько дивизий, находящихся еще в Англии (неизвестно для какой цели), и что во всяком случае ему понадобится значительный срок для обучения своих войск и для получения необходимой дополнительной материальной части.

Чтобы разрешить возможно скорее это недоразумение, которое могло совершенно парализовать подготовку к наступлению, г. Бриан решил послать генерала Нивеля в Лондон, с тем, чтобы он представил свой план Военному комитету (War-Commitee), добился его принятия и обеспечил маршалу Дугласу Хегу возможность выполнить предъявленные к нему требования и совместно работать по подготовке наступления в той форме и в те сроки, которые устанавливались французским верховным командованием.

Соответственно этим инструкциям генерал Нивель прибыл 15 января в Лондон и был принят в Доунинг-стрите одновременно с маршалом Дугласом Хегом. Живой и обстоятельный доклад генерала, умевшего, к счастью, говорить поанглийски, произвел сильное впечатление на пылкого Ллойд-Джорджа и хладнокровного лорда Керзона. После двухдневных переговоров, французская делегация выехала обратно, увозя с собой полное согласие Военного комитета на новый план, изложенный с таким жаром и с такой убедительностью, что британские государственные деятели не могли не одобрить его.

Изучение и разбор этого плана, согласно которому должно было быть подготовлено и выполнено весеннее франко-британское наступление, не входят в рамки настоящего исследования. Мы намерены только показать,

что он означал полный отказ от плана коалиции, выработанного в Шантильи, доказательством чего может служить протокол конференции 15 и 16 января.

Просматривая эти документы, мы находим прежде всего утверждение генерала Нивеля, что решительный успех будет достигнут на французском фронте комбинированным наступлением франко-британских армий. Генерал добавляет, что это наступление должно быть начато возможно скорее, чтобы отнять у противника инициативу операций и воспользоваться преимуществом в средствах, которое может сохраниться ненадолго, если неприятель успеет перебросить свои силы с восточного и балканского фронтов и если ему удастся повысить продукцию своей военной промышленности в большей степени, чем это может сделать Франция и даже Англия.

По его мнению, необходимо поэтому быть готовым к атаке с 15 февраля.

«Я настаивал на необходимости быть готовым к середине февраля. Этот срок был предусмотрен в Шантильи как срок готовности на случай отражения преждевременной атаки неприятеля. Но к решению, принятому в Шантильи, я добавлю еще нечто большее: если даже неприятель не атакует, имеет смысл приступить к действиям возможно ранее, чтобы захватить инициативу... Я решительно убежден в том, что мы должны атаковать как можно раньше; я это повторяю от имени французского правительства и залогом ставлю свою ответственность главнокомандующего...»

Начать франко-британскую решительную атаку до мая месяца—значило умышленно отказаться от всякого согласования с операциями на других фронтах, так как с середины марта начинается оттепель в России, а Италия не предпримет ничего серьезного до начала лета. Маршал Дуглас Хег обратил на это внимание генерала Нивеля, но последний отклонил его возражения.

«Ожидая помощи России и Италии, мы рискуем зайти слишком далеко. Я рассчитываю на полное содействие, так как русские, согласно последнему письму, намерены предпринять что-то в феврале. Наша миссия

в Петрограде будет настаивать, чтобы русские действия были согласованы с нашими. *Мы не можем более придерживаться плана, выработанного в Шантильи, который был чисто оборонительным...* В то время все находились еще под впечатлением атаки на Сомме...»

Надеяться, что русские *что-то* предпримут в феврале и что можно будет настоять на *согласовании* русских действий с нашими—значило, попросту говоря, совершенно отказаться от комбинированных операций с Россией. Это, может быть, было разумно ввиду сведений, начинавших поступать о внутреннем состоянии России, но тем не менее это было в полном противоречии с решениями, принятыми в Шантильи.

Однако Ллойд Джордж продолжал настаивать:

«Самое важное,—говорил он,—чтобы неприятель был удержан на восточном фронте в тот момент, когда мы его атакуем, и не мог бы перебросить свои силы с одного фронта на другой. В состоянии ли русские предпринять что-нибудь серьезное в апреле или мае?»

Но генерал Нивель отвечал, развивая свою собственную мысль:

«Я видел третьего дня генерала Палицына, который заявил мне: «Мы будем делать все, что вы захотите, до середины марта. С этого времени и до середины мая продолжается оттепель, которая действительно делает невозможными всякие крупные операции в России...»

Если бы у генерала Нивеля было больше опыта в переговорах с русским верховным командованием, он придал бы уверениям генерала Палицына их настоящее значение: «Мы не сделаем ничего серьезного в феврале, с марта по май мы вообще ничего не можем сделать. Имеющий уши слышати да слышит...»

Впрочем, генерал Нивель придавал мало значения содействию русских, так как окончательный срок наступления был установлен на 1 апреля. А между тем он признавал вместе с генералом Палицыным, что в это время русская армия будет вынуждена вследствие оттепели к бездействию и, следовательно, не будет в состоянии принять участие в генеральном сражении (утверждение одновременно печальное и ничем не

оправдываемое, так как по крайней мере на румынском фронте крупные операции возможны во всякое время года).

Заметим еще, что вопрос об операциях восточной армии уже больше не ставился, что ни слова не упоминалось о кампании против Болгарии и что о действиях Италии вовсе умалчивалось.

План Нивеля основывался, таким образом, исключительно на успехе франко-британской атаки. Этот успех должен был быть сокрушительным, так как иначе неприятель, не связанный в своих действиях и пользуясь возможностью маневрирования по внутренним линиям, своими свободными силами остановил бы наш первоначальный успех. Расчет был, следовательно, построен на стратегической неожиданности, для чего подготовку приходилось вести в полном секрете и затем действовать возможно раньше и с быстротою молнии. Но, по требованию британской армии, приходилось согласиться на двухмесячную отсрочку, а тайна сохранялась так плохо, что маршал Гинденбург мог спокойно подготовить отпор нашему маневру путем отхода из Нуайонского выступа и методической организацией обороны на небольших участках громадного фронта, на котором, как он ясно мог видеть, локализовалась по частям подготовка к наступлению коалиции. Между грандиозным сражением 1916 г. и ограниченной атакой в апреле 1917 г. не может быть никакого сравнения. Оставляя свой план согласованных действий, коалиция устремлялась в авантюру и разыграла решительную партию. Но кто играет, рискует проиграть... и коалиция проиграла.

Причины. Почему коалиция пустилась в игру? Зачем она заменила широкий план войны, который мог привести ее к победе в 1917 г., концепцией, основанной на случайном успехе частного сражения, развитие которого было тесно ограничено условиями пространства и времени? На этот вопрос необходимо ответить, чтобы понять психологию людей, взявших на себя в начале 1917 г. руководство делами Антанты и с полным доверием устремившихся в опасную авантюру.

Эти причины следует, повидимому, искать одновре-

менно в моральной и политической областях и в сфере военных соображений. Все эти моменты играют значительную роль в управлении войной, т. е. каждый из них посвоему обусловливает задачу, которую органам управления приходится разрешать, предоставляя им, однако, возможность выбрать то или иное решение.

Чтобы понять причины *морального порядка*, вызвавшие к жизни план Нивеля, необходимо мысленно перенестись в обстановку, которую создали в конце 1916 г. течения в общественном мнении и неразумная деятельность некоторых общественных групп. Война со своими неизменными спутниками—лишениями, разорением и трауром—свирепствовала более двух лет, а победа, которая благодаря огромному усилию 1916 г. уже давалась одно время в руки союзников, рисовалась теперь в значительном отдалении. После стольких героических усилий, жертв и даже неоспоримых успехов армии Антанты видели все еще перед собой непреодолимую стену германского фронта. Врагу, который, казалось, вынужден был перейти к крайней обороне, удалось благодаря чудовищной энергии закончить кампанию победой, облегченной уже известными нам обстоятельствами, но все же блестящей и достигнутой в самом слабом, по предположению, месте его вооруженного фронта. Этот неожиданный удар произвел самое удручающее впечатление и породил сильное пессимистическое течение, которое вскоре перешло в подозрение по отношению к верховному командованию: почему оно не сумело использовать те благоприятные обстоятельства, которыми благосклонная судьба дарила его несколько раз втечение 1916 г.? Правда, неприятель был остановлен перед Верденом, но где же осязаемый результат сражения на Сомме? Удалось ли вычеркнуть австрийскую армию, уже ослабленную, из враждебной коалиции? Почему восточная армия не продвинулась дальше Монастыря? Что стало с румынской армией, выступление которой было принято как залог немедленного и окончательного успеха?

Управление войной, повидимому, попало в неискусные или переутомленные руки. Надо было немедленно передать его более искусному и молодому начальнику,

способному примениться к новой доктрине, открывающей путь к быстрой победе.

И вот, в то время когда волна недовольства поднималась все выше и грозила смыть верховное командование во Франции, один генерал, повидимому, нашел новую и всесильную формулу победы. Два раза в тяжелых условиях он атаковал и отбросил неприятеля. Не задумываясь над тем, что эти успехи могли быть в конечном итоге результатом общего плана, не соображая, что эти местные операции удались так блестяще лишь потому, что неприятель должен был перебросить в другое место значительную часть своих сил, общественное мнение, жаждавшее скорейшего окончания войны, убедило себя, что новая формула доставит наконец долгожданную победу и что всякое промедление в ее приложении является одновременно ошибкой и преступлением.

Это течение общественного мнения, завершившее подпольную кампанию, которая втечение нескольких месяцев велась против генерала Жоффра, психологически привело страны Антанты к решению действовать путем внезапного наступления со всем тем риском, который неизбежно влечет за собой выполнение подобных операций.

Указанные нами причины морального порядка не могли, конечно, сами по себе увлечь вслед за недостаточно осведомленным общественным мнением ответственных и лучше осведомленных руководителей правительств и главнокомандующих. Но и в политической области начали появляться симптомы чрезвычайной важности, показывавшие со все возрастающей очевидностью, что одна союзная держава [1], и притом из самых значительных, подходила к концу своего боевого усилия. Перед лицом этой страшной опасности, угрожавшей в неопределенном и, может быть, близком будущем, не были ли должны французские и британские руководители попытаться совершить невозможное, чтобы закончить войну до того, пока свершится непоправимое? Такова была другая сторона проблемы, и вопрос, по-

[1] Россия. Ред.

ставленный в этой форме, мог действительно привести в смущение самые закаленные души.

Ничтожное в общем значение русских действий уже не было новостью: Танненберг, Лодзь, Тарнов открыли всем глаза, и никто больше не сомневался, что казакам никогда не удастся напоить своих лошадей в р. Шпре. Успехи Брусилова в 1916 г. вернули на некоторое время надежду, но вскоре пришлось констатировать, что эти на вид значительные успехи были сейчас же остановлены, как только русские силы увидели перед собой немецкие дивизии, а не разнокалиберный сброд, включавший своим основным элементом славянскую массу, являвшуюся главной составной частью армии двуединой монархии. Поразительная несостоятельность русского командования в румынских делах еще более приподняла завесу над этой истиной.

В действительности военное и внутреннее положение империи было еще гораздо хуже, чем предполагали: армия, истощенная небывалыми поражениями в 1915 г., деморализованная теми плачевными условиями, в которых ей приходилось сражаться, сохраняла одну лишь внешность: она разрушалась вследствие недостатка патриотизма у вновь призываемых и полного отсутствия дисциплины. Несмотря на усилия союзников, у нее не хватало вооружения вследствие преступного бездействия рутинной и продажной бюрократии, неспособной произвести необходимое усилие для организации и развития национальной индустрии. Ее командование было слабо и часто бездарно. Внутри развивались недовольство и революционный дух в многочисленном земледельческом и рабочем пролетариате, чрезвычайно невежественном, измученном потерями и страданиями, причиняемыми войной, и встречавшем странное поощрение со стороны интеллигенции. Последняя втайне приветствовала революцию и с удивительной наивностью мечтала в самый разгар войны произвести благодетельный переворот в судьбах России, подорванной, по ее мнению, злоупотреблениями и ошибками царистского режима.

В ожидании лучшего недовольство крестьянских и рабочих масс выражалось в тех же симптомах, как и

в революционный период 1905 г.: в деревнях более или менее сильные крестьянские восстания, в рабочих центрах—частые забастовки, объявляемые без причин и без поводов, к большому ущербу производительности военной промышленности. Это были весьма серьезные симптомы сильного расстройства национального сознания, глубоких трещин в здании, равновесие которого поддерживалось единственно слабой рукой безвольного императора, лучшие и самые лояльные намерения которого обслуживались германофильствующими министрами, продажной администрацией и похотливым монахом.

В конце 1916 г. и начале 1917 г. однородные донесения французского и великобританского послов—г. Палеолога и сэра Джорджа Бьюкенена, а также сведения нашей военной миссии пролили известный свет на это опасное положение. Не заключая в себе той определенности, о которой мы выше дали оценку положения à posteriori, полученные сведения были достаточно тревожны, чтобы оправдать самые ужасные предчувствия британского и французского правительств и заставить опасаться если не полного отпадения России, которого тогда никто еще не предполагал, то по крайней мере сильного замедления и больших задержек в подготовке военных операций. С полным правом можно было думать, что русское правительство, занятое борьбой с сильным революционным движением, не сможет уделить войне все свои усилия, и отсюда у западных правительств бессознательно родилась идея закончить войну одним быстрым, сильным, наносимым на западном фронте ударом, в котором Россия принимала бы участие лишь постольку, поскольку это позволили бы ей ее внутренние дела.

Но не лучше ли было бы бороться с этим потоком, уносившим Россию к опасному будущему? Во всяком случае этот вопрос заслуживал рассмотрения, и на основании его, может быть, удалось бы построить план активных мероприятий вместо того пассивного плана, который предусматривал в начале 1917 г. полное бездействие со стороны России. Быть может, тогда поняли бы опасность, которую заключал в себе отказ от вся-

ких операций на русском фронте на более или менее неопределенный, но во всяком случае слишком продолжительный срок, так как именно на почве бездействия развивается пренебрежение к дисциплине; вместо того чтобы предоставить британскому послу действовать одному перед царем, надо было бы предпринять коллективное выступление и поручить его лицам, лучше ориентированым в русских делах. Личное представление главнокомандующего сначала императору, а впоследствии Керенскому могло бы, может быть, убедить и того и другого в безотлагательной необходимости комбинировании всех усилий согласно принятым обязательствам против *еще не побежденного* врага и особенно в той ужасной опасности, которую представляло всякое покушение на правила военной дисциплины в самом разгаре войны. Нельзя утверждать, что такие мероприятия могли бы изменить ход бедственных событий, последовавших одно за другим в 1917 г. с исторически беспощадной логикой всех революций, но тем более нельзя утверждать, что согласованные усилия не имели бы никакого результата.

К несчастью, надо еще раз заметить—коалиция только что отказалась использовать единственного человека, который был способен заставить выслушать свои мудрые предложения и русское верховное командование и русское правительство. Несколько месяцев спустя, находясь под лучшим влиянием, французское правительство использовало громадную популярность маршала Жоффра, чтобы получить в полном объеме американскую военную помощь. Успех его миссии в Соединенных штатах наводит на мысль, что хлопоты в России, предпринятые им же своевременно, т. е. в первые месяцы 1917 г. могли бы также увенчаться успехом [1].

К этим моральным и политическим соображениям присоединились в заключение более объективные причины *чисто военного порядка*, оправдывавшие новую ориентацию военных операций. С начала 1917 г. коалиция временно утратила возможность практически под-

[1] Вряд ли можно сравнивать эти две миссии: получение помощи от Америки и восстановление русской армии. Ред.

готовить и дать генеральное сражение, подобное сражению 1916 г., так как она отказалась от услуг человека, которого все главнокомандующие признавали своим военным руководителем и который до конца продолжал действовать в высших и общих интересах всех союзников. То исключительное положение, которого достиг в этом смысле маршал Жоффр, и тот высокий авторитет, которым он пользовался, по общему признанию, в управлении военными делами коалиции, не были случайным явлением: потребовались несколько крупных побед и терпеливая, большинству незаметная, непрерывная работа с самого начала войны.

Предположить, что заместитель маршала, кто бы он ни был, может взять на себя тяжелое наследство и создать себе *сразу* необходимый для управления моральный авторитет,—значило бы совершенно не признавать урока, который легко извлечь даже из поверхностного обзора «междусоюзных актов» французского верховного командования втечение первых двух лет войны. Все эти «акты» были прекрасно известны французскому правительству, так как все они были результатом тесного и постоянного сотрудничества его с верховным командованием. При таких условиях французское правительство, конечно, знало, что с этих пор на неопределенное время общее управление военными операциями коалиции уже не будет фактически выполняться французским главнокомандующим, и поэтому оно должно было присоединиться к новой концепции, единственно возможной в данный момент, так как она требовала минимума согласованности, относительно легко осуществимого, с британским правительством и главнокомандующим британскими силами во Франции.

Доказательством справедливости нашего утверждения, что коалиция в начале 1917 г. была неспособна подготовить и вести генеральное сражение, может служить то, что она наталкивалась на всевозможные затруднения в своих попытках установить условия ограниченного и все же столь необходимого сотрудничества французской и британской армий. Чтобы добиться подчинения маршала Дугласа Хега директивам генерала Нивеля, потребовались, после свидания 15 января,

долгие переговоры, обзор которых не входит в круг нашего исследования. Эти переговоры в свою очередь потребовали созыва новой конференции руководителей правительств и главнокомандующих, состоявшейся в Кале 26 и 27 января. Эта конференция привела к выработке «конвенции, согласно которой британские армии временно (только на время производства предусмотренных общих операций) были подчинены французскому главнокомандующему, генералу Нивелю».

Несмотря на эту конвенцию, оказались необходимыми личные переговоры г. Бриана с Ллойд Джорджем и путешествие г. Рибо в Лондон, чтобы сломить явное нежелание английского маршала подчиниться приказам французского генерала, который еще не завоевал себе высокого морального авторитета своего предшественника.

Итак, резюмируя этот длинный разбор, можно видеть, что с точек зрения моральной, политической и военной существовали веские причины, заставившие коалицию предпринять операции 1917 г. в форме, предложенной генералом Нивелем. Но были ли эти причины достаточны, чтобы оправдать отказ от плана, выработанного в ноябре в Шантильи, и мотивировать рискованный прием внезапной атаки, изолированной во времени и в пространстве? Мы убеждены, что этот шаг был крупной ошибкой, и полагаем, что в известной мере указали на те решения, которые, может быть, позволили бы избежать того страшного рифа, на котором коалиция потерпела крушение в апреле 1917 г. Но, говоря так, следует отдать должное честности и патриотизму людей, принявших важное решение, которое мы критикуем с целью извлечь поучение из истории. Это поучение ясно до очевидности: чтобы победить, коалиция должна согласовать свои усилия, а это согласование может быть достигнуто деятельностью принятого и признанного всеми союзными армиями и правительствами верховного главнокомандующего.

ВЫВОДЫ.

Подойдя к концу нашего кропотливого исследования в лабиринте фактов, которые казались нам способными пролить некоторый свет на предмет нашего обсуждения, в состоянии ли мы вывести заключение и ответить на первоначально поставленный вопрос: *могла ли коалиция победить в 1917 г.?*

Нам представляется, что мы обладаем достаточными для этого данными и что тот, кто имел терпение проследить осторожный ход нашего исследования, постоянно опиравшегося на факты, ответит вместе с нами: да, коалиция могла победить в 1917 г., несмотря на неблагоприятные обстоятельства, влиять на которые ее руководители могли лишь в ограниченной степени.

Если это утверждение принимается, возникает немедленно новый вопрос: *почему коалиция не победила в 1917 г.?* Ответить на этот второй вопрос в свою очередь очень легко.

Коалиция не победила в 1917 г. потому, что она отклонилась от основных положений, управляющих войной группы вооруженных наций, и прежде всего потому, что она заменила плодотворный принцип согласованности усилий свободной импровизацией, злополучной *игрой*, в которой одни рисковали своим благополучием, между тем как другие, занятые своими собственными делами и безучастные к общим интересам, ограничивались критикой.

Третий вопрос естественно следует за вторым: *почему коалиция отклонилась от основных положений, которые она знала и с успехом применяла?*

Ответ на этот вопрос более затруднителен и более сложен, но все же его можно формулировать в следующем виде.

Коалиция отклонилась от основных правил:

а) потому, что утомленное войной и плохо осведомленное общественное мнение считало возможным требовать быстрой победы;

б) потому, что западные нации, которые долгое время были ослеплены могуществом России, увидели вдруг, что это могущество было только мифом и находилось накануне своего крушения;

в) потому, что в момент наиболее неблагоприятный коалиция лишила себя услуг единственного человека, способного заставить союзников строго следовать плану, который он составил и убедил принять.

Таковы в их неумолимой логике суровые ответы, которые анализ фактов дает на наши последовательные вопросы.

Нет необходимости вдаваться далее в область дедукций и в частности в бесплодные поиски ответственных лиц. Важно извлечь высокое поучение из событий, философское значение которого выступает из обширных рамок великой войны; его можно синтезировать в форме нескольких важнейших принципов.

1. Сила коалиции основывается на моральной дисциплине членов коалиции, точно так же как сила армий основывается на военной дисциплине.

2. Всякая коалиция должна иметь своего вождя. Она должна его выбрать, принять и добросовестно ему повиноваться.

3. При ведении военных операций коалиции игра на риск недопустима. Каждая нация обязана сражаться в границах, установленных общим планом. Всякая отдельная инициатива подлежит осуждению.

4. Пока коалиция участвует в войне, национальный интерес должен отступать перед общим, и вождю коалиции надлежит следить, чтобы в пределах, установленных для совместных операций, каждая нация напрягала свое усилие исключительно в целях победоносного продолжения войны.

5. Группа союзных наций и коалиция остается крепко спаянной только тогда, когда каждая из них добросовестно соблюдает правила чести. Связь, основанная на выгоде, является в этом отношении недостаточной,

и нация, которая по частным мотивам самовольно оставляет своих союзников во время сражения, сильно компрометирует свой моральный авторитет.

Если бы эти истины, к которым можно было бы присоединить и много других, были осознаны и полностью применены, то коалиция, которая борется за правое дело и может, следовательно, основывать свое существование на высшем моральном законе,—такая коалиция оказалась бы непобедимой и способной защитить против кого бы то ни было неотъемлемые права своих народов на их свободную и гордую жизнь.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

1 р. 20 к.

24956